

ЖИВАЯ СТАРИНА.

Основана В. И. Ламанскимъ.

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

Русского Географического Общества.

Годъ XXV.

Выпускъ IV.

1916.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія С. В. Смирнова, Екатерининскій кан., № 45.

1917.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

Н. М. Могилянскій. Страница изъ исторіи русской этнографіи. (Памяти Н. П. Второва, С. П. Павлова и М. Б. Тулліова)	235—242
Иванъ Максимовъ. Свадебные обряды крестьянъ Лужского уѣзда Петроградской губерніи.	243—262
А. С. Грушевскій. Изъ цикла украинскихъ народныхъ пѣсень о панщинѣ	263—272
А. К. Сержпутовскій. Поѣзда въ нагорный Дагестанъ. Со вступлениемъ акад. И. Я. Марра и его же русскимъ указателемъ къ дидойско-русскому словарю . .	273—302
Н. М. Могилянскій. Областной или мѣстный музей, какъ типъ культурнаго учрежденія	303—326
Н. Ончуковъ. Смерть Александра II-го	327—328
М. Муратовъ. Поправка	329—330
Критика и библіографія	331—341
7. Д. Н. Зеленинъ. Очерки русской мифологии. Вып. I. В. Харуциной (331—336).—8. Н. Я. Нинифоровъ. Амоскій сборникъ. Собрание сказокъ алтайцевъ съ примѣчаніями Г. Н. Потанина. Н. Виташевскаго (337—341).	
Отъ Редакціи	342
Приложение № 6	071—0106
СОДЕРЖАНИЕ: П. Богатыревъ. Нѣсколько легендъ Шенкурскаго у. Архангельской губ. Трофимъ Мендяровъ. Мелкія замѣтки о черемисахъ.—А. Бурдуковъ. Роды у баштовъ. (Обычаи и знахарство во время родовъ).—В. Посниковъ. Секта „куту-сартъ“.—Ив. Лопатинъ. Гольцкія сказки. Ален. Мѣлковъ. Нѣсколько указаний для собирания дѣтскихъ народныхъ игръ.	
Журналы застѣданій Отдѣленія Этнографіи 20 мая, 11 и 26 ноября 1916 г. Отд. отд. изъ „Извѣстій Р. Г. О.“	1—8

ЖИВАЯ СТАРИНА.

Основана В. И. Ламанскимъ.

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

Русского Географического Общества.

Годъ XXV.

1916.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія С. В. Смирнова, Екатерининскій кан., № 45.
1917.

О ГЛАВЛЕНИЕ.

Отчетъ о дѣятельности Отдѣления Этнографіи и состоящихъ при немъ комиссій за 1915 годъ.	I—X
Д. А. Золотаревъ. Обзоръ дѣятельности Постоянной Комиссіи по составленію этнографическихъ картъ Россіи при Р. Г. Обществѣ.	XI—XXIV
Н. М. Могилянскій. Предметъ и задачи этнографіи	1—22
Д. Малининъ. Къ вопросу о происхождении медынскихъ „карѣль“	28—28
А. Н. Новожиловъ. Деревенскія „бисѣды“ (Хотеновская вол., Кирилловск. у., Новгородск. губ.)	29—35
І. Лахерма. Къ вопросу о древней муромѣ	36
Вл. А. Гордлевскій. А. А. Диваевъ. Къ 25-тилѣтію научной дѣятельности	37—38
Г. Н. Потанинъ. Казакъ-киргизскія и алтайскія преданія, легенды и сказки. Съ примѣчаніями автора и указателемъ собственныхъ именъ, составленнымъ А. Н. Самойловичемъ	47—198
Н. М. Могилянскій. Странничка изъ исторіи русской этнографіи. (Памяти Н. И. Второва, С. П. Павлова и М. Б. Тулинова)	235—242
Иванъ Максимовъ. Свадебные обряды крестьянъ Лужскаго уѣзда Петроградской губерніи.	243—262
А. С. Грушевскій. Изъ цикла украинскихъ народныхъ пѣсень о панщинѣ	263—272
А. Н. Сержпутовскій. Поѣзда въ нагорный Дагестанъ. Со вступленіемъ акад. Н. Я. Марра и его же русскимъ указателемъ къ дидорско-русскому словарю	273—302
Н. М. Могилянскій. Областной или мѣстный музей, какъ типъ культурнаго учрежденія	303—326
Н. Ончуковъ. Смерть Александра II-го	327—328
М. Муратовъ. Поправка	329—330
Отъ Редакціи	342
Критика и библіографія	39—46, 199—234 и 331—341

1. Извѣстія Янукскаго Отдѣла И. Р. Г. О-ва. Т. I. Н. А. Виташевскаго (39—42).—2. В. А. Ивановъ. Нѣсколько образцовъ персидской народной поэзіи.—3. З. Б. Библіографическая справка къ статьѣ „Нѣсколько образцовъ персидской народной поэзіи“. Сергея Ольденбурга (42—43).—3. Бар. А. Фелькерзамъ Старинные ковры Средней Азии. Б. Э. Петри (43—46).—4. Отчетъ Общества изученій Амурскаго края. Н. А. Виташевскаго (46).—5. Изъ финской этнографической литературы. В. Маненкка

(199—231).—6. Н. Толоконский. Якутские пословицы, загадки, святочные гадания, обряды, повседневная легенда и другое. Н. Виташевского (231—234).—7. Д. Н. Зеленин. очерки русской мифологии. Вып. I. В. Харузиной (331—336).—8. Н. Я. Никифоров. Амосский сборник. Собрание сказонь алтайцевъ съ примѣчаніями Г. Н. Потанина. Н. Виташевского (337—341).

Приложение № 4 01—026

СОДЕРЖАНИЕ: Ник. Козыревъ. Мои ошибки при собирании и записывании народныхъ сказокъ.—А. Самойловичъ. Изъ казакъ-киргизскихъ материаловъ М. Чокеева.—Гр. Дмитриевъ-Садовниковъ. Бересто и издѣлія изъ него у остыаковъ р. Ваха.—Н. Виташевский. Якутские материалы, собранные въ 1883—1897 гг.—Д-ръ Д. П. Никольский. Программа для собирания свѣдѣній о спиртныхъ напиткахъ среди инородцевъ.

Приложение № 5 027—070

СОДЕРЖАНИЕ: Н. Познанский. О собирании сказокъ.—Ив. Костоловский. Народная повседневия жителей Ярославского края.—Иосифъ Каллиниковъ. Народная примѣты.—Э. Вольтеръ. Судьба послѣднихъ ливовъ въ Россіи въ связи съ проблемою мелкихъ народностей въ государствѣ и ихъ сохраненія для науки.—Замѣтки по монголовѣдѣнию. II. А. Алсахранъ. Легенда о „Дахабары“. (Душа умершей женщины). Бурятъ Иркутского уѣзда. IV. Б. Барадайнъ. Изъ устной „ламской“ литературы бурята. Изъ быта тибетцевъ, тангутовъ и монголовъ. V. Б. Э. Петри. Бурятская игра „бахер“ (кушаки). VI. Иванъ Евсенинъ. Къ этнографіи бурята. Программа этнографического изслѣдования аршановъ у бурята Иркутской губ.—Э. А. Вольтеръ. Памяти ушедшихъ отъ насъ. 1. Чеславъ Фомичъ Сосновский. Съ портретомъ. 2. Петръ Краучунъ. 3. Карлъ Мюленбахъ.

Приложение № 6 071—0106

СОДЕРЖАНИЕ: П. Богатыревъ. Нѣсколько легендъ Шенкурского у. Архангельской губ.—Трофимъ Мендиаровъ. Мелкая замѣтки о черемисахъ.—А. Бурдуковъ. Роды у бантловъ. (Обычай и знахарство во время родовъ).—В. Посниковъ. Секта „кугусартъ“.—Ив. Лопатинъ. Гольдская сказки.—Алек. Мѣлковъ. Нѣсколько указаний для собирания дѣтскихъ народныхъ игръ.

Журналы засѣданій Отдѣленія Этнографіи 12 мая, 16 октября, 6 и 20 ноября и 11 декабря 1915 г., 22 января и 13 февраля 1916 г. и выдержки изъ протоколовъ II Отдѣла Комиссіи по составленію этнографическихъ картъ Россіи (1914—1915 гг.). Отд. отт. изъ „Извѣстій Н. Р. Г. О.“ 1—32

Журналы засѣданій: Отдѣленія Этнографіи—4 и 18 марта, 1 и 22 апрѣля и 13 мая 1916 г., Комиссіи по составленію этнографическихъ картъ Россіи—27 ноября 1915 г. и II Отдѣла той же Комиссіи—28 ноября 1915 г. Отд. отт. изъ „Извѣстій Н. Р. Г. О.“ 1—23

Журналы засѣданій Отдѣленія Этнографіи 20 мая, 11 и 26 ноября 1916 г. Отд. отт. изъ „Извѣстій Н. Р. Г. О.“ 1—8

Страницка изъ исторіи русской этнографіи.

(Памяти Н. И. Второва, С. П. Павлова и М. Б. Тулинова).

Путешествуя лѣтомъ 1904 года по Воронежской губерніи, командированный Русскимъ Музеемъ Императора Александра III для сбора этнографическихъ коллекцій для начавшаго свою дѣятельность Отдѣла Этнографіи, я записалъ по осмотрѣ музея губернскаго статистического комитета въ своеемъ дневникѣ, подъ 17 іюля, между прочимъ слѣдующее: „Особенный интересъ представляеть альбомъ фотографій по этнографіи Воронежской губерніи, составленный въ 1856 году Н. И. Второвы мъ¹. Тутъ же я нашелъ упоминаніе о рукописномъ приложении и этнографической картѣ Воронежской губ. Рукописное приложеніе найдено мной въ полномъ порядкѣ, а этнографическая карта, по словамъ А. Д. Фадеева (замѣщавшаго въ то время хранителя Воронежскаго Музея), пропала“. Альбомъ заключаетъ 55 снимковъ размѣра 13 × 18 подъ 49 номерами (нѣкоторые съ литерами).

Изъ нихъ 30 раскрашены. Рукопись озаглавлена: „Приложение къ этнографическому альбому и этнографической картѣ Воронежской губерніи“; рукопись въ переплѣтѣ и заключаетъ въ себѣ 186 стр. Сравнивая рукопись Н. И. Второва съ тѣмъ, что въ извлечениіи изъ этой рукописи было напечатано въ юбилейномъ сборникѣ въ память трехсотлѣтія г. Воронежа², я нашелъ:

1) Предисловіе (I—XI) не напечатано въ сборникѣ вовсе. Изъ этого предисловія видно, что въ 1852 году нѣкоторые изъ рисунковъ (этнографического характера) С. П. Павлова (бывшаго учителемъ рисования въ Воронежскомъ кадетскомъ корпусѣ) были представлены въ Русское Географическое Общество въ Петроградѣ.

2) Историческій очеркъ постепенного заселенія Воронежскаго края (стр. 1—44) напечатанъ не полностью: пропущены всѣ ссылки на акты и источники. Очеркъ сведенъ всего къ 6 печатнымъ страницамъ крупнаго шрифта.

3) Статистико-этнографическія замѣчанія о населеніи Воронежской губерніи (стр. 45—77). Пропущены длинныя выноски.

¹ Источники для его біографіи см. у С. Венгеровъ. Источники словаря русскихъ писателей.

² Воронежскій юбилейный сборникъ въ память трехсотлѣтія г. Воронежа. Воронежъ. 1886. Томъ II, стр. 260—293.

Таблицы использованы не вполнѣ: въ рукописи, напр., указаны отдельно цифры мужчинъ и женщинъ—въ печати дана общая цифра. Текстъ подлинника часто неизвестно зачѣмъ передѣланъ, причемъ опущены важныя ссылки. Пропуски въ текстѣ иногда весьма существенны.

4) Объясненіе рисунковъ (фотографій), заключающихся въ альбомѣ (стр. 79—186), также использовано далеко не вполнѣ. Въ подлиннике авторъ съ подробностью описываетъ не только каждую часть костюма, но даже называетъ имена лицъ, съ которыхъ были спяты фотографіи.

Этнографической карты, помѣченной въ инвентарѣ музея подъ № 507¹, мнѣ видѣть не удалось. Свѣдѣніе, данное мнѣ о ея пропажѣ, къ счастью, оказалось не совсѣмъ точнымъ. Въ музейной книжѣ я нашелъ запись, что карта значится выданію г. В. Сазонову. Мнѣ не удалось узнать, кто такой г. Сазоновъ, и гдѣ онъ находился въ то время. Быть можетъ, карта въ настоящее время уже и возвращена музею.

Въ 1857 году Н. И. Второвымъ представлена была Русскому Географическому Обществу записка о томъ, какимъ образомъ могли бы быть предприняты этнографическія изслѣдованія въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, послѣ того какъ труды его были представлены Русскому Геогр. Обществу И. И. Срезневскимъ и Предсѣдателемъ Общества великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ была сочувственно встрѣчена идея примѣненія фотографіи къ этнографическимъ изслѣдованіямъ. Записка въ юбилейномъ сборникеъ цѣликомъ также не напечатана, сдѣланы лишь краткія извлеченія². Текста записки я не видѣлъ въ музѣѣ Воронежа и не могъ также разыскать въ архивѣ Русскаго Географическаго Общества, но въ виду того, что, какъ сказано выше, извлеченія изъ записки для юбилейнаго сборника сдѣланы были, слѣдуетъ думать, что полный текстъ записки возможно отыскать.

Этнографическій матеріаль, заключающійся въ альбомѣ Н. И. Второва, былъ частью использованъ въ литературѣ. Въ 1860 и 1861 гг. въ „Русскомъ Художественномъ Листкѣ“³ были помѣщены 2 таблицы рисунковъ (въ № 34 — отъ 1 до 47 и въ № 35 — отъ 1 до 49), представляющихъ типы крестьянъ, мужчинъ и женщинъ, великороссовъ, малороссовъ и нѣмцевъ-колонистовъ, причемъ главнѣйшее вниманіе отдано женскому головному убору, отличающемуся, дѣйствительно, поразительнымъ разнообразіемъ. Здѣсь же умѣстно упомянуть, что пѣкоторыхъ головныхъ уборовъ, въ указанныхъ Н. И. Второвымъ

¹ Труды Воронежской ученой архивной комиссіи. Вып. II. Воронежъ, 1904 г.

² Ворон. юбилейный сборникъ etc., стр. 258—259.

³ „Русскій Художественный Листокъ“. С.-Петербургъ 1860 г. листъ № 34 и 1861 г. листъ № 35.

селахъ, я уже, къ сожалѣнію, найти не могъ. Была еще жива старуха, которая бралась сшить головной уборъ, но потомъ она вернула обратно оставленныя ей деньги за невозможностью найти необходимый для головного убора материалъ. Подпись подъ обѣими таблицами гласить: Изъ этнографического альбома, составленного Н. И. Второвымъ изъ фотографій купца Тулинова. Къ нѣкоторымъ чертамъ изъ интересной біографіи этого сотрудника Н. И. Второва я еще вернусь далѣе, теперь же мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ о другомъ его сотрудникѣ, учителѣ рисованія С. П. Павловѣ, такъ какъ о немъ я не нашелъ вовсе печатныхъ свѣдѣній. О Н. И. Второвѣ имѣются обстоятельный біографическая статьи, въ родѣ, напр., написанной его другомъ и душеприказчикомъ М. Ф. Депуле¹. Случайно, въ тотъ же день 19-го іюля, когда я произвѣдилъ въ музѣй свѣрку текста рукописи Н. И. Второва съ выдержками изъ пея, напечатанными въ юбилейномъ сборникѣ, я узналъ отъ кого-то изъ воронежцевъ, что живъ еще одинъ знакомый Сергѣя Павловича Павлова, земскій начальникъ Z. (*nomina sunt odiosa!*). Z. оказался очень милымъ, добрымъ, любезнымъ старичкомъ, но, къ сожалѣнію, многаго отъ него я о С. П. Павловѣ не узналъ, кромѣ того, что онъ былъ прекраснѣйший человѣкъ и находился въ дружбѣ съ нимъ.

Когда я началъ разспрашивать о томъ, гдѣ могли бы быть рисунки С. П. Павлова, Z. мнѣ могъ только сообщить, что часть рисунковъ вдова С. П. Павлова увезла въ Петербургъ и тамъ продала (кому—неизвѣстно). А другую часть... „я себѣ простить этого не могу“...—сказалъ въ глубокомъ смущеніи г. Z.—„много тетрадей съ рисунками, акварелями, путевыми эскизами и замѣтками С. П. Павлова... разорвали, играя, мои дѣти, когда были маленькими. Я тогда не придавалъ никакого значенія всему этому“. Искренній тонъ разсказа и не менѣе искреннее раскаяніе въ происшедшемъ—вотъ все, что осталось отъ старателнаго, любовнаго труда, быть можетъ, многихъ лѣтъ С. П. Павлова. Возможно, что и удастся еще найти хотя бы частицу работъ этого дѣятельнаго сотрудника Н. И. Второва, хотя надежды на это и не особенно много. Не менѣе любопытна личность острогожского купца М. Б. Тулинова. О немъ въ „Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ 1856 г.² были сообщены такія свѣдѣнія.

„Тулиновъ—купецъ г. Острогожска, покинувшій торговыя занятія изъ любви къ фотографіи. Съ раннихъ лѣтъ въ немъ обнаружилась сильная страсть къ знаніямъ. Выучившись грамотѣ по псалтырю, онъ началъ читать съ жадностью все, что ни попадалось ему подъ руку.

¹ Русскій Архивъ, 1877 г. (№№ 6—8).

² Юбилейный Сборникъ etc., стр. 294.

Какъ скоро встрѣчался ему какой-либо предметъ, который возбуждалъ въ немъ особенный интересъ, онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы изучить этотъ предметъ, и до тѣхъ поръ не останавливался, пока любопытство его не было достаточно удовлетворено. Такимъ образомъ заинтересовала его фотографія, о которой случилось ему прочитать статейку въ одномъ изъ періодическихъ изданій. Онъ захотѣлъ непремѣнно извѣдать этотъ предметъ на опытѣ. Въ уѣздномъ городѣ, гдѣ онъ жилъ, не было необходимыхъ къ тому пособій, ни руководителей. никакія затрудненія однако не могли заставить его отказаться отъ своего намѣренія. Онъ досталъ иѣкоторыя руководства къ физикѣ и принялъся изучать эту науку, въ особенности же статью о свѣтѣ; самъ устроилъ себѣ, по описаниямъ и рисункамъ, камеру-обскуру, для которой самъ же вышлифовалъ объективъ изъ рюмочнаго дна. Само собою разумѣется, что первыя попытки его были очень неудачны; неудачи эти возбудили насмѣшки, особенно со стороны его домашнихъ, которые считали занятія его за шалость и не одобряли ихъ, такъ какъ они отвлекали его отъ торговли. Несмотря на все это, онъ не упывалъ и продолжалъ добиваться цѣли.

Вскорѣ онъ увидалъ, что для успѣха въ дѣлѣ ему необходимо знаніе въ химіи, и эта наука сдѣлалась также предметомъ его занятій. Наконецъ, сила воли взяла верхъ: онъ достигъ довольно удовлетворительныхъ успѣховъ, такъ что въ Острогожскѣ стали обращаться къ нему съ предложеніемъ снимать портреты¹.

Этому сильному волей человѣку, фотографу-самоучкѣ, шлифовавшему собственноручно объективы изъ рюмочнаго дна, мы обязаны существованіемъ альбома, которому сейчасъ уже исполнилось 60 лѣтъ и который является для нашего времени важнѣйшимъ этнографическимъ документомъ.

У настѣ не можетъ быть теперь ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что труды по этнографіи совѣтника Воронежскаго Губернскаго Правленія Н. И. Второва написаны себѣ должную и заслуженную оцѣнку въ Русскомъ Географическомъ Обществѣ.

Лучшимъ тому доказательствомъ служитъ отзывъ о нихъ акад. И. И. Срезневскаго, который я имѣлъ возможность получить, благодаря любезности библіотекаря Академіи Наукъ В. И. Срезневскаго. Отзывъ этотъ настолько интересенъ, что я позволяю себѣ привести его цѣликомъ. Вотъ что писалъ И. И. Срезневскій¹.

„Частныхъ изслѣдований о Малороссіи, Запорожье, Новороссійскомъ краѣ, Донской землѣ у настѣ уже не мало. Гораздо менѣе о Слободской Українѣ, еще менѣе о краѣ Воронежскомъ,—и безъ особнаго, можно сказать, совершенно случайного обстоятельства, онъ остались бы и доселѣ едва початы. Тѣмъ, что сдѣлано относительно

¹ Архивъ И. И. Срезневскаго, № 265. Библіотека Академіи Наукъ.

Воронежского края, мы обязаны частной охотъ двухъ любителей: бывшаго Советника Воронежского губернского правления г. Второва и его товарища г. Александрова-Дольника.

Труды, ими совершенные, достойны признательности тѣмъ болѣе, что ихъ значеніе—не только частное, но, по отношенію къ современнымъ литературно-ученымъ требованіямъ, и очень общее.

Въ 1849—1850 и потомъ вторично въ 1851—1853 изданы гг. Второвымъ и Дольникомъ Древнія грамоты и другіе письменные памятники, касающіеся Воронежской губерніи и частью Азова.

Переселившись въ 1849 году въ г. Воронежъ, гг. Второвъ и Дольникъ пожелали ознакомиться съ исторіей и настоящимъ положеніемъ этой новой для нихъ мѣстности и потому стали разыскивать все печатное и писанное обѣ этой губерніи. Очень понятно, что они встрѣтили чрезвычайную скудость въ источникахъ къ удовлетворенію ихъ желанія.

Зная, между тѣмъ, изъ общей исторіи Россіи, что здѣшній край былъ нѣкогда мѣсто пребываніемъ разныхъ иноплеменныхъ народовъ, что здѣсь пролегалъ путь знаменитѣйшихъ татарскихъ завоевателей и путь князей нашихъ въ Орду, что впослѣдствіи здѣсь проходила сторожевая линія укрѣпленій, ограждавшихъ наше отечество отъ вторженія татаръ, что протекающая по губерніи рѣка Донъ была путемъ для сношеній Россіи съ Турцией, Крымомъ и Донскими казаками, что, наконецъ, въ г. Воронежѣ жилъ довольно долгое время великий преобразователь Россіи, который положилъ здѣсь основаніе русскому флоту, — гг. Второвъ и Дольникъ, желая ближе познакомиться съ исторіей края, стали продолжать свои поиски и обратились къ архивамъ присутственныхъ мѣстъ.

Поиски эти... превзошли ихъ ожиданія. Въ архивѣ Губернского Правления нашли они три огромныхъ сундука, набитыхъ биткомъ старинными свитками, а вскорѣ потомъ узнали, что еще большее число свитковъ хранится въ архивахъ уѣздныхъ городовъ: Валуекъ, Острогожска, Коротояка, Боброва и иѣк. др.

Въ Воронежскомъ архивѣ нашли они акты начиная со временъ Царя Михаила Федоровича до императора Петра I включительно, касающіеся собственно Воронежа, и кромѣ того дѣла Азовскія, перенесенныя сюда послѣ сдачи Азова туркамъ въ 1711 году.

При помощи редактора Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей г. Средина, кандидата С.-Петербургскаго Университета, они привели свитки въ порядокъ и съ сентября 1849 года начали печатать по нѣскольку документовъ въ каждомъ номерѣ Губернскихъ Вѣдомостей, перепечатывая ихъ въ то же время въ отдѣльныя книжки. Къ концу 1850 года издано было болѣе 150 разнаго рода актовъ, изъ которыхъ составилось три книжки, перепечатанныхъ въ 1851—1853 годахъ.

И издание вышло, какого напрасно еще у насъ ожидала наука даже и отъ опытныхъ знатоковъ дѣла.

Всѣ акты напечатаны по возможности до буквы вѣрно съ подлинникомъ, гдѣ нужно подъ строками сдѣланы объясненія непонятныхъ словъ, приложены снимки, карта Воронежскаго края и рисунокъ Воронежа въ XVII вѣкѣ, планъ окрестностей его и сверхъ всего этого очень подробные указатели: систематические указатели содержания, алфавитные указатели именъ мѣстностей и личныхъ, словари старинныхъ словъ съ объясненіями и съ указаніемъ, какихъ недостаетъ въ Академическомъ Словарѣ, наконецъ, указатели грамматическихъ особенностей въ языкѣ актовъ.

Акты всякаго рода издано у насъ огромное множество; дѣло исполнялось безъ недостатка средствъ виѣшнихъ и внутреннихъ, и тѣмъ не менѣе ни одно изданіе, за исключеніемъ „Выходовъ“, изданій академикомъ Строевымъ, не могло послужить образцомъ для издателей Воронежскихъ актовъ. А между тѣмъ, будь у насъ изданы всѣ акты такъ, какъ эти, много археологическихъ и юридическихъ вопросъ, иногда волнующихъ нашу текущую литературу, были бы сами собою решены, безъ насилий правдѣ и умѣнию ее отыскивать.

Ревеніе гг. Второва и Дольника не уснуло съ окончаніемъ изданія актовъ. Лѣтомъ 1851 года они объѣзжали по дѣламъ службы уѣздные города Воронежской губерніи и воспользовались этимъ случаемъ для собирания разныхъ свѣдѣній о краѣ, особенно этнографическихъ, представляющихъ большой интересъ по разнообразію жителей.

При переѣздахъ изъ одного города къ другому, останавливаясь въ селеніяхъ, они разспрашивали мужичковъ объ ихъ житьѣ-бытьѣ, обѣ обрядахъ, повѣрьяхъ, преданіяхъ, записывали и пѣсни, отмѣчали слова и особенности ихъ говора. Въ то же время приглашенный къ сопутствію учитель рисованія г. Павловъ срисовывалъ костюмы поселянъ съ ихъ портретами и другіе наиболѣе замѣчательные предметы.

То же повторено было въ 1852 и 1853 году.

То же повторилъ г. Второвъ еще разъ въ 1856 году и на этотъ разъ съ фотографомъ самоучкой, острогожскимъ купцомъ Тулиновымъ. Много встрѣтилось препятствій въ исполненіи ихъ предпріятія—и отъ несовершенства и недостатка пособій, и отъ мѣстныхъ обстоятельствъ; тѣмъ не менѣе цѣль, по возможности, была достигнута. Предпріятіе г. Второва, сколько извѣстно, первое въ своемъ родѣ, какъ образецъ примѣненія фотографіи къ нуждамъ этнографіи, достойно особенного вниманія. Тутъ его общее значеніе. Безъ сомнѣнія, одна только фотографія можетъ облегчить собираніе этнографическихъ рисунковъ всякаго рода—и по относительной дешевизнѣ своей, и по скорости снятія. Притомъ же фотографическимъ рисункамъ довѣрять можно

болѣе всего, какъ менѣе всего зависящимъ отъ произвола въ изображеніи. Для полноты этнографического сборника къ рисункамъ фотографическимъ остается прибавить только чертежи топографические, физиологические и т. д.

Г. Второвъ имѣлъ счастіе представить свой этнографическій альбомъ Августѣйшему Предсѣдателю нашему и пріпесъ его въ даръ Обществу. Вотъ онъ.

При этнографическомъ альбомѣ Воронежской губерніи г. Второва приложена этнографическая карта этой губерніи и часть этнографического описанія. Здѣсь находимъ:

1. Историческій очеркъ постепенного заселенія края.
2. Статистико-этнографическія замѣчанія о настоящемъ населеніи Воронежской губерніи.
3. Объясненіе рисунковъ альбома съ описаніемъ снятыхъ лицъ, подробностей объ ихъ одеждахъ, съ ея мѣстными названіями и отчасти съ другими этнографическими замѣтками.

Общество въ правѣ надѣяться, что г. Второвъ сообщить ему и остальную часть своихъ этнографическихъ наблюденій, вѣроятно еще болѣе любопытную по даннымъ о бытѣ и обычаяхъ народа.

А со временемъ, Богъ дастъ, по этому прекрасному образцу мы будемъ имѣть такой материалъ для каждого изъ краевъ нашего Отечества!

Общество и теперь уже нѣбѣдно разнаго рода этнографическими материалами, описаніями, рисунками, чертежами, моделями. Пора подумать о приведеніи этого имущества нашего въ стройный порядокъ, о раскрытии всего его въ особенномъ Этнографическомъ Музѣѣ. Благодѣтельное вниманіе къ этому дѣлу Августѣйшаго Предсѣдателя нашего ручается, что и это предпріятіе, какъ множество другихъ, исполнится на благо общее, къ которому всѣ мы единодушно должны стремиться, всякой по своимъ силамъ и разумѣнью.

Всякій согласится, что альбомъ г. Второва—прекрасный вкладъ въ нашъ будущій этнографическій музей. Чтобы ближе познакомиться съ описательной частью труда его, я позволю себѣ прочесть изъ книги „Приложенія“ нѣсколько страницъ“.

Изъ записки И. И. Срезневскаго, не нуждающейся въ какомъ-либо комментаріи, слѣдуетъ отмѣтить два обстоятельства: одно—общаго интереса, другое—болѣе частнаго характера.

Первое интересно въ томъ отношеніи, что уже тогда у И. И. Срезневскаго въ его сознаніи стоялъ „особенный этнографическій Музей“, и осуществился онъ, однако, только черезъ 40 лѣтъ впѣ инициативы Географическаго Общества. Вообще страстная мысль Н. И. Второва о широкой постановкѣ этнографическихъ изслѣдований Старина. 1916.

ваній, которымъ онъ показалъ на личномъ опыте блестящій примѣръ, хотя и встрѣченная сочувственно, не пашла себѣ, однако, реальной почвы для проведенія въ жизнь.

Второе состоится въ томъ, что альбомъ и рукопись Н. И. Второва, пынѣ находящіеся въ г. Воронежѣ, неоспоримая собственность Русского Географического Общества, ибо Н. И. Второвъ „принесъ ихъ въ даръ Обществу“.

Не проще ли всего было бы, если бы Этнографическое Отдѣленіе Географического Общества издало альбомъ Н. И. Второва и его „Приложеніе“ полностью, а также этнографическую карту Воронежской губерніи съ прибавленіемъ его записки о томъ, какъ предпринять этнографическія изслѣдованія въ другихъ мѣстностяхъ, и тѣмъ воздало заслуженную дань уваженія трудамъ трехъ пionеровъ отечественной этнографіи въ провинціи: совѣтника Ворон. Губ. Правленія Н. И. Второва, учителя рисованія Воронежскаго кадетскаго корпуса С. И. Навлова и острогожскаго купца М. Б. Туликова. Самый альбомъ и всѣ оригиналъные документы могли бы потомъ остаться въ г. Воронежѣ, какъ памятникъ трудовъ этихъ замѣчательныхъ русскихъ людей, на мѣстѣ ихъ возникновенія.

Н. Могилянскій.

Сентябрь 1916 г.

Свадебные обряды крестьянъ Лужскаго уѣзда Петроградской губерніи. ¹.

С в а т о в с т в о.

Вечеромъ, по извѣщеніи или безъ онаго, приходятъ или пріѣзжаютъ сваты; дѣвушка-невѣста въ это время принарядится, ставить самоваръ и начинается угощеніе сватовъ. Разговоры идутъ хозяйственнаго и дѣлового характера, и къ концу этой бесѣды сваты обращаются къ роднымъ дѣвушкѣ со словами, что мы-де пришли къ вамъ не угощаться, а посватать вашу дочь (или кто она будетъ); тутъ уже разговоръ завязывается на тему о сватовствѣ. Если сваты видятъ, что дѣло кончится согласіемъ, то приглашаютъ родныхъ дѣвушкѣ притти или пріѣхать посмотретьъ домъ парня-жениха и познакомиться съ его хозяйствомъ; согласія же дѣвушкѣ для решения ея судьбы во многихъ случаяхъ не требуется, „не вѣкъ же въ дѣвкахъ оставаться, за кого не итти, за кого итти“.

Послѣ сватовства, такъ на второй или на третій день, смотря какъ условились, родные дѣвушки идутъ смотрѣть домъ жениха, гдѣ иногда бываютъ куріозныя вещи: если, напр., родные жениха захотятъ пофорсить, то прибавляютъ отъ сосѣда въ свой домъ что возможно изъ имущества, иногда ставятъ сосѣдскую корову, лошадь. Сватовъ угощаютъ, а послѣ разговоровъ обводятъ ихъ всюду, показываютъ домъ, служебныя постройки, все хозяйство. Когда, наконецъ, родные невѣсты окончательно соглашаются па обрученіе, назначаютъ день, чтобы притти или пріѣхать на послѣдній конецъ—па „рукобитье“. Въ назначенный день родные жениха, иногда и самъ женихъ, приходятъ къ невѣстѣ: опять происходить угощеніе и только подъ конецъ тѣ разговоры, изъ-за которыхъ пришли; послѣ полнаго соглашенія выходятъ изъ-за стола и, помолясь Богу, благодарятъ хозяина за гостепріимство. Тутъ-то и рѣшается судьба дѣвушки: молятся Богу, берутъ икону и цѣлуютъ ее всѣ поочереди, начиная съ отца

¹ Настоящая статья любезно просмотрѣна въ рукописи сначала проф. Б. Н. Меншуткинымъ, которому принадлежатъ сноски у нѣкоторыхъ мѣстныхъ словъ, а затѣмъ проф. Н. М. Каринскимъ.

Ред.

и матери и кончая женихомъ и невѣстой: тогда уже все дѣло кончено, какъ говорятъ—„Богъ поцѣлсвалъ“ и нарушить эту святость считается великимъ грѣхомъ и позоромъ. Бываютъ случаи, что передъ самой свадьбой ее нарушаютъ; тогда противъ нарушителей возбуждается судебное преслѣдованіе. Если сватали отецъ и мать жениха, то имъ дарятъ: отцу на рубашку, матери—на платье, смотря по достаткамъ жениха, а они въ свою очередь отдариваютъ соотвѣтственными подарками. Во время просватинъ пѣкоторые допускаютъ постороннюю публику, другое—нѣть.

Когда сваты уходятъ, невѣста начинаетъ плакать отцу такими словами:

Я спрошу у тебя, родитель-батюшка,
Что у тебя за пиръ былъ, за бесѣдушка,
Что за гости были, за пріятели.
Это не гости были и не пріятели,
А вѣковѣчны наши разлучители.
Поразлучать молодешеньку
Меня съ вами, родитель-батюшка,—
Вѣрно, надоѣла я вамъ и наскучила.
Хлѣбомъ-солью меня кормючи,
Цвѣтной окрутушкой одѣваючи,
И па гулянѣе собираючи,
А со гуляньюца встрѣчаючи.
Аль во полюшкѣ я была не работница,
Аль при нарядѣ я была отговорница.
Все прошло, все миновалося,
Жизнь привольная скороталася.
Я пошаду, какъ птичка, въ клѣточку,
Я, какъ рыбинка, во сѣточку.

Если невѣста—спрота, то приплакиваніе—другое.

Когда сваты уходятъ совсѣмъ, то дѣвицы хватаютъ ихъ за платья и требуютъ отъ нихъ на гостинцы; сваты даютъ, что находятъ возможнымъ.

Съ этого дня начинается приготовленіе къ свадьбѣ, какъ у жениха, такъ и у невѣсты, и варятъ пиво, кто какое умѣеть. Къ невѣстѣ подруги ходятъ помогать шить приданое; дни за два до свадьбы устраиваютъ вечеринки какъ у жениха, такъ и у невѣсты, созываютъ родныхъ и угощаютъ виномъ, пивомъ и закусками. А послѣ этого подруги невѣсты утромъ п вечеромъ поютъ подъ окномъ ея „зорю“. Она поется такъ.

Вотъ мы выйдемте, сестрицы, мы на Божій свѣтъ,
Мы на Божій свѣтъ, на буянъ вѣтеръ.
Мы встанемте, сестрицы, во единый кругъ

И взглянемте, сестрицы, другъ на друженьку:
Всѣ ли мы, сестрицы, пособралися,
И понаправимте, сестрицы, звонки голосы
И восклікните мы зорю вечернюю.
Понемножку зоря зазималася,
Красное солнышко за лѣсъ катится,
Наша Дунюшка собирается,
Съ вольной волюшкой разставается.
Вольна волюшка родной батюшка,
А нѣга родна матушка.
Гдѣ ты, воля, потерялася,
Во темномъ лѣсу заблудилася,
Во шелковой травѣ запуталася,
Во черной грязи замаралася,
Во быстрой рѣкѣ умывалася,
Въ Божію церковь собирается.

Въ періодъ между просватинами и свадьбою женихъ приходитъ или пріѣзжасть къ невѣстѣ съ гостинцами. Наканунѣ свадьбы подруги невѣсты водятъ ее въ баню. При входѣ въ баню одна изъ подругъ читаетъ вслухъ молитву „да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его“ и т. д., а послѣ умыванія при выходѣ изъ бани поютъ пѣсни:

Вотъ мы выйдемте, сестрицы, изъ парной баенки
И поклонимся, сестрицы, на всѣ стороны.
Мы пойдемте-ка, сестрицы, потихохоньку,
Мы накладемъ слѣдковъ почастехоньку,
Родному батюшку на вспоминаньице,
А родной матушкѣ на горючи слезы.

А невѣста голоситъ о своей вольной волѣ; идутъ онѣ по деревни и поютъ:

Не дивуйтесь-ка, люди добрые,
Не княгиня идетъ, не боярыня,
Идетъ бѣдная горюшечка
Она со парной-то со баенки,
Она съ красными со дѣвушками.

Если у невѣсты есть въ деревни родные дядя или тетка, то невѣста заходитъ къ нимъ и зазываетъ ихъ на свадьбу—тоже съ пѣснями и съ приплакиваніями. Когда входятъ въ сѣни (хотя къ теткѣ), поютъ:

Не ломитесь-ка, не ломитесь, сѣни новыя,
Вы не гнитесь-ка, не гнитесь, перекладинки:
Не пугайтесь-ка, не пугайтесь, родная тетенька.

Не грозна, не грозна туча подымается,
Туть идетъ, идетъ бѣдна горюшечка,
Она со парной-то со баенки,
Она съ красными-то дѣвушками.

А невѣста приплакиваетъ то же, что поютъ и дѣвушки, и затѣмъ зазываетъ на свадьбу тетку такъ:

Подымись-ка, рѣдная тетењка (или рѣдныи дяденька),
Ко мнѣ на свадебку ко горюшечкѣ.
Ты скажи-ка, рѣдная тетењка,
Каково житье во чужихъ людяхъ,
У чужого отца-матери?

А тетка отвѣчаетъ, тоже приплакивая:

Во чужихъ людяхъ жизнь тяжелая,
Жизнь тяжелая, не спокойная.
У чужого отца-матери
Нѣту жалости ко сиротушкѣ.

Послѣ этого невѣstu и дѣвушекъ угощаютъ, а потомъ онѣ идутъ дальше и повторяютъ все то же. По приходѣ домой подруги поютъ ту же пѣсню „Не ломитесь-ка, сѣни новыя“, а невѣста кланяется отцу въ поги и приплакиваетъ:

Тебѣ спасибо, рѣдный батюшко,
За парную за баенку.
А не спасибо, рѣдный батюшко,
Что ты меня обманывалъ,
Что парна баенка на крутой горѣ,
На крутой горѣ у быстрой рѣки;
Парна баенка пріукрашена,
Она березничкомъ пріусажена,
А какъ пошла я, молодешенька,
Такъ парна баенка подъ горой стоитъ;
Какъ вошла я въ парну баенку,
Я ступила правой ноженькой,
Правой ноженькой во черную грязь.
Посмотрѣла я, молодешенька,
Какъ заметалась вольна волюшка,
По угламъ она по грядочкамъ,
Какъ ужаснулось ретиво сердце.

Затѣмъ невѣста приплакиваетъ сестрѣ (если есть сестра).

Ты прими, сестрица рѣдная,
Мою вольную ты волюшку,

Мою любимую дѣвичью красу;
Мое дѣвичество не сбесчено,
Алые ленточки не запачканы.

И въ это время она вывязываетъ изъ косы ленты и отдаетъ ихъ сестрѣ или близкой подругѣ.

День свадьбы.

Утромъ мать невѣсты будить ее словами:

Вставай, голубушка моя доченька,
Тебѣ пора вставать, голову чесать.

А дочь отвѣчаетъ матери:

Не буди меня, рѣдна матушка,
Я давно вставши и повыспавши,
Горячимъ слезамъ повымыши,
Тоской-кручинушкой повытерши,
Злобой-горюшкомъ поразмаявши.
Ты спроси меня, родимая,
Какъ мнѣ спалась темна ноченька;
Мнѣ не спалось, все мнѣ думалось,
На зориночкѣ позабылася.
Мимо нашего построеньца
Пролетало стадо сѣрыхъ гусей,
Налету гуси восклинули:
Быть теплу гнѣзду раззоренному,
Съ отцомъ-матерью разлученною.

А въ это время подруги поютъ подъ окномъ приведенную выше „зорю“. Затѣмъ пить, ъдятъ, приготовляются къ свадьбѣ; всюду оживленіе, жарятъ, пекутъ, варятъ, а около невѣсты хлопочутъ ся подруги и родные, собравшіеся отовсюду на свадьбу; укладываются все, чтобы не забыть чего, приготовляютъ столы, скамейки, посуду, ожидаются свадьбы. Невѣсту наряжаютъ къ вѣнцу, и передъ обуваніемъ ея подруги поютъ:

Ты обуй-ка, братецъ родненькій (если есть братъ),
Ираву ноженьку послабешенько,
Чтобъ разулась посередъ пути,
Чтобъ остаться красной дѣвушкой—

а невѣста приплакиваетъ въ это время то же, что и поютъ. Теперь мы оставимъ невѣсту убираться, а сами посмотримъ, что дѣлается у жениха.

У жениха.

И здѣсь идутъ тоже спѣшиныя приготовленія: пекутъ, жарятъ, варятъ, собираютъ экипажи, лошадей, сбрую, поѣзжанъ, дружекъ (шайферовъ). У лошадей гривы и челки украшаютъ лентами, на сидѣнья экипажей кладутъ первыя подушки съ кумачевыми наволочками и покрываютъ простынями съ двойнымъ узоромъ; простыни свѣшиваются черезъ задинку. Къ дугамъ подвязываютъ колокольчики, къ шею лошадямъ—ошейники съ бубенчиками. Дружкамъ (которыхъ бываетъ четыре, а то и шесть) черезъ плечо по-генеральски подвязываютъ полотенца съ двоими и даже съ троими узорами; концы полотенецъ падаютъ чуть не до пять; все это очень красиво. Старшій дружка, руководящій свадебнымъ поѣздомъ, отличается отъ другихъ, младшихъ, тѣмъ, что у него полотенце положено на правое плечо, перевязано подъ лѣвой мышкой, а у младшихъ, наоборотъ, полотенце лежитъ на лѣвомъ плечѣ. Это дѣлается для того, чтобы, не спрашивая, можно было узнать, какой дружка старшій.

Когда все готово, жениха сажаютъ за накрытый бѣлой скатертью столъ, и отецъ съ матерью, крестнымъ и крестной благословляютъ, затѣмъ дарятъ. Старшій дружка выкликаетъ сначала родныхъ жениха, а потомъ и сосѣдей, которые дарятъ, т. е. кладутъ на выставленное блюдо деньги—кто сколько желаетъ или можетъ, а ему наливаютъ рюмку-другую водки и стаканъ-два пива. Послѣ этого подарившій отходитъ отъ стола, его мѣсто занимаетъ другой и такъ далѣе; вызывать продолжаютъ, пока еще подходятъ. По окончаніи даренія дружки берутъ жениха за руки и выводятъ изъ-за стола; старшему дружкамъ даютъ кнутъ, младшему шубу; послѣдній поворачиваетъ ее шерстью вверхъ и кладетъ на поль, а старшій дружка бьетъ кнутомъ по шубѣ накресть и говоритъ: „рѣдный батюшка и рѣдная матушка, благословите нашего князя молодого, а вашего сына рѣднаго, въ путь дорогу отпустить, пути Божіей отвѣдать, подъ вѣнецъ встать, чудный крестъ цѣловать и золотымъ кольцомъ обручиться“. Женихъ кланяется въ ноги, поддерживаемый дружками за руки; затѣмъ старшій дружка обращается къ крестному отцу и къ крестной матери съ тѣми же словами, какія были сказаны отцу и матери. А женихъ тоже кланяется опять въ ноги.

Наконецъ, обернувшись лицомъ къ дверямъ (становятся лицомъ къ дверямъ и женихъ и всѣ дружки), старшій дружка говоритъ: „Гости званы, браны, Богомъ даны, молоды молодицы, красныя дѣвицы, благословите нашего князя молодого въ путь дорогу отпустить, пути Божіей отвѣдать, подъ вѣнецъ встать, чудный крестъ цѣловать и золотымъ кольцомъ обручиться“. Весь собравшійся народъ въ одинъ голосъ отвѣчаетъ: „Богъ благословить, дай Богъ часъ добрый“.

Теперь жениха выводятъ вонъ изъ избы; впереди всѣхъ идетъ сваха, пятымъ пазадъ, и разметасть чистымъ вѣникомъ дорогу на обѣ стороны до самаго экипажа. Женихъ проходитъ, и его усаживаются въ экипажъ, а дружки съ иконою въ рукахъ обходятъ свадебный поѣздъ три раза кругомъ; затѣмъ усаживаются всякъ на свою лошадь, и всѣ флутъ къ невѣстѣ. Свадьба поѣхала, а мы вернемся къ невѣстѣ.

У невѣсты.

Невѣста обута, наряжена и посажена за столъ; отецъ, мать и крестные благословляютъ ее и дарятъ. Кто-нибудь изъ родныхъ невѣсты—брать, дядя—выкликаетъ родовую; всѣ подходятъ и дарятъ, кто сколько можетъ, а ихъ тутъ угощаются виномъ и пивомъ; затѣмъ выкликаютъ сосѣдей,—тѣ тоже дарятъ и получаютъ угощеніе виномъ и пивомъ. А подруги въ это время, стоя за столомъ, поютъ такую пѣсню:

Не дарите-ка, не дарите-ка золотой казной,
А подарите-ка, подарите-ка умомъ-разумомъ,
Съ чѣмъ итти бѣдной горюшечкѣ во чужи люди,
Ко чужому, ко чужому отцу-матери.

Эта пѣсня повторяется нѣсколько разъ, пока не закончится дареніе невѣсты. Бываетъ такъ, что во время ея повторенія вдругъ проносится слухъ, чтоѣдетъ свадьба: тогда у всѣхъ, какъ по командѣ, взглядъ устремляется въ ту сторону, откуда ожидается свадьба; нѣкоторые выбѣгаютъ вонъ изъ избы, чтобы поскорѣе взглянуть на поѣздъ.

Но вотъ пріѣзжаетъ и свадебный поѣздъ. Онъ останавливается у родныхъ невѣсты или у сосѣда; женихъ и сваха сходятъ съ экипажа и идутъ въ избу; поѣзжане привязываютъ лошадей и затѣмъ тоже идутъ въ избу, а конямъ хозяинъ задаетъ сѣна. Немного опривившись, поѣзжане идутъ къ невѣстѣ какъ бы узнать, готова ли невѣста; они ее дарятъ, также по выкличкѣ, и подруги угощаются ихъ, причемъ поютъ, какъ раньше, „Не дарите-ка, не дарите-ка...“ Дружекъ перевязываютъ тутъ накресть полотенцевъ кушаками; дружки отдираютъ за эту перевязку и идутъ обратно къ жениху, а затѣмъ, погодя немнога, опять къ невѣстѣ, какъ бы поторопливать ее. Подруги снова перевязываютъ дружекъ поясами, теперь черезъ плечо, и они снова отдираютъ подругъ. Послѣ этого дружки приглашаютъ подругъ невѣсты притти къ жениху погулять; подруги соглашаются, идутъ къ жениху, берутъ кружку пива и покрываютъ ее шелковымъ платкомъ; невѣста въ это время остается сидѣть одна за столомъ.

Одна изъ подругъ, такъ называемая старшая подружка, говорить въ томъ домъ, гдѣ женихъ: „Ножки съ походомъ, ручки съ подно-сомъ, голова съ поклономъ, языкъ съ приговоромъ. Здравствуйте, господа поѣзжане, дайте знать, какъ вашего старшаго друженьку звать“. Старшаго дружку называютъ по имени и по отчеству; тогда та же дѣвушка, обращаясь къ дружкѣ, говоритъ: „Старшій друженъка. вѣрный служенька, Иванъ Максимовичъ, дайте знать, какъ вашего князя молодого звать“. Ей опять отвѣчаютъ, какъ звать молодого. Старшая подружка обращается теперь къ молодому со словами: „Князь молодой Иванъ Ивановичъ, вотъ вамъ отъ нашей княгини молодой подарочекъ, а она велѣла отдарить подарочекъ“. Тутъ подружка даетъ жениху полотенце, и онъ отдѣриваетъ деньгами. Потомъ подруги угощаютъ поѣзжанъ пріпесеннымъ ими пивомъ, а поѣзжане угощаютъ ихъ въ свою очередь своимъ виномъ и пивомъ; а затѣмъ, чтобы было большие церемоніи, кто-нибудь изъ поѣзжанъ, кто умѣеть, играть на гармоніи, подруги тащаютъ вмѣстѣ съ поѣзжанами, дѣвушки поютъ круговую пѣсню и всѣ вмѣстѣ, но безъ жениха, гуляютъ.

Послѣ этого подруги приглашаютъ поѣзжанъ и жениха къ не-вѣстѣ, и всѣ свадебники и женихъ вѣдуть къ невѣстѣ. Какъ только они приближаются къ воротамъ или дверямъ, подруги спѣшатъ вскочить въ сѣни и закрываютъ двери и не пускаютъ поѣзжанъ. Тутъ одна изъ подругъ начинаетъ отговариваться; здѣсь, молъ, вамъ не мѣсто,—вамъ мѣсто, гдѣ дворъ попросторѣ, два стола врыты и небомъ покрыты, желобовъ поснаставлено и овса понасыпано, а у насъ ворота подперты коломъ и отпирать надо рублемъ. Что бы въ это время поѣзжане не говорили, все равно надо за открываніе воротъ поплатиться,—только тогда ихъ отворяютъ.

Наконецъ, ворота открыты. Всѣ поѣзжане входятъ вмѣстѣ съ женихомъ, котораго дружки ведутъ за руки, и направляются прямо къ столу, за которымъ сидить невѣста, окруженнная подругами. Но и тутъ поѣзжане встрѣчаютъ отпоръ со стороны подружекъ: онъ опять требуютъ выкупа за мѣсто. Поѣзжане говорятъ: „какъ же такъ? когда насъ приглашали, говорили, что все у васъ хорошо, а вышло совсѣмъ не такъ“. А подруги отвѣчаютъ: „а вашъ князь молодой, когдаѣздилъ къ невѣстѣ, то говорилъ, что отъ самаго дома своего и до невѣстинаго дорожку бумажками устелю и золотомъ мосточки замошу, а вмѣсто того нѣть ничего“. Такъ, немногого поторговавши, подруги получаютъ отъ старшаго дружки выкупъ и поднимаются, чтобы выходить изъ-за стола по направлению солица, одна за другой; остается только одна старшая подружка и садится рядомъ съ невѣстой, какъ разъ тамъ, гдѣ долженъ сѣсть женихъ. Женихъ хочетъ сѣсть къ не-вѣстѣ, но опять встрѣчаетъ отпоръ со стороны старшой дружки: подружка даромъ мѣста не отдаетъ, надо и тутъ выкупъ. Старшая по-

дружка говорить: „заплатите двѣсти за мѣсто, сто за невѣсту, триста за красу, да шестьсотъ за косу“. Волей - неволей по заведенному обычаю дружка долженъ уплатить за мѣсто; тогда старшая подружка уходитъ изъ-за стола, а дружки усаживаютъ жениха рядомъ съ невѣстой. Садится женихъ не сразу: сядеть и опять встанеть, опять сядеть и встанеть; въ третій разъ садится на положенную на то мѣсто подушку, поддерживаемый дружками за руки.

Когда женихъ усѣлся, сваха женихова подаетъ образъ—женихово благословеніе, которое и прикрѣпляютъ падь его головою рядомъ съ невѣстинъмъ благословеніемъ, прикрѣпленнымъ уже раньше; на остальныхъ трехъ стѣнахъ повѣшено по образку, и передъ каждымъ зажжены восковыя свѣчи.

Поѣздане снимаютъ теперь верхнюю одежду и усаживаются за приготовленные столы, гдѣ ихъ начинаютъ угощать виномъ, пивомъ, разными закусками по деревенскому вкусу; только женихъ и невѣста, сидя въ центрѣ столовъ, не угощаются и ничего не ъѣдятъ: ложки имъ хотя и положены, но чернами отъ нихъ. Народу полна изба и сѣни; народъ толпится и на улицѣ; всюду идутъ разговоры на разныя темы: кто критикуетъ жениха, кто невѣсту, а кто хвалить и того и другую. Въ самой избѣ толкотня страшная; толпа мѣшаетъ проходить съ блюдами закусокъ; гдѣ просяять по чести разступиться, а гдѣ и съ руганью, что мѣшаютъ. А каждому, понятно, хочется посмотреть, что дѣлается. Во все это время подружки, вставши близъ стола, поютъ поѣзданамъ припѣвки, а тѣ ихъ за это дарятъ. Первую пѣсню поютъ жениху:

Первая пѣсня.

Что при вечерѣ, вечерикѣ,
При Дуниномъ дѣвичествѣ,
Прилетѣлъ тутъ младъ ясень соколь.
Опѣ садился на окошечко,
За серебряну рѣшеточку.
Никто сокола не увидалъ,
Никто яснаго не увидалъ;
Увидала рѣдна матушка его,
Говорила своей дочери:
Ужъ ты дочка, чадо милое мое,
Приголубъ яснаго сокола,
Яснаго сокола залетнаго,
Доброго молодца заѣзжаго (называютъ по имени и отчеству).
Я и рада приголубити его,
Да подломились скоры ноженьки,

Да опустились бѣлы рученьки,
Помѣшился умъ въ головушкѣ.
Заболѣло ретиво сердце.

Послѣ этого женихъ дарить дѣвушекъ: береть ломоть бѣлаго
хлѣба и затискиваеть въ него въ мякишъ подарокъ (рубль) и по-
даеть дѣвушкамъ за припѣвокъ.

Вторая пѣсня

(поется свахѣ, жениховой сестрѣ, если есть).

Какъ у свата въ теремѣ
Есть почетна гостьица (имя, отчество).
Она сидитъ за столомъ въ пиру,
Она умно береть чару
И весь кругъ проздравствуетъ.
Ты послушай, свашинька,
Ты не во саду сидиши,
Тебѣ не соловьи поютъ,—
Поютъ красны дѣвушки,
Онѣ хотятъ подарочекъ. (Сваха дарить).

Третья пѣсня (старшему дружкѣ).

Розанъ мой розанъ, виноградъ зеленый,
Кто у насъ хорошій,
Кто у насъ пригожій.
Розанъ мой розанъ, виноградъ зеленый.
Ванюшка хорошій,
Степановичъ пригожій.
Розанъ мой розанъ, виноградъ зеленый.
По горенкѣ ходить,
Мѣрно наступаетъ.
Розанъ мой розанъ, виноградъ зеленый.
Чулокъ не мараеть,
Сапогъ не ломаеть.
Розанъ мой розанъ, виноградъ зеленый.
Сапогъ не ломаеть,
Самъ коня сѣдлаетъ.
Розанъ мой розанъ, виноградъ зеленый.
На коня садится,
Конь подъ нимъ рѣзвится.
Розанъ мой розанъ, виноградъ зеленый.

Онъ платочкомъ машеть,
А подъ нимъ конь пляшеть.
Розанъ мой розанъ, виноградъ зеленый.
По улочкѣ ёдетъ,
Всѣ улочки стонутъ.
Розанъ мой розанъ, виноградъ зеленый.
Къ саду подъѣзжаетъ,
Садикъ расцвѣтаетъ.
Розанъ мой розанъ, виноградъ зеленый.
Садикъ расцвѣтаетъ,
Машенька встрѣчаетъ.
Розанъ мой розанъ, виноградъ зеленый.
Поди, мой хороший,
Поди, мой пригожий.
Розанъ мой розанъ, виноградъ зеленый.
Долго тебя ждали,
Долго дожидали.
Розанъ мой розанъ, виноградъ зеленый.
Перинушку стлали,
Изголовье клали.
Розанъ мой розанъ, виноградъ зеленый.
Милымъ называла,
Три разъ цѣловала.
Розанъ мой розанъ, виноградъ зеленый.

Дружка отдариваетъ дѣвшекъ за припѣвки: береть стаканъ пива, въ пиво кладеть деньги и подаетъ имъ.

Четвертая пѣсня (второму дружкѣ).

Что по сѣнечкамъ, по сѣнечкамъ, По чистымъ перекладинамъ	Отъ столба, столба точенаго, Отъ колечка золоченаго.
Тутъ ходила гуляла Размолодая боярыня.	Онъ ворвался во зеленые сады, Поломалъ онъ въ садѣ вишенѣ,
Она ходила, будила Своего мужа-барина:	Опъ и калину съ малиной, Чернную ягоду смородину.
Ты вставай, вставай, милый другъ Александра Ивановичъ.	Не тужи-ка, жена-боярыня, Ольга Ивановна,
Оторвался твой ворбоный конь	Наживемъ мы зеленые сады.

Второй дружка тоже отдариваетъ дѣвшекъ: береть рюмку вина, опускаетъ въ вино деньги и подаетъ имъ.

Пятая пѣсня (третьему дружкѣ).

Запонки, запонки,
Новомодны запонки.
Приходилъ ко мнѣ милой,
Сватъ Василій дорогой;
У меня ли, у меня
Была Дуня хороша:
У ней походочка павлина,

У ней рѣчъ голубина,
Она бае, разсыпае,
Говорить—сердце болить.
Одна бровь—сто рублевъ,
Одинъ взглядъ—пятьдесятъ,
Поцѣлуй—шестъдесятъ.

Дружка отдаиваетъ, какъ и предыдущіе.

Шестая пѣсня (четвертому дружкѣ).

По лугамъ зеленымъ,
По травамъ шелковымъ,
Туть ъзжалъ, поѣзживаѣль
Удалъ добрый молодецъ
Федоръ Ивановичъ.
Онъ коня подергиваѣль,
На себя посматриваѣль:

То ли я хорошъ,
То ли я пригожъ;
На мою на красоту
Разлюбовалася дѣвица
Марья Ивановна,
Разбросала пялечки,
Сломала иголочки.

Седьмая пѣсня (отцу крестному).

Что на нашей улочкѣ
Кони понаставлены,
Шелкомъ ноги спутаны,
Серебромъ занузданы.
Туть ходилъ, похаживаѣль
Удалъ добрый молодецъ,
Степанъ да Ивановичъ.

Онъ ходилъ, похаживаѣль,
Вѣроныхъ поглаживаѣль:
Не пугайтесь, конюшки,
Не пугайтесь, вѣроны:
Недалече ъхати
За моей за суженой
Анной Ивановной.

Отецъ крестной дарить, какъ и всѣ другіе.

Восьмая пѣсня (крестной матери).

При пути-дороженькѣ
Стояла часовенька,
Часовня богоомольная.
Въ этой часовенькѣ
Трудилася, молилася
Молодая боярыня
Марья Степановна:

Ты помилуй, Господи,
Мою милу ладушку
Удалую головушку
Григорья Ивановича,
Во пути-дороженькѣ,
Во пиру во свадебкѣ.

¹ Мужа.

Девятая пѣсня (приданнику).

Противъ столика бранаго,
Противъ зеркала хрустального
Тутъ не Мишенькали кудри чесаль,
Тутъ Ивановичъ причесывалъ.
Пріулягтесь-ка русыя,
Ко моему ко бѣлому лицу,
Ко моему ко румяному.
Привыкай-ка, Наденька,
Ко моему уму-разуму,
Ко моему молодецкому.

Послѣ каждой пѣсни всякий, кому она была пропѣта, долженъ подать, сколько можетъ; всякий по своему прячетъ подарки и подаетъ ихъ спрятанными дѣвушкамъ.

Десятая пѣсня (послѣдняя пѣсня невѣсты, „Вѣночекъ“).

Не долго вѣночку во горенкѣ висѣть,
Во горенкѣ висѣть.
Не долго нашей Дунюшкѣ
Во дѣвушкахъ сидѣть,
Во дѣвушкахъ сидѣть.
Не долго нашей Ивановнѣ
Русую косу плести,
Русую косу плести.
До парной до баенки
Косу подружка плела,
Косу подружка плела,
Алые ленточки ввязывала.
Она ввязывала,
Жемчугомъ русу косу унизывала,
Она унизывала.
Пріѣхала тутъ сватинька,
Не милостива, не милостивая;
Стала она косынку рвать и порывать,
Она рвать и порывать.
Алые ленточки повыдергала,
Она повыдергала;
Жемчугъ изъ русой косы повысыпала,
Она повысыпала.
Затрубили трубушки рано по зорѣ,
Утромъ рано по зорѣ,—
Заплакала Дунюшка по русой косѣ,
Она по русой косѣ.
Крѣпись, крѣпись-ка, батюшка,
Крѣпись, не отдавай,

Покуда тебя, батюшка, зять не подарить,
Тебя зять не подарить.
Подарить тя зяюшка в броны конямъ,
Двумя ворбнымъ конямъ.
Крѣпись, крѣпись-ка, маменька,
Крѣпись, не отдавай,
Крѣпись ты, не отдавай,
Покуда тебя, маменька, зять не подарить
Тебя зять не подарить.
Подарить тя зяюшка
Зять двумя коврамъ,
Двумя золотымъ.
Крѣпись, крѣпись-ка, братецъ,
Крѣпись, не отдавай,
Крѣпись, не отдавай,
Покуда тебя, братецъ,
Зять не подарить,
Тебя зять не подарить.
Подарить тя зяюшка
Черкасскимъ сѣдламъ,
Двумя черкасскимъ сѣдламъ.
Крѣпись, сестрица родная,
Крѣпись, не отдавай,
Крѣпись, не отдавай,
Пока, сестрица родная,
Зять не подарить,
Тебя зять не подарить.
Подарить тя зяюшка
Золотымъ кольцамъ,
Золотымъ перстнямъ.

Послѣ этой послѣдней пѣсни поѣзжане выходятъ изъ-за стола, благодарятъ хозяина за угощеніе, одѣваются и берутъ женихово вино и пиво, чтобы угощать невѣстину родовую; угощаются по порядку, начиная съ невѣстинаго отца и матери, потомъ—братьевъ, сестеръ, дядей и тетокъ, крестнаго, крестную. Дружки угощаются виномъ и пивомъ, сваха—гостинцами; всѣхъ вызываютъ по имени и по отчеству, съ разными уговорами. По окончаніи угощенія дружки берутъ жениха и невѣсту за руки, выводятъ изъ-за стола, и всѣ становятся лицомъ въ передній уголъ. Старшему дружку опять даютъ кнутъ, а младшему—шубу; послѣдній оборачивается ее шерстью вверхъ, кладетъ ее на полъ; старшій дружка бьетъ по ней накресть кнутомъ и говорить: „родныи батюшка и рѣдная матушка, благословите нашего князя молодого и съ княгиней молодой въ путь-дорогу отпустить,

пути Божией отвѣдать, подъ вѣнецъ встать, чудный крестъ цѣловать и золотымъ кольцомъ обручаться". Женихъ и невѣста кланяются въ ноги на лежащей тутъ шубѣ, поддерживаемые дружками за руки. Затѣмъ старшій дружка, поворачиваясь въ другую сторону, обращается къ крестному отцу и къ крестной матери съ тѣми же словами, какъ раньше къ родителямъ, а молодые опять кланяются имъ въ ноги. Затѣмъ старшій дружка, вставъ лицомъ къ выходу, снова бѣть накрестъ кнутомъ по шубѣ и говоритъ: „гости званы, браны. Богомъ даны, старики и старушки, молодыя молѣдушки и красныя дѣвушки, благословите нашего князя молодого и съ княгиней молодой въ путь-дорогу отпустить, пути Божией отвѣдать, подъ вѣнецъ встать, чудный крестъ цѣловать и золотымъ кольцомъ обручаться". Собравшійся народъ громогласно говоритъ: „Богъ благословитъ", а женихъ и невѣста кланяются имъ въ ноги, какъ бы въ свою очередь отдавая благодарность всѣмъ собравшимся за ихъ добрая пожеланія.

Послѣ всего этого сваха, пытаясь назадъ, разметаетъ вѣникомъ дорогу на обѣ стороны къ экипажу, чтобы въ это время кто-нибудь не подбросилъ молодымъ подъ ноги такъ называемаго „портежа", т. е. чтобы ихъ не испортили, не превратили хорошую жизнь въ худую; по разметенной дорожкѣ дружки ведутъ молодыхъ за руки и усаживаются въ экипажъ. Тѣмъ временемъ поданы лошади и для всѣхъ поѣзжанъ; со стороны невѣстыѣѣдуть отецъ, мать, крестные, братъ, сваха, и чѣмъ больше людей участвуетъ, тѣмъ красивѣе считается свадебный поѣздъ. Когда жениха и невѣсту посадили—каждаго въ свой экипажъ—дружки берутъ благословенія, т. е. иконы, и обходить весь свадебный поѣздъ три раза кругомъ. Весь народъ стоитъ въ благоговѣніи, съ обнаженными головами: всѣ съ особымъ чувствомъ желають молодымъ всего хорошаго. Затѣмъ иконы укладываются, сваха беретъ ихъ къ себѣ и присаживается къ жениху; всѣ поѣзжане усаживаются, на прощаніе даютъ мужикамъ и ребятамъ на вино. Когда поѣздъ трогается, дѣвушки поютъ:

Поѣзжайте друженьки,
Поѣзжайте вѣрные
Подъ гору тихохонько.
Не сломай друженька,

Кипарисна дерева,
Что подъ этимъ деревомъ
Сидить красна дѣвица
Авдотья Ивановна.

А народъ въ это время бросаетъ въ уѣзжающихъ бѣшеной рысью поѣзжанъ комьями сѣга или землею со словами: „куда мѣдна, туда и дремота". Впереди свадьбы волной бѣгутъ мужики и ребята, чтобы въ концѣ деревни заломать лазею¹, тѣмъ остановить поѣздъ и сорвать съ поѣзжанъ еще на вино; а такъ какъ, по мѣстному обычаю, за открываніе лазеи полагается дать на чай, то женихъ не

¹ Закрыть ворота.

противится желанию мужиковъ и велить старшему дружкѣ выдать имъ на вино. Какъ только это сдѣлано, лазею открываютъ, и поѣздъ ѿдетъ дальше бѣшеной скачкой. Но не успѣли они выѣхать изъ деревни, какъ дружки поворачиваютъ назадъ и сломя голову гонять обратно въ домъ невѣсты, какъ говорять, „со здоровьемъ“. Они входятъ въ домъ, а тамъ ихъ опять угощаютъ виномъ и пивомъ, но дружки на этотъ разъ не присаживаются на лавки, но угощаются стоя, затѣмъ благодарятъ хозяина и снова, какъ сумасшедшіе, сломя голову догоняютъ свадьбу, которая въ это время ѿхала шагомъ. Всѣ эти геройскіе подвиги совершаются подъ вліяніемъ выпивки, размѣръ которой въ это время ограничивается только тѣмъ, кто сколько можетъ выпить.

Когда свадьба пріѣдетъ на погость, дружки идутъ къ священнику и объявляютъ ему, что пріѣхали. Затѣмъ начинается обрядъ вѣничанія, о которомъ я писать не буду, такъ какъ онъ у всѣхъ совершается одинаково; разница только въ пышности: при богатой свадьбѣ обрядъ обставленъ пышно и богато, а при бѣдной—все по бѣдному, пышность отсутствуетъ.

Отъ вѣнца вся свадьба идетъ въ сторожку (изба, гдѣ живеть церковный сторожъ); тамъ сваха снимаетъ съ головы невѣсты повязку, вывязываетъ изъ косы ленточки и заставляетъ жениха расплетать косу (не знаю, для чего, но есть предположеніе, что это дѣлается въ знакъ власти мужа надъ женой). Сваха потомъ расплетаетъ косу до конца, заплетаетъ волосы на двѣ косы, обматываетъ ихъ кругомъ головы и повязываетъ „новой“ (такъ зовется покрышка на голову, закрывающая волосы; она шьется изъ ситца или ластика или даже изъ шелковой матеріи). Новерхъ новоя сваха повязываетъ платокъ. А въ это время дружки угощаются оставшимся виномъ и пивомъ.

Когда невѣста готова, всѣ выходятъ изъ сторожки, садятся на лошадей и ѿдуть домой. Къ этому времени всегда уже ночь. На пути, передъ деревней, на полѣ, молодежь устраиваетъ костеръ изъ соломы такъ, что его никакъ нельзя объѣхать, а надо непремѣнно ѿхать черезъ него. Свадьба, не останавливаясь, переѣзжаетъ горячій костеръ и приближается къ деревнѣ.

Въ домъ невѣсты оставался приданникъ, который долженъ увезти приданое невѣсты. Отецъ и мать невѣсты убиты горемъ—невозвратимой потерей своей дочери, можетъ-быть, единственной, которую лѣтѣли 17—20 лѣтъ; а теперь хотятъ взять и приданое, надъ которымъ мать убивала и силу и здоровье, лишь бы приготовить дочери все необходимое, что надо ей въ людяхъ. Умудренная горькимъ опытомъ мать знаетъ досконально все, что дочери надо въ чужихъ людяхъ, у чужого отца-матери, знаетъ и то, что чужіе отецъ и мать не приспѣсть ея дочери ничего, не пожалѣютъ и того, что будетъ къ нимъ

привезено. Поэтому мать сидитъ на сундукѣ дочери, который сейчасъ уберутъ, и горькими слезами оплакиваетъ потерю дочери и все то добро, надъ которымъ она трудилась, не покладая рукъ, 20 или 17 лѣтъ. Мать требуетъ отъ приданника выкупа за сундуки; послѣдній, въ силу обычая, по необходимости даетъ выкупъ и уносить сундуки, причемъ, если ему всего не увезти, то отецъ невѣсты даетъ свою лошадь. Картина очень трогательная, если все это видѣть самому или представить себѣ въ воображеніи. Приданое увезли.

Пока мы были въ домѣ невѣсты, свадьба подъѣзжаетъ къ деревнѣ. Услышавъ свадебные колокольчики и шерки, народъ бѣжитъ навстрѣчу ей съ криками: „свадьба ъдетъ, свадьба ъдетъ“. Нерѣдко въ темнотѣ бѣшеной скачкой подлетаютъ къ дому жениха дружки, въ попыхахъ вскакиваютъ въ домъ и сообщаютъ роднымъ жениха, что, моль, слава Богу, ъдемъ благополучно; имъ торопливо подносятъ по рюмкѣ вина и по стакану пива, по обычаяу. А свадьба въ это время тихо въѣзжаетъ въ деревню: дружки опять вскакиваютъ на лошадей (когда осенью бываютъ верхами) и гонять ей навстрѣчу, не разбирая иногда и дороги; а то летятъ и вперековырку, и, если ушибъ не серіозный, то только все засмѣются. Дружки встрѣчаютъ свадьбу, и весь свадебный поѣздъ ъдетъ полной рысью къ дому жениха, гдѣ уже толпится народъ; нѣкоторые забѣгаютъ впередъ впотьмахъ, чтобы увидѣть молодыхъ. Дѣвушки поютъ „Соколовъ“.

Соколы вы соколы,
Далеко ль вы летали?
Летали мы летали
За три нова города.
Что же вы тамъ видѣли?
Видѣли мы видѣли

Сѣру утку на морѣ,
Красну дѣвку въ теремѣ.
Что же вы ей не взяли?
Взять мы ей не взяли,
Русу косу расплели,
На дѣвъ косы заплели.

Въ это время дружки соскакиваютъ съ лошадей, привязываютъ ихъ гдѣ попало, а сами сѣшасть снять съ экипажа молодыхъ. Старшій дружка беретъ жениха за правую руку, женихъ—невѣstu, младшій дружка невѣсту за лѣвую руку и ведутъ такъ молодыхъ къ крыльцу. А тутъ отецъ жениха, одѣвшись въ шубу шерстью вверхъ, беретъ рѣшето съ хлѣбомъ-солью, сѣменами жита и хмелемъ, а мать икону и идутъ на встрѣчу молодымъ. Отецъ благословляетъ хлѣбомъ-солью, мать—икону; молодые кланяются отцу и матери въ ноги; отецъ сыплеть имъ на головы жито и хмель (для чего это дѣлается—признаться, не сохранилось никакихъ преданій).

Какъ введутъ молодыхъ въ домъ, накрываютъ молодой голову платкомъ и становятъ ихъ за столъ; тутъ молодую раскрываютъ; она оборачивается лицомъ къ образамъ и крестится, а народъ въ это время кричитъ: „х-о-р-о-ш-а молода, х-о-р-о-ш-а молода“ нѣсколько

разъ; молодые кланяются всему народу, какъ бы благодарять за похвальбу, и женихъ приказываетъ вынести на улицу ведро, а иногда и больше, пива. А сампъ молодымъ подаютъ вина и пива: старшій дружка наливаетъ рюмку вина, подаетъ молодымъ, а самъ выкликаетъ женихова отца и говоритъ: „Родный батюшка (имя, отчество), пойыйди, повыступи, самъ себя покажи и на насть погляди“. Отецъ подходитъ, молодая подаетъ ему рюмку вина съ поклономъ; отецъ беретъ и поздравляетъ молодыхъ, выпиваетъ вино и подаетъ рюмку обратно молодой. Затѣмъ выкликается мать; она подходитъ, тоже поздравляетъ и выпиваетъ, и такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока не переберуть всю родовую до самаго послѣдняго.

Послѣ этого молодыхъ отводятъ въ отдѣльную комнату, гдѣ ихъ кормятъ; поѣзжанъ также усаживаются за столы и тоже угощаются. Если уже поздно, то, конечно, послѣ угощенія всѣ ложатся спать, а если рано, то вечерокъ еще прогуляютъ.

На слѣдующій день утромъ становятся поздно, умываются; идутъ оживленные разговоры о вчерашихъ приключеніяхъ, кто гдѣ спотыкнулся, кто съ лошади свалился, кто опрокинулся, какъ и отчего. Потомъ молодой даютъ вѣникъ, и она принимается мести полъ. Сперва спрашиваетъ свою свекровь: „Богомъ данная матушка, откуда у васъ избушка пашется ¹?“ Свекровь ей отвѣчаетъ: „Съ передняго угла“. Тогда молодая мететь полъ, а поѣзжане разбрасываютъ по полу деньги; она ихъ подбираетъ въ свою пользу; поѣзжане снова набрасываютъ деньги, надо молодой опять мести, и такъ продолжается долго при неумолкаемомъ смѣхѣ. Потомъ садятся за столъ, пить чай, закусываютъ, а если дѣло происходитъ лѣтомъ или осенью, то идутъ къ колодцу или на рѣку, обливаютъ другъ друга водою, но не касаясь молодыхъ. Послѣ этой, какъ бы и неумѣстной, игры идутъ домой, переодѣваются, запрягаютъ лошадей иѣдутъ кататься, иногда и по чужимъ деревнямъ.

А тѣмъ временемъ идетъ спѣшное приготовленіе къ „княжому столу“, готовятся всякия изысканныя въ деревенскомъ вкусѣ блюда. Вмѣстѣ съ тѣмъ родные молодой, сваха и крестная мать развѣшиваютъ все приданое молодой, какъ въ музѣ, для обозрѣнія народа; въ это время никому не возбраняется входить въ домъ или въ избу и осматривать приданое молодой. А такъ какъ бываютъ случаи, что мелкія вещи воруютъ, то всѣ вещи прикрѣпляются къ стѣнѣ гвоздями, или къ веревкѣ, или сшиваются. Тутъ, конечно, не обходится безъ критики: кто приданое хвалить, а кто и хаетъ. Когда молодые возвращаются съ катанья, то, если все готово, начинается княжой столъ.

¹ Пахать значитъ мести.

Княжой столъ.

На княжой столъ зазываютъ всю родовую молодого; всѣ усаживаются за приготовленные столы, и начинается угощениe. Угощаютъ непремѣнно изъ одной и той же рюмки поочереди, начиная со старшаго или такъ называемаго дорогого гостя. Въ это время всѣ разговариваютъ оживленно, кто во что гораздъ, но каждый старается сказать такое словцо, чтобы оно было назидательное или смѣшное—придать компанiи веселый характеръ. Вотъ подносятъ рюмку вина гостю; гость говоритъ: „Ну-ка своему здоровью“; подносящiй подноситъ рюмку ко рту: „Будьте здоровы, гости хоziйскiе“. А гости громко отвѣчаютъ: на доброе здоровье. Подносящiй (кто онъ тамъ будетъ, сватъ или братъ) выпиваетъ эту рюмку до дна, поднимаетъ ее вверхъ и говоритъ: вотъ, какъ я, такъ и всѣ. Затѣмъ онъ снова наливаетъ ее и подаетъ тому, кому она была предложена раньше: на этотъ разъ гость береть уже не куражась и, со словами „будьте здоровы“, начинаетъ уже пить, какъ вдругъ проквашиваетъ физiономiю и говоритъ, обращаясь къ молодымъ: „какъ горько, нельзя ли подсластить“. Молодые не куражась цѣлюются при всей публикѣ; затѣмъ уже гость выпиваетъ и говоритъ, что очень сладко. То же продѣлываетъ и другой, а иной и еще больше наговорить. Когда всѣ обнесены виномъ и пивомъ, то гостей просятъ приняться кушать изъ одной чашки, какъ обыкновенно ёдятъ гдѣ-нибудь на постояломъ дворѣ.

А въ это время дѣвушки поютъ всѣмъ сидящимъ за столомъ припѣвки. Первая пѣсня поется молодому: это тотъ „Вѣночекъ“, который уже мы знаемъ.

Вторая пѣсня—молодой.

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-за садика зеленаго
Вылетало стадо бѣлыхъ гусей,
А другое лебединое.
Отставала тутъ лебедушка
Она отъ стада лебединаго,
Приставала тутъ лебедушка
Она къ стаду ко сѣрымъ гусямъ.
Начали ей гуси щипати.
Не щиплите, гуси сѣрые, меня:
Не сама я къ вамъ залетѣла,
Занесло меня погодою,
Меня погодою-невзгодою.
Отставала наша Дунюшка
Она отъ красныхъ отъ дѣвушекъ,
Приставала наша Дунюшка
Она къ молодымъ молодушкамъ.
Молодушки стали смѣяться.
Вы не смѣйтесь, люди добры, надо мнай:

Не сама я къ вамъ заѣхала,
Завезли меня добры кони,
Добры кони Алексѣевы.

Потомъ поютъ свахѣ молодиной, крестному и крестной все тѣ же пѣсни, что пѣли и на свадьбѣ; за каждый припѣвокъ поѣзжане дарятъ, кто сколько можетъ; обыкновенно не стѣсняются въ подаркахъ— каждый хочетъ быть на хорошемъ счету у всѣхъ.

Пока дѣвушки поютъ свои припѣвки, поѣзжане угощаются; у гостей одно блюдо смѣняется другимъ, и въ концѣ княжого стола подаются драчёну. Но передъ этимъ раздаются подарки роднымъ молодого отъ молодой: прежде всего дарятъ отцу, потомъ матери и т. д., и всѣ они въ свою очередь отдаиваютъ молодую деньгами. Каждый подарокъ поднимаютъ, чтобы вся присутствующая публика видѣла, кому что дарятъ. Этимъ кончается княжой столъ; всѣ поѣзжане расходятся затѣмъ по домамъ, и на слѣдующій день уже этихъ церемоній не бываетъ.

Примѣрно на третій день отецъ и мать молодого и молодые вѣдуть на „хлѣбины“ къ новымъ сватовьямъ; поѣзжане въ этомъ уже не участвуютъ. А когда возвратятся съ хлѣбинъ, начинается поочередное „почѣсть“—молодые ходятъ къ дружкамъ и ко всѣмъ роднымъ на угощенье; это продѣлывается не менѣе недѣли, а то и больше. По окончаніи почѣстей молодая топить „княжу баню“: она ходить вмѣстѣ съ золовкой по деревнѣ и приглашаетъ всѣхъ, заходя въ избу, въ княжу баню, гдѣ мыло готовое и полотенцевъ павѣшана иногда цѣлая дюжина. Княжой баней заканчивается весь свадебный обрядъ.

Послѣ этого начинается для молодой жизнь, полная разныхъ испытаний: ей надо на всѣхъ угодить, на свекра и на свекровь, а главное на мужа и на золовокъ. Хорошо еще той, у которой хороший мужъ, или берутъ любя. А если, спаси Богъ, мужъ неважный, пьяница или хуже того, какой-нибудь неразборчивый, то каждое слово молодой поднимается на смѣхъ, и уже о дѣлѣ и говорить нечего; а въ деревенскомъ быту это не рѣдкость. Очень мало бываетъ такихъ разборчивыхъ людей, которые считаются съ возрастомъ, силой и знаніями молодой—тогда той еще ничего, но большинство людей обѣ этомъ и не думаетъ, да впрочемъ и знать не хочетъ, что молодой 17 лѣтъ и она не можетъ выполнить всѣхъ возложенныхъ на нее непосильныхъ обязанностей. Вотъ тѣмъ и горе у чужого отца и матери: не даромъ въ иѣсняхъ и приплакиваніяхъ слышатся заунывныя выраженія, какъ въ „Вѣночкѣ“ и другихъ.

31 декабря 1910 г.

Крестьянинъ Иванъ Максимовъ.

Дер. Малое Раковно, Лужскаго у., Петроградской губ.

Изъ цикла украинскихъ народныхъ пѣсень о панщинѣ.

Среди многочисленныхъ пѣсень и думъ о панщинѣ особое мѣсто занимаетъ дума объ уничтоженіи панщины и измѣненіяхъ въ народномъ быту, послѣдовавшихъ послѣ ея уничтоженія (записана Н. Бѣллинскимъ, издана въ Запискахъ Юго-Зап. Отд. Имп. Русскаго Географическаго Общ. I—1874) ¹.

Дума эта интересна, прежде всего, по своей структурѣ ². Обычно историческія думы отличаются строгою послѣдовательностью изложенія. Въ основѣ ихъ—событие прошлаго времени, и повѣствованіе строго слѣдуетъ за ходомъ события. Мѣрно разматывается нить повѣствованія, и всегда чувствуется ясная послѣдовательность отдѣльныхъ моментовъ описываемаго события. Таковы историческія думы.

Указанная дума объ уничтоженіи панщины отличается по своей структурѣ. Четыре момента прошлаго и настоящаго намѣчены въ этой думѣ. Бремя панщины и страданія народа; уничтоженіе панщины и горе пановъ; радость крестьянъ при уничтоженіи панщины; крестьянская жизнь послѣ уничтоженія панщины и благодарность за освобожденіе. Эти основные моменты слѣдуютъ не въ ихъ послѣдовательности, какъ ожидали бы мы въ народной исторической думѣ, а причудливо переплетаются въ разнообразныхъ сочетаніяхъ. Словно пѣвцу кажется, что недостаточно оттѣпѣнъ этотъ рѣзкій контрастъ, и онъ снова и снова возвращается къ противопоставленію былого и настоящаго. Все вниманіе сосредоточено на контрастѣ горя пановъ и радости мужиковъ, и лишній разъ хочется подчеркнуть этотъ контрастъ—то эпически-спокойно, то съ ироніею и затаенною насмѣшкою.

Основные моменты разбираемой думы не являются рѣдкостью въ народной поэзіи. Историческія пѣсни постоянно останавливаются на времени панщины, на страданіяхъ крестьянства подъ непосильнымъ бременемъ. Въ этомъ смыслѣ разбираемая дума примыкаетъ къ народнымъ пѣснямъ о панщинѣ; оригинальность ея—въ обработкѣ и въ

¹ Высказанны были сомнѣнія относительно народнаго происхожденія этой думы, но сомнѣнія эти разсѣяны Драгомановымъ въ ст. „Малороссійскія пѣсни объ освобожденіи крестьянъ“ за подпись: П. Кузмичевскій. Кіевская Старина 1887. III—IV.

² Варіантъ этой думы записанъ г. Руданскимъ и приведенъ въ вышеуказанной статьѣ Драгоманова (IV, стр. 637—641).

сочетаніи отдѣльныхъ эпизодовъ. Нужно признать, что въ обоихъ отношеніяхъ проявлено большое мастерство, и недаромъ записавшій думу подчеркнулъ сильное впечатлѣніе, оказанное ею на слушателей: повтореніе основныхъ моментовъ значительно усиливаетъ впечатлѣніе.

Пересмотръ отдѣльныхъ темъ думы начнемъ съ описанія бремени панщины и страданій народа. Такія характеристики панщины нерѣдки въ украинской народной поэзіи. По основной точкѣ зреянія эти характеристики можно раздѣлить на двѣ группы; современныя описанія панщины и воспоминанія о ней, какъ явленіи прошлого времени, безвозвратно отошедшаго. Эта коренная разница неминуемо должна отразиться и действительно отражается на общемъ настроеніи: вѣдь, говорить о переживаемыхъ страданіяхъ или пережитыхъ—большая разница. Разбираемая нами дума знаетъ панщину какъ пережитое бѣдствіе, и это, конечно, отражается на ея настроеніи: для думы достаточно немногихъ намековъ на прошлое, и тамъ, гдѣ современная панщинѣ пѣсня давала проникнутую глубокимъ горемъ картину, дума даетъ лишь бѣглыхъ указаній:

урвалася та паньщина, що люди робили,
поминано тепер тое, що різками били.

Какъ видимъ, для думы достаточно бѣглаго упоминанія о *різках*, этомъ поруганіи человѣческаго достоинства крестьянина.

О *різках* украинская народная пѣсня вспоминаетъ очень неохотно, но если приходится вспоминать, то чувствуется вся горечь, все негодованіе; украинскій народъ особенно болѣзненно-чутко воспринималъ надругательство надъ человѣческимъ достоинствомъ. Дума бросаетъ объ этой сторонѣ панщины краткое упоминаніе, но въ этой недоговоренности чувствуется глубокій смыслъ, отголосокъ заставленныхъ переживаній.

Больше, пространнѣе останавливается разбираемая дума на панщинномъ труда. Воспоминанія о принудительныхъ работахъ въ пользу пана еще очень живы.

Съ ироніей припоминаетъ дума о панской дворнѣ, штабѣ разныхъ надсмотрщиковъ и управляющихъ:

перше було—штирі пани, а два отамани,
вісімнадцять польовихъ, а оден підданий...

Здѣсь сказалось презрительное отношеніе народа къ панской дворнѣ, панскимъ слугамъ, выбившимся изъ массы простого крестьянства и ревностно помогавшимъ панству и арендаторамъ эксплуатировать крестьянскій трудъ.

Ближайшими руководителями панщинныхъ работъ и надсмотрщиками за крестьянами были отаманы и осавулы. Имъ больше всего удѣляется вниманія и горькой насмѣшки. Отаманъ съ нагаемъ подъ

окнами, вызывающей крестьянскую семью на работу—это обычный образъ народныхъ воспоминаній о панщинѣ. Рѣже въ этой роли выступаетъ самъ панъ:

іздит пан по-під хати на панщину гнати:
„вийди, вражій мудю, маеш кару взяти“...

Обыкновенно панъ верхомъ на конѣ объѣзжаетъ въ полѣ своихъ работающихъ крестьянъ, присматривая за ихъ работою и понуждая менѣе старательныхъ. Заказывать работу на другой день съ вечера и объѣзжать поутру крестьянскія хаты—это дѣло отамана или осавулы: такъ именно представляютъ осавулу народныя пѣсни цикла о панщинѣ. Съ прекращеніемъ панщины—отмѣчаетъ наша дума—

що не ходять вовкотруби по-під нані хати—
какъ это было раньше при панахъ.

Варіантъ, записанный Руданскимъ, нѣсколько детальнѣе развиваетъ этотъ намекъ:

Ой будемо заробляти, на боже давати,
що не ходять окомани по-під наші хати.
Ніхто ж тепер мужика, ніхто ж вже не збудить,
хиба йому в головахъ дитина затрубить.

Кievsk. Starina 1887. IV. 640.

Въ этихъ отрывкахъ отмѣчается появленіе осавулы или эконома, вызывающаго крѣпостныхъ на панщину. Другія пѣсни оттѣняютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и тяжесть безпрерывной панщины, символомъ которой и является осавула подъ окнами крестьянской хаты:

Находив ся я із ралом,
намахав ся з ціпом
і прийшов я із панщини
вже перед досвітом.
Заказнище¹, вставши рано,
кричить під віконце,
щоби вийти на панщину
ще перед вигонцем².

Гринченко, III, № 1467.

Или:

Намахав ся я косою,
набухав ся ціпом,
пригнав воли з роси
та вже перед світом.

¹ Заказникъ—осавула.

² vag. перед сходом сонця.

Осаула із півночи
ходить під віконцем,
загадує на панщину
перед сходом сонцем.

Кіевск. Стар. 1883. XI.

Итакъ, неотдохнувшій, какъ слѣдуетъ, крестьянинъ долженъ снова итти на панщину.

Народное творчество очень дорожитъ этимъ образомъ. Дѣйствительно, утомленный работникъ вернулся домой очень поздно съ работы, а рано утромъ его будятъ и заставляютъ итти на панщину еще до восхода солнца. Этотъ образъ ярко и рельефно характеризируетъ тяжелое бремя панщины, лучшіе длинныхъ описаній самой работы.

Другія пѣсни отмѣчаютъ панщину въ воскресенье,—тоже прекрасный образъ тяжелой безъ отдыха панщины.

А в неділю до схід сонця
усі дзвони дзвоняты,
а десятник з отаманом
на панщину гоняты...

Манжура К. С. 1882. V. № 1.

или:

а в неділеньку раненько
усі дзвони дзвоняты,
а отаман з десятником
спопів носить гоняты...

Манжура ibd. № 2.

или:

а тепера у неділеньку
у всі дзвони дзвоняты,
осаула з козаками
на панщину гоняты...

Гринченко, № 1468.

Непрерывность тяжелой изнурительной панщинной работы отѣняется и народными пѣснями въ картинѣ недѣльныхъ занятій, которые приходится выполнить безропотному крѣпостному. Знаеть эту картину и наша дума:

Як настане понеділок,
бери ціп і лопату,
іди панщину відробляти.
Молотив понеділок й вівторок,
ще лишилось спопів сорок.

Став гуменний витворати:
„кидайте, хлопці, калатати,
кидайте, хлопці, молотити,
йдіть колосся носити“.
А в середу докінчив.
За іден день три дні паньщини робив!
Ото хлопці, ото злідні!
За іден день робив три дні!
Цілих три дні наробив ся,
прийшов ввечері, щей набив ся,

Пожалуй, панщина была назначена на одинъ день, но оказалась такою трудною, что пришлось ее отрабатывать цѣлыхъ три дня: дѣйствительно, злідні, какъ съ горькою ироніею замѣчаетъ дума, рассказывая о работѣ, затянувшейся на понедѣльникъ, вторникъ и среду.

Народныя пѣсни часто упоминаютъ о цѣлой недѣлѣ панщины безъ перерыва, безъ отдыха—

увесь тиждень на панщинї,
до дому в суботу...

Манжура К. С. 1882. V.

или:

як виженуть в понеділок,
робим до суботи...

Новицкій Сб. Х. И. Ф. О. VI.

Пѣсня связываетъ эту непосильную работу съ добротою пановъ (горькая иронія):

добрий наш пан, добрий наш пан,
добрий до роботи...

Манжура ibd.

Иногда при этомъ дѣлается сопоставленіе съ прежними панами, которые не такъ умѣло хозяйствничали и потому были добрѣ къ крестьянамъ—

добре було нашим батькам
під панами жити,
бо не вміли старі пачи
панщини робити:
а тепера молодії
вяялись за роботу...

Манжура ibd.

Въ одной пѣснѣ противопоставляется давнее и современное:

добре ж було, добрѣ
напим батькам жити,
що не знали наши батьки
панцини робити.

Гринченко III. № 1468.

Можеть-быть, и здѣсь рѣчь не о полномъ отсутствіи панцини, а лишь о болѣѣ легкой панцинѣ, какъ въ другихъ сходныхъ пѣсняхъ.

Тяжесть постоянной панцины усиливалась тѣмъ, что не всегда давали достаточно отдыху. Разбираемая дума вспоминаетъ, что

а хто хтів за паньшини в коршмі погуляти,
треба було три дні в буряні з жінкою ховатись.

Только съ освобожденіемъ стало возможнымъ для крестьянъ вполнѣ располагать своимъ временемъ.

Пѣсни даютъ болѣѣ сильный образъ, чѣмъ дума: работникамъ нѣть времени спокойно поѣсть дома или на полѣ, ихъ торопятъ съ работою —

а отаман з десятником
снопів носить гонять.
Чи носили, не носили—
сїли спочивати:
оглянуть ся назад себе,
аж наш панич іде,
та кого бье, кого лає,
кого так питає:
ой чого ж ви, хлопцї, сїли,
чом ви снопів не носили?

Манжура ibd.

Или:

а десятник з отаманом
на панцину гонять.
Як приїхали до лапу—
посїдали снідати.
Оглянулись назад себе,
аж і пан наш іде.
Як приїхав пан до лану,
став отамана бити...

Манжура ibd.

или:

остали ся малі дітки
та істочки просять,
а матери з батьками
та снопики носять.
Ще снопиків не зносили,
обідати сіли,
коли глянуть позад себе,
аж прикащик їде.
Ой покиньмо обідати
та підем носити,
бо як приїде прикащик,
буде він нас бити...

Новицкій. ibd.

или:

скоро прийшли до ланочку,
сіли обідати,
Ой, обіде, обідочку,
гіркий наш обіде!
Оглянути ся назад себе,
аж яконом їде.
Не дойізджа до ланочку,
батіг роспускає...

Гринченко ibd. № 1468.

Такъ обрисовываютъ разбираемая дума и народныя пѣсни тяжелую панщину безъ отдыха и безъ праздниковъ.

Народныя пѣсни, современныя панщинѣ, оканчиваютъ характеристику панщинныхъ работъ горькою жалобою—

ой, Боже наш милостивий,
не можем зробити!

Гринченко № 1468.

Разбираемая дума, какъ и другія пѣсни, явившіяся уже послѣ освобожденія крестьянъ, съ чувствомъ удовлетворенія сопоставляютъ прежнее съ настоящимъ, тяжелое прошлое—съ современностью. Разбираемая дума неоднократно возвращается къ такому сопоставленію, вводя каждый разъ новыя и новыя детали. Съ злую ироніею сравниваются прежнее и современное панство, глубокое измѣненіе, прошедшее въ жизни панства вмѣстѣ съ освобожденіемъ крестьянъ.

Отводя много мѣста характеристикѣ изнурительной панщины, народная пѣсня тѣмъ охотнѣе противопоставляетъ тяжелому прошлому лучшія материальныя условія современности. Нѣтъ уже той принудительной цѣлонедѣльной работы безъ отдыха и безъ праздниковъ. Те-

перъ крестьяне нанимаются у пановъ на работу, и работа стала гораздо легче. Послѣ описанія злиднів, какъ приходилось цѣлыхъ три дня отрабатывать день панчины, разбираемая дума непосредственно переходитъ къ контрасту современности, работы по вольному найму:

теперь стало таке діло:
як настане понеділок,
іздит пан й ходить по-під хати
просить хлопців калатати:
„ідіть, хлопці, молотити,
дам горілки оковитой,
з маслом хліба закусити...

Варіантъ Руданскаго такъ представляеть наемъ работниковъ паномъ:

ой ходить пан по селі
та збирає косарі:
ходить, хлопці, косити,
буду платити
й дам горілки оковитий...

К. С. 1887. IV. 640.

Такъ измѣнились отношенія между панами и крестьянами съ паденiemъ крѣпостного права и кореннымъ переворотомъ въ положеніи пановъ. Теперь паны нуждаются въ рабочихъ, и народный пѣсни не могутъ отказать себѣ въ удовольствіи поиронизировать надъ панами, потерявшими свое прежнее самомнѣніе.

Конечно, крестьянскій трудъ остался попрежнему, но народное сознаніе удовлетворено тѣмъ, что нѣть прежняго принужденія, нѣть прежней непосильной панчины безъ отдыха и праздниковъ. При чтеніи думы и народныхъ пѣсень можно сдѣлать неправильный выводъ о крестьянскомъ трудѣ послѣ раскрѣпощенія. По сравненію съ тяжелою панчиною все кажется легкимъ

Теперь моя жінка паня—
восклицаетъ варіантъ Руданскаго, а разбираемая дума замѣчаетъ—
теперь наши жіники пані
и это только потому,
що не прядуть мітки зраня
или, по объясненію пѣсни:
йдуть на ниву, хоць не рано.

Гринченко № 1475.

Работа на полѣ осталась прежней, но отпали ея тяжелыя условия, принудительность; работать нужно, но выходить на работу можно и не такъ рано, отдохнувши: это оттѣняетъ дума, какъ и другія пѣсни. Въ своей работѣ крестьянинъ сталъ теперь полнымъ хозяиномъ—

а тепер я до полудня бью солому,
а з полудня йду до дому,
оттак ціпом помахаю,

Такъ характеризуетъ варіантъ Рудапскаго работу крестьянина. А вотъ характеристика работы крестьянки—

серпом гонить, горном въяже
і в полудень спати ляже;
серпом гонить, юрком душить...

Такъ рисуетъ дума крестьянскій трудъ и послѣ освобожденія.

Наемная работа на пана на панскомъ полѣ не внушаетъ крестьянамъ особаго желанія стараться. Пану негдѣ взять другихъ работниковъ, и онъ долженъ приглашать своихъ прежнихъ крѣпостныхъ, мирясь съ тѣмъ, что работа уже не такая, какая была раньше до освобожденія крестьянъ. Хоть и не очень стараюсь—

а все від ляха сороківця маю...

Такъ и крестьянка на полѣ можетъ отдохнуть въ полдень, а все равно

пан заплатити ій мусить...

Для пана стала сразу замѣтна разница въ трудѣ крестьянина:

ой ходить пан по нівоньці,
має клопіт в голівоньці:
дрібні снопи, копів мало,
а в кешені легко стало...

Такъ характеризуетъ дума затрудненія пановъ при переходѣ къ новому хозяйственному укладу; иронія ясно проступаетъ въ этихъ мѣстахъ народной пѣсни и думы...

Кромѣ перемѣны въ экономическомъ укладѣ жизни, глубоко чувствовалась народомъ перемѣна моральная. Кончилась прежняя полоса угнетенія, безправія, поруганія человѣческаго достоинства крестьянъ. Упоминаніе о *різках* или *буках* болѣзненно-тяжело для украинскаго крестьянина, а потому, и противопоставляя прошлое настоящему, украинская дума и пѣсня очень неохотно говорять о тѣлесныхъ наказаніяхъ. Объ этомъ помнятъ, но не говорятъ... Разсказывая о новомъ укладѣ сельской жизни, дума указываетъ, что запрещена кулачная расправа:

хоче пап мужика за що ся набити,
треба штрафу три рублі завше положити...

Далѣе указывается, что обѣднѣвшимъ панамъ не по карману такая роскошь, какъ кулачная расправа,—приходится отъ нея воздерживаться—

либонь нам, пане-брате, в то ся не вдавати,
бо тепер дурно три рублій, нігде їх взяти...

Такъ иронизуетъ дума надъ положеніемъ пановъ, намекая, вмѣстѣ съ тѣмъ, на прошлое, на прежнія злоупотребленія розгами и кулаками.

Народъ, отмѣчаетъ дума (варіантъ Руданскаго), можетъ позволить себѣ смѣяться надъ застрашиваніемъ пановъ. Панъ обѣзжаетъ хаты крестьянъ и вызываетъ ихъ на паничину, грозя наказаніемъ: этотъ образъ въ варіантѣ Руданскаго относится ко времени послѣ раскрѣпошенія (а варіантъ Бѣлинскаго, какъ мы указывали выше, относить къ прежнему времени до реформы). Въ отвѣтъ на такія запоздавшія угрозы крестьяне только смѣются (варіантъ Руданскаго).

Въ этой ироніи замѣчательно ясно выступаетъ контрастъ прежней забитости и подчиненія съ одной стороны и новой свободы—съ другой.

Этимъ контрастомъ достойно завершается все противопоставленіе тяжелаго прошлаго и послѣреформенной современности.

А. Грушевскій.

Поездка въ нагорный Дагестанъ¹.

Въ настоящемъ живо изложенномъ обстоятельномъ описаний за-броненаго и рѣдко посѣщаемаго края есть кое-что, требующее вос-полненія, а порохъ и исправленія. Такъ, напр., въ маршруты не мѣшало бы указать, что въ Ботлихъ ведеть путь не только изъ Темир-Хан-Шуры, но и изъ Грозы черезъ Веденъ мимо Форельнаго озера и затѣмъ по Царской дорогѣ. Названія мѣстныхъ построекъ, хозяйственныхъ предметовъ и ихъ частей не всегда даются; при перечислѣ предметовъ питанія слѣдовало бы оговорить, чѣмъ питаются взрослые. Кстати, въ этомъ именно мѣстѣ, гдѣ рѣчь о питаніи, и еще кой-гдѣ въ этнографической характеристицѣ быта дидоевъ краски сгущены: такъ, прежде всего въ свѣдѣніяхъ о послѣдствіяхъ мишенія. Было бы цѣлесообразнѣе также, если бы явленія, общія у дидоевъ съ прочими коренными обитателями Кавказа, отмѣчались, какъ таковыя: напр., молотьба хлѣба носить общій по всему Кавказу характеръ и въ подробностяхъ.

Историческая часть требуетъ болѣе обстоятельной обработки, но это не могло войти въ задачи автора, который, по примѣру другихъ, заинтересовавшее его племя называетъ дидоцами, тогда какъ это этническій терминъ—дидои, ед. ч.—дидой. Также этническій, а не географический терминъ и „цунтагъ“, собственно цуны, мн. число отъ „цун“. Сомнительно, чтобы терминъ „леагинъ“ быть заимствованъ отъ грузинъ, такъ какъ сами грузины еще задолго до появленія русскихъ на Кавказѣ называли народъ тотъ „лек“, а не „леск“ или „леаг“, хотя слѣды существованія нѣкогда полной формы *lesk* > *lezg* имѣются и въ грузинской рѣчи.

Что касается лингвистической части, особенно „Краткаго словаря дидоискаго языка“, то пользоваться имъ въ теоретическихъ изслѣдованіяхъ о нарѣчіяхъ индо-дидоиской группы, въ частности и о дидоискомъ, конечно, нельзя, по для собирателя материаловъ на мѣстѣ эта часть, несмотря на всѣ ея недочеты, можетъ оказать услугу.

¹ Докладъ, читанный А. К. Сержнуговскимъ въ засѣданіи Отдѣленія Этнографии Р. Г. О-ва 10 декабря 1910 г. Печатается подъ редакціею и неносредственнымъ наблюденіемъ д. чл. И. Я. Марра, которому принадлежитъ вступленіе, а также и приложенный къ дидоиско-русскому словарю русскій указатель.

Ped.

Какъ ни несовершенна транскрипція¹ и какъ ни далекъ авторъ отъ грамматического пониманія дидойской рѣчи², нельзя ему отказать въ томъ, что онъ лично и непосредственно наблюдалъ звуки и въ предѣлахъ имѣвшихся въ его распоряженіи средствъ записывалъ въ высшей степени добросовѣстно и точно. Специалистъ не затруднится, пробѣживавъ собранный матеріалъ разъ, использовать его безъ риска сдѣлать промахъ. Редакторъ нашелъ нужнымъ внести въ угловатыхъ скобкахъ собственные записи, когда у него имѣлись таковыя. Редакція однако нашла излишнимъ такое осложненіе записей автора на основаніи извѣстныхъ въ литературѣ лично не провѣрѣнныхъ матеріаловъ, напр., прежде всего на основаніи работъ д-ра Диrrа.

Н. М.

Лѣтомъ 1910 года я былъ командированъ Этнографическимъ Отдѣломъ Русскаго Музея императора Александра III въ Андійскій округъ Дагестанской области къ верховьямъ р. Андійское Койсу для сбиранія этнографическихъ коллекцій у дидоевъ и другихъ народностей глухой нагорной части Дагестана.

Просматривая литературу по Кавказу и населяющимъ его народамъ, я, къ сожалѣнію, о дидоахъ нашелъ лишь самыя отрывочные указанія, которыя не могли меня удовлетворить. Я былъ поставленъ въ затруднительное положеніе относительно выбора маршрута. Въ путеводителяхъ указаний не нашелъ, какимъ путемъ можно пробраться къ верховьямъ р. Андійское Койсу. На картахъ, изданной Генеральнымъ Штабомъ, обозначено, что въ интересующую меня страну ведутъ лишь горныя тропы, а колесныхъ путей нѣтъ. Это вынудило меня отправиться въ г. Темиръ-Ханъ-Шуру и тамъ въ областномъ управлѣніи добыть необходимыя свѣдѣнія. Но тамъ мнѣ сказали лишь одно—что путей по Андійскому округу нѣтъ, и посовѣтовалиѣхать въ с. Ботлихъ, гдѣ проживаетъ начальникъ Андійскаго округа. Чтобы избѣжать опасности отъ нападенія разгуливавшихъ въ горахъ по Царской дорогѣ грабителей, съ Залимъ-ханомъ во главѣ, я намѣтилъ путь въ Ботлихъ черезъ с. В. Карапай, Гимры, Ашильта, Игали и Тлохъ и направился по горнымъ тропамъ черезъ горы верхомъ на лошади. Проехалъ два дня, но далѣе, вслѣдствіе сильныхъ дождей, тропы оказались совершенно разрушенными, и я, не доѣхавъ до

¹ Достаточно сказать, что сирантъ h передается черезъ задне-язычный звоній g, не различаются средніе ѳ, ѳ, ѳ отъ глухихъ t, t, t, а также средній q, равно асигрованные k, q отъ k и q, не говоря о специфическихъ звукахъ этой группы ѳ и ҭ и т. п.

² Силошъ и рядомъ форма мн. числа записывателемъ принимается за особое слово.

с. Ашильты, вынужденъ бытъ возвратиться обратно въ г. Шуру. Это обстоятельство заставило меня Ѹхать въ Ботлихъ окружнымъ путемъ черезъ Дженгутай, Ходжал-Махи, Салтинская, Карадахъ, Хунзахъ и Тлохъ. По этому пути отъ г. Шуры до Ботлиха 217 вер.

Въ Ботлихъ начальникъ Андійского округа полковникъ А. Н. Гвелесіяни объяснилъ мнѣ, что дидо живутъ въ ущельяхъ, окруженніхъ со всѣхъ сторонъ высокими горными хребтами со снѣжными вершинами, и что пробраться въ такую малодоступную мѣстность можно лишь пѣшкомъ и верхомъ на лошади по крайне опаснымъ горнымъ тропамъ, которыя очень часто подвергаются разрушенію отъ потоковъ воды и каменныхъ обваловъ. Въ справедливости словъ г. Гвелесіяни я убѣдился скоро на дѣлѣ.

Ботлихъ расположенъ на *сильно пересѣченной*, неровной мѣстности въ ущельѣ Андійского Койсу, на лѣвой сторонѣ его и окружено высокими горами, лишенными растительности. Ботлихъ находится верстахъ въ трехъ отъ самой рѣки, на высотѣ 3174 ф. надъ уровнемъ моря. Это—довольно большое селеніе, представляющее административный центръ Андійского округа Дагестанской области. Въ Ботлихѣ, кромѣ начальника округа, живутъ начальникъ участка и врачъ и стоитъ немногого войска (пластуны и солдаты-артиллеристы), а также имѣется почтово-телеграфное отдѣленіе. Для безопасности отъ нараденія со стороны горцевъ здѣсь построена крѣпость и въ ней хороши каменные дома съ желѣзными крышами, а рядомъ—казармы для солдатъ. Въ крѣпости имѣются орудія.

Ботлихъ населяютъ ботлихцы, принадлежащіе къ андійской группѣ. Они говорятъ на особомъ языкѣ, непонятномъ для соѣднѣхъ народностей. Кромѣ Ботлиха, они населяютъ еще селеніе Миарсу. На сѣверозападѣ и на сѣверѣ отъ Ботлиха живутъ андійцы и населяютъ: Анди, Зило, Чанк(х)о Чохкуръ, Гагатль, Гунхо, Ашали, Рикуаны, Конхидатль и Муни.

Собственно Ботлихъ или аулъ ботлихцевъ расположенъ на склонѣ горы. Ниже аула въ ущельѣ по террасамъ много садовъ и огородовъ, которые орошаются искусственно посредствомъ сѣти канавъ, проводящіхъ воду изъ рѣки и изъ горныхъ потоковъ п ключей. Даже самыя поля, засѣянныя пшеницей, за непрѣнѣмъ иныхъ удобныхъ для земледѣлія мѣстъ, расположены только въ садахъ и огородахъ. Сакли и вообще всѣ постройки ботлихцевъ сложены изъ камня—плитняка въ видѣ четырехгранной призмы и непремѣнно имѣютъ крытыя галлереи, поддерживающіяся деревянными столбами. Крыши—плоскія, горизонтальныя. Онѣ сдѣланы такъ: на стѣны положены деревянныя балки, на которыя настилается рядъ жердей. Затѣмъ, жерди покрываются хворостомъ, иногда берестой, и сверху тонкими каменными плитами и пескомъ вмѣстѣ съ глиной. Несокъ плотно укатывается каменнымъ валькомъ. Постройки лѣпятся къ крутыму склону скалистой горы и

стоять одна надь другою въ видѣ ступеней огромной лѣстницы. Постройки многихъ домохозяевъ слиты вмѣстѣ и представляютъ собою какъ бы одно цѣлое. Онѣ раздѣлены между собою только естественными препятствіями, какъ, напр.: нависшими скалами, горными ручьями и т. п. У каждого домохозяина имѣются стѣдующія постройки: сакля, сарай или конюшня и сѣноваль. Обыкновенно внизу устраивается сарай или сарай и конюшня вмѣстѣ. На нихъ, какъ бы во второмъ этажѣ, устроены жилыя помѣщенія—одна или двѣ сакли съ галлерей, обращенной на востокъ. Надь саклами устраивается сѣноваль. Очагъ—посреди сакли или у стѣны. Въ послѣднемъ случаѣ устраивается дымарь. По стѣнамъ висятъ кухонная и домашняя посуда и разные домашніе предметы. У стѣнъ на земляномъ или каменномъ полу пространы войлочные полсти, на которыхъ спятъ. Подушекъ нѣть.

Изъ Ботлиха я поѣхалъ верхомъ на лошади по горнымъ тронамъ вдоль р. Андійское Койсу черезъ селенія Агвали, Цумада, Эчеда, Инхокоры, Контляда, Сантляда, Хварши, Ханакъ и достигъ дидойскаго селенія Шантль.

Но прежде нѣсколько словъ о горныхъ путяхъ въ Андійскомъ округѣ.

Путей, въ собственномъ смыслѣ этого слова, нѣть. Единственные пути сообщенія—это узкія горныя тропинки, которыя очень часто такъ плохо замѣтны среди нагроможденныхъ въ безпорядкѣ каменныхъ глыбъ, что даже самые опытные проводники нерѣдко сбиваются съ дороги и долго блуждаютъ по однообразнымъ ущельямъ или горамъ. Обыкновенно тропинка идетъ вигзагами, то поднимаясь вверхъ, то опускаясь внизъ по крутымъ, почти отвѣснымъ склонамъ скалистыхъ горъ или вдоль рѣкъ и рѣчекъ, которая глубоко въ ущельѣ съ дикимъ ревомъ перебрасываютъ свои воды черезъ огромные камни. Въ среднемъ тропинки бываютъ около 0,50^м шириной; иногда они суживаются до 0,20^м, такъ что на нихъ еле помѣщаются копыта лошади. Особенно узки тропинки на крутыхъ, почти отвѣсныхъ скалистыхъ склонахъ, гдѣ они представляютъ собою незначительную зазубрину, расположенную на высотѣ нѣсколькоихъ сотъ метровъ надъ дномъ ущелья или рѣки. По берегу Андійскаго Койсу, прорѣзывающаго высокія горы со снѣжными вершинами, тропинки по мѣстамъ устроены такъ: въ отвѣсные скалистые склоны горы горизонтально кое-какъ вбиты деревянные колышки, на которые положены каменные плиты,—и тропинка готова. Это—самая опасная тропинки: поду碌ившіе колышки шатаются подъ тяжестью лошади и всадника, каменные плиты разъѣзжаются и образуютъ дыры, а, между тѣмъ, съ одной стороны высится гладкая, какъ полированная, каменная стѣна, а съ другой—зіять пропасть, въ которой не видно дна. Надо обладать смѣлостью горца, чтобы спокойно проѣхать по такимъ тропинкамъ. Не менѣе опасны тропинки, ведущія черезъ снѣжныя вершины гор-

ныхъ хребтовъ, напр., черезъ Бочогъ. Тутъ тропинка правильными зигзагами поднимается вверхъ по чрезвычайно крутымъ склону горы, покрытому мелкимъ шифернымъ камнемъ. Ноги лошади погружаются по щиколотки въ шиферъ, который отъ движений безпрерывно обсыпается внизъ и уничтожаетъ тропинку. По мѣстамъ преграждаются путь потоки воды или оползни льда. Вы поднимаетесь 5—6 часовъ, ледяные оползни все увеличиваются и, наконецъ, залегаютъ силошной массой. Ноги лошади скользятъ по льду. Вы сходите съ лошади, пускаете ее свободно, а сами карабкаетесь по ледникамъ, цѣпляясь руками за острыя скалы. Хорошо, если васъ не захватила гроза на вершинѣ горы,—вы можете спускаться внизъ; въ противномъ случаѣ вамъ придется долгое время оставаться на четырехверстной высотѣ подъ проливнымъ дождемъ, такъ какъ каскады воды, низвергаясь съ горы, разрушаютъ всѣ тропинки. Таковы тропинки Ункратъ-Дидоевскаго участка Андійскаго округа въ юлѣ и августѣ мѣсяцахъ. Въ другое же время года страна Цунталь, какъ ее называютъ мѣстные жители, почти совершенно недоступна. Зимою снѣгъ покрываетъ всѣ тропинки и набивается въ ущелья въ десятки метровъ глубиной. Пробѣхать по снѣгу нѣть никакой возможности. Весною и выпадаютъ до половины юна отъ таянія снѣговъ съ горъ льются потоки воды и разрушаютъ всѣ тропинки. Осенью, когда идутъ частные дожди, происходитъ то же явленіе. Иправда, черезъ нѣкоторыя горные ручьи и ущелья переброшены мостики; по эти мостики—такія жидкія сооруженія, которыя какъ бы нарочно сдѣланы для того, чтобы подъ ними погибали проѣзжающіе. По словамъ мѣстныхъ жителей, больше всего бываетъ несчастныхъ случаевъ при иереѣздахъ черезъ мостики и на тропинкахъ, устроенныхъ на колышкахъ.

Климатическая условия Андійского округа—самая разнообразная. Во всякомъ случаѣ въ виду того, что страна лежитъ высоко надъ уровнемъ моря, здѣсь бываютъ зимою довольно большие морозы и глубокіе снѣга. Лѣтомъ днемъ очень жарко, а ночью до того холодно, что иногда замерзаетъ вода. Въ ущельяхъ очень жарко и никогда не бываетъ зими. Въ пихъ зимой пасутся стада рогатаго скота, овецъ и лошадей.

Зимою часто падаетъ снѣгъ, а лѣтомъ почти ежедневно бываютъ грозы и сильные ливни. Словомъ, климатъ округа можно считать умѣреннымъ, сырьимъ и нездоровыемъ.

Не даромъ говорятъ, что на Кавказѣ почти каждое горное ущелье населяетъ особый народъ. Особенно много такихъ небольшихъ народностей въ Дагестанской области. Въ одномъ Андійскомъ округѣ въ чистѣ 50.000 ж. об. и заключается болѣе 13 различныхъ народностей, имѣющихъ свой особый языкъ, свои обычай и вообще свои особыя бытовыя черты. Здѣсь живутъ андійцы или куанинты, каратинцы, ахвахцы или садакилиду, багулальцы, идерипцы или тицдалльцы (бо-

гось то жь), чамалальцы, ботлихцы, дидои или цунта, хваршицы, аварцы, годоберицы, чеченцы, капучинцы и гинухцы, какъ они сами себя называютъ.

Не имъя собственного общаго названія, всѣ эти народности, кромѣ чеченцевъ, извѣстны подъ именемъ лезгинъ или горцевъ. Слово „лезгинъ“ самими народностями, извѣстными намъ подъ этимъ именемъ, не употребляется; имъ обозначаютъ горское населеніе Дагестана грузины и кумыки, отъ которыхъ оно усвоено и русскими. Подобно тому какъ словомъ лезгинъ обозначали горцевъ вообще, кумыки, а отъ нихъ и русскіе, горцевъ Сѣвернаго Дагестана называли тавлинцами. И то, и другое название чуждо народностямъ, которымъ оно дается.

Перечисленныя народности относятся къ четыремъ группамъ: чеченской, аварской, андійской и дидойской. Дидойскую группу составляютъ собственно дидои, хваршицы, капучинцы и гинухцы.

Дидои (дидо, цези то жь) сами себя называютъ цунта или цунталь по названію занимаемой мѣстности Цунта или Цунталь. Самая мѣстность, вѣроятно, получила название отъ протекающей здѣсь рѣки Цунта-дариль, главнаго притока Андійскаго Койсу. Вирочемъ, на мой вопросъ, какъ называется эта рѣка, дидои отвѣтили: „Цунтѣ-Койсѣ“.

Страна Цунталь занимаетъ югозападную часть Андійскаго округа по верховью р. Андійское Койсу и ея притокамъ. Вся страна Цунталь, окруженная горными хребтами, вершины которыхъ покрыты вѣчными снѣгами, представляетъ собою также сплошныя горы, нагроможденныя въ беспорядкѣ одна на другую. Горы Цунталь въ большинствѣ случаевъ состоятъ изъ голыхъ, лишенныхъ всякой растительности скалъ. Только на нѣкоторыхъ невысокихъ горахъ и по ущельямъ, а также на сѣверныхъ склонахъ имѣются деревья и травяной покровъ. Цунталь окружаютъ горные хребты: съ юга Главный Кавказскій хребетъ отдѣляетъ отъ Кахетіи, на востокѣ тянется Богосскій и Мичитлскій хребты по границѣ Гунибскаго округа; съ сѣверозапада нагромождены отроги Пиркительскаго хребта. Благодаря этому страна Цунталь почти круглый годъ остается совершенно замкнутой. Зимою снѣгомъ заносятся всѣ тропинки и ущелья, и жители часто лишены возможности даже выйти изъ селенія. Весною, когда таютъ снѣга, пути отрывываются бурными горными рѣчками, которая съ такой силой мчать свои воды, что уносятъ даже довольно тяжелые камни. Лѣтомъ частыя грозы и ливни, а осенью постоянные дожди разрушаютъ горныя тропы и дѣлаютъ эту страну недоступною.

Дидо, дидои, Цунта, цунталь или цеза, какъ ихъ называютъ въ литературѣ, населяютъ такъ называемый мѣстными жителями Цунталь, т.-е. нагорную часть Дагестана по бассейну верховьевъ р. Андійскаго Койсу. Дидо или дидои назвали ихъ ближайшіе сосѣди, грузины. Грузинское название перешло и въ литературу, такъ какъ старѣйшія указанія на эту народность имѣются у грузинскѣхъ писа-

телей. Восточные соседи дидоевъ называютъ ихъ цеза, что на аварскомъ языке означаетъ люди. Сами себя дидои называютъ цунталь или цунта. Дидоевъ по послѣднимъ свѣдѣніямъ насчитываютъ 5.340 человѣкъ. Они живутъ въ 36 селеніяхъ, составляющихъ 9 обществъ. Въ административномъ отношеніи дидои, за исключеніемъ Тляратинского селенія, которое относится къ Гумбетовскому участку, входятъ въ составъ Уикратль-дидойского участка Андійского округа Дагестанской области. Страна Цунталь лежитъ высоко надъ уровнемъ моря и представляетъ собою горную мѣстность, въ которой скалистые отроги соседнихъ горныхъ хребтовъ переплелись между собою по всѣмъ направлѣніямъ и нагромоздили въ полномъ беспорядкѣ одна на другую огромныя каменные глыбы, поднимающіяся въ высоту за линію вѣчного снѣга. Могучіе потоки воды образовали множество ущелій и непроходимыхъ пропастей, по дну которыхъ протекаютъ быстрыя горная рѣки и рѣчки. Иногда эти рѣчки скрываются подъ горой или падаютъ со скаль и образуютъ водопады. По ущелью на пути изъ селенія Хуиро къ Кадорскому перевалу одна изъ такихъ горныхъ рѣчекъ образуетъ паденіе воды съ высоты около версты. Таковы притоки Андійского Коісу, прорѣзывающаго на всемъ своемъ пути огромныя горы.

Въ такой-то дикой и недоступной странѣ съ давнихъ порь поселились дидои. Дидои, по своей малочисленности и бѣдности страны, не имѣли самостоятельного государственного устройства. Они входили въ составъ Грузинского царства. Затѣмъ, во время Шамиля, храбрые дидои являлись его лучшими воинами.

Дидои исповѣдуютъ магометанство и говорять на особомъ языке, который еще мало изученъ. Мною записано много дидойскихъ словъ, перечень которыхъ приложенъ въ концѣ статьи.

Селенія обыкновенно расположены въ ущельѣ немногого выше его дна на высотѣ около 15—40м и непремѣнно на солнечной сторонѣ склона горы. Почти всегда по дну ущелья, гдѣ расположено селеніе, протекаетъ горная рѣчка или ручей. Иногда воду изъ рѣчекъ, ручьевъ или горныхъ ключей искусственно направляютъ по узкой канавкѣ въ селеніе. Выше падь селеніемъ такая канавка разбивается на рукава и доставляетъ воду почти въ самое жилище. Часто можно видѣть, какъ вода льется изъ такой канавки въ деревянный ялобъ, расположенный на крынѣ жилища, и служить для домашнаго употребленія, для орошенія почвы и даже для врашеннія жернова маленькой мельницы самого примитивнаго устройства. Постройки, такъ сказать, прильплены къ очень крутымъ склонамъ и расположены не по ширинѣ, а вверхъ въ видѣ гигантской лѣстницы. Добраться со дна ущелья до селенія, вслѣдствіе крутизны склона горы, нѣтъ никакой возможности. Обыкновенно въ селеніе ведетъ зигзагообразная узкая тропа, высѣченная въ крутомъ склонѣ горы и защищеннная утесами и огромными

камнями. Дѣлаютъ такъ для того, чтобы легко было защищаться отъ непріятеля и преградить ему доступъ въ селеніе. Почти сплошь и рядомъ, поднявшись на гору, видишь селеніе въ разстояніи иѣсколькихъ верстъ, но, чтобы добраться до такого селенія, надо употребить 2—3 часа самаго труднаго пути: надо сдѣлать множество поворотовъ и обѣздовъ, надо иѣсколько разъ то спуститься почти на дно ущелья, то опять подняться на гору, то пройти сквозь узкую трещину между скалами. Селеніе откроется взору только на разстояніи десятка метровъ, причемъ у самаго селенія приходится почти постоянно подниматься по очень крутому склону горы, предъ которымъ останавливаются даже привычная горскія лошади. Такіе крутые подъемы сохраняются теперь еще по традиціи, когда они были необходимы, чтобы сдѣлать ауль недоступнымъ для неожиданнаго нападенія врага.

Всѣ жилыя и служебныя постройки возводятся изъ камня-плитняка, который ломается изъ горъ тутъ же на мѣстѣ. Камень имѣеть видъ тесаныхъ плитъ. Камни плотно складываются, и щели замазываются мокрой землей, въ которой много глины.

Почти всегда при возведеніи стѣнъ, а особенно столбовъ, изрѣдка между камнями кладутъ деревянная связи: камни вдавливаются въ дерево и не расползаются въ стороны.

Изъ построекъ у дідоевъ имѣются: вид ку́—жилое помѣщеніе, речу—коюшня или сарай, оц—павильонъ. Кромѣ того, иногда устраиваютъ ботли—кладовую или амбаръ и лагонэ—сарай на дрова. Обыкновенно постройки располагаются такъ: внизу—сарай, на немъ—жилое помѣщеніе, а выше—сѣновалъ. Вид ку́ имѣеть прямоугольную форму; длина 7—8 арш., шир. 6—7 арш., высота 4—5 арш. Стѣны сложены изъ каменныхъ плитъ безъ цемента, внутри обмазаны глиной или просто землей. Поль—земляной. Съ южной стороны—крытая галлерея съ деревянными столбиками. Дверь—небольшая. Окна—квадратица, но въ нихъ вставлены доски, въ которыхъ для свѣта проѣзаны круглые дырки около 0,25^м въ діаметрѣ. Кромѣ этихъ оконъ, въ стѣнѣ имѣются маленькия окна-щели для стрѣлянія въ непріятеля и въ крышѣ неправильной формы дыры со стеклами для пропуска свѣта.

На стѣны горизонтально кладутъ 5—6 балокъ. На балки настилаютъ хворость или прутья. Затѣмъ все это покрывается травой или берестой, мостится тонкими каменными плитами и засыпается пескомъ. Песокъ утрамбовывается каменнымъ каткомъ. Въ старинныхъ видахъ ставили еще толстый каменный столбъ, который поддерживалъ главную толстую балку. Посрединѣ въ крышѣ сдѣлано отверстіе для дыма. Иногда это отверстіе на крышѣ обложено и покрыто каменными плитами. Подъ дымовымъ отверстіемъ подвѣшена цѣнь съ желѣзной решеткой, на которую кладутъ каменную плиту. Подъ цѣнью—очагъ, представляющій собою небольшое углубленіе въ полу. Возлѣ очага

самое почетное мѣсто. У стѣнъ—узкія скамы, покрытыя войлокомъ. Это—кровати для спанья. Подушекъ нѣть. Вся посуда и вообще вещи висятъ по стѣнамъ.

Видъ ку очень напоминаетъ горную пещеру, отъ которой она произошла.

Дідои занимаются земледѣліемъ, скотоводствомъ, пчеловодствомъ, охотой, рыбной ловлей и отчасти ремеслами. Земледѣліе находится въ крайне плохомъ состояніи. Поля,—если такъ можно назвать полями маленькие клочки земли въ 1^м шириной и нѣсколько метровъ длиною, разбросанные между скалами па крутыхъ склонахъ горъ,—обращаются исключительно женщиными посредствомъ мотыки. На поляхъ сѣютъ пшеницу, ячмень, овесъ и изрѣдка ленъ. Пашни сильно страдаютъ отъ засухи. Жаркие лучи солнца въ нѣсколько дней превращаютъ въ паръ всю влагу почвы, и растенія погибаютъ. Съ другой стороны, отъ сильныхъ дождей съ горъ льются могучіе потоки воды, размываютъ тонкій слой почвы и уносятъ какъ землю, такъ и растенія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ поля орошаютъ искусственно посредствомъ сѣти канавъ, проводящихъ воду изъ рѣкъ, ручьевъ и ключей. Черезъ разсѣлины и узкія ущелья перекидываются деревянные яголоба, по которымъ свободно протекаетъ вода. Канавки обыкновенно обкладываютъ камнями и покрываютъ иногда каменистыми плитами, чтобы защитить воду отъ палиющихъ лучей жаркаго южнаго солнца. Такія канавы, вмѣстѣ съ тѣмъ, проводятъ воду на небольшія мельницы самого примитивнаго устройства. Всѣдѣствіе того, что въ странѣ Цунталь, загроможденной въ безпорядкѣ высокими скалистыми горами, господствуютъ самыя разнообразныя климатическія условія, полевыя работы производятся даже въ сосѣднихъ селеніяхъ въ разное время. Въ глубокихъ ущельяхъ, по южнымъ склонамъ, работы начинаются очень рано и оканчиваются въ половинѣ юнія, тогда какъ на сѣверныхъ склонахъ или на террасахъ, приподнятыхъ высоко надъ уровнемъ моря, полевые хлѣба зеленѣютъ до глубокой осени. Пашни расположены вблизи селеній. Поля удобряютъ павозомъ, который доставляютъ въ особыхъ корзинахъ, навьючивая ихъ на лошадей или ословъ или же перенося на себѣ. Какъ было замѣчено выше, всѣ полевые работы производятся женщиными. Женщины устраиваютъ искусственное орошеніе, очищаютъ клочки земли отъ камней или кустарниковъ, разрыхляютъ желѣзной мотыкой почву, сѣютъ сѣмена, боронять пашню лопатой или мотыкой, выпалываютъ сорнякъ травы, которая на себѣ переносятъ въ селеніе и сушатъ на крышахъ строеній, заготовляя такимъ образомъ на зиму запасы сѣна. Женщины же жнуть и собираютъ съ полей хлѣба, переносятъ ихъ домой и тамъ обмолачиваютъ. Малорослые хлѣба они руками выдергиваютъ съ корнемъ, а хорошия жнуть серпомъ. Обмолачиваютъ, гоняя по снопамъ лошадей или таская лошадьми же толстую широкую доску, въ которую снизу набиты короткіе камен-

ные зубья. Для увеличения тяжести женищина сама становится на эту доску и управляет лошадьми. Въять хлебъ подбрасывая его въ особомъ двойномъ корытѣ; затѣмъ, очищаютъ отъ мелкихъ камней, посредствомъ промыванія зерна въ водѣ. Сушатъ хлебъ па солнцѣ, разсыпая его на крышахъ построекъ. Просушенное зерно размалываютъ на каменной плите, вращая сверху жерновъ, или на водяныхъ мельницахъ. Заготовленная такимъ образомъ мука хранится въ кожаныхъ мѣшкахъ, подвѣшеннѣхъ подъ крышей, или въ деревянной посудѣ. Хлебъ рождается въ такомъ маломъ количествѣ, что при ежедневномъ употреблѣніи его не хватило бы и на одинъ мѣсяцъ. Но дидои хранятъ хлебъ только для дѣтей и дорогихъ и почетныхъ гостей. Впрочемъ, довольно часто бываютъ такие неурожайные годы, въ которые истощается весь хлебъ не только въ томъ или иномъ селеніи, но даже во всемъ округѣ. Между тѣмъ, привезти хлебъ или иные съѣстные продукты изъ сосѣднихъ округовъ по мѣстнымъ дорогамъ не представляется никакой возможности.

Скотоводство является у дидоевъ, какъ почти и у всѣхъ горскихъ племенъ Дагестана, главнѣйшимъ источникомъ существованія. Трудно себѣ представить, какъ могли бы жить люди безъ лошадей и овецъ среди пустынныхъ скалистыхъ горъ. Лошади являются почти единственнымъ средствомъ передвиженія и перевозки тяжестей, а овцы даютъ пищевые продукты и предметы одежды, обуви и головныхъ уборовъ. Другія домашнія животныя уже менѣе необходимы для горцевъ. Кромѣ лошадей и овецъ, дидои разводятъ ословъ, козъ, коровъ и изрѣдка буйволовъ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ разводятъ много ословъ, на которыхъ перевозятъ всѣ тяжести. Мѣстные ослы тѣмъ хороши, что они довольноствуются крайне скучной пищѣй и очень хорошо ходятъ по самымъ узкимъ, крутымъ и опаснымъ горнымъ троцамъ. Козы также неразборчивы въ пищѣ и добываютъ ее даже въ разсѣлинахъ скаль, на недоступныхъ для человѣка горныхъ вершинахъ. Козье молоко употребляется въ пищу и идеть на изготавленіе мѣстнаго довольно вкуснаго сыра. Изъ козьей шерсти изготавливаютъ обувь, канаты и т. п.; мясо козъ употребляютъ въ пищу, а изъ шкуръ шить одежду, дѣлаютъ бурдюки, сумки и пр. Козы рога идутъ на вѣшалки или на изготавленіе ручекъ для ножей и книжаловъ. Коровъ держать очень мало: по одной или по двѣ на хозяйство, да и то не въ каждомъ селеніи. Быковъ оставляютъ только племенныхъ. Коровъ больше въ тѣхъ селеніяхъ, возлѣ которыхъ имѣются хорошия пастбища и сѣнокосы. Носятъ попадаются въ горахъ довольно рѣдко. Рогатый скотъ здѣсь мелкой породы. Коровы безъ теленка не даютъ молока. Больше всего разводятъ овецъ съ большими жирными хвостами (курдюки). Изрѣдка попадаются и другой породы — тонкорунные овцы. Но больше всего у дидоевъ прѣнитается порода овецъ съ короткой и тонкой рыжей шерстью. Изъ овчинъ барашковъ этой породы дѣлаютъ дорогія шапки,

которая на Кавказѣ цѣняется до 25 руб. и болѣе штука. Зажиточные домохозяева имѣютъ нѣсколько сотъ овецъ, которыхъ круглый годъ пасутся въ горахъ. Впрочемъ, съ 1872 г., когда у дидоевъ отняли въ казну почти всѣ горы, покрытые лѣсомъ и травой, овцеводство здѣсь падо до минимума, а вмѣстѣ съ тѣмъ, за неимѣніемъ достаточнаго количества пищи, начало уменьшаться и народонаселеніе.

Пчеловодство у дидоевъ находится въ такомъ же неразвитомъ состояніи, какъ и земледѣліе. Пчеловодствомъ занимаются исключительно мужчины. Цікія пчелы водятся на Кавказѣ въ дуплахъ деревьевъ и на горахъ въ скважинахъ между камнями. Дидои отыскиваютъ по лѣсамъ борти и въ горахъ пчелины гнѣзда и собираютъ всѣ соты, уничтожая пчелъ. Не довольствуясь такимъ варварскимъ роебойнымъ способомъ добыванія меда, нѣкоторые дидои разводятъ домашнихъ пчелъ и изготавливаютъ для нихъ дуплянки—борти. Дуплянка представляетъ собою древесный стволъ около 1,2^м длиною, 0,4^м въ діаметрѣ. Стволъ раскалывается по длине пополамъ. Въ этихъ половникахъ выдалбливается помѣщеніе для пчелинаго гнѣзда. Въ одномъ концѣ ствола продѣлываются двѣ дырочки—лѣтокъ. Затѣмъ, половники ствола складываются вмѣстѣ, и бортъ готовъ. Въ дуплянки кладутъ немногого меда, чтобы приманить пчелиній рой, и помѣщаются въ горизонтальномъ положеніи на сѣноватѣ подѣ крышей, обращая лѣткомъ на солнечную сторону. Въ такія дуплянки охотно входитъ рой пчелъ. Для добыванія меда въ дуплянкѣ снимаютъ только верхнюю половинку, вынимаютъ соты и опять закрываютъ. На зиму дуплянки окутываются сѣномъ или соломой. Этимъ и ограничивается весь уходъ за пчелами. Дидоѣскіе бортники не ловятъ пчелиной матки, а если поймаютъ рой пчелъ, то помѣщаются его въ дуплянку безъ всякихъ предосторожностей противъ его ухода.

Медь употребляется въ пищу въ сыромъ видѣ и входить составною частью во многія кушанья. Особеніо любимымъ кушаньемъ считается у дидоевъ толокно, мѣшанное съ медомъ въ видѣ густой массы.

Звѣроловство у дидоевъ не составляетъ особаго промысла. Охотятся на звѣрей во всякое время при удобномъ случаѣ. Горные лѣса обижаютъ дичью. Здѣсь водятся медвѣди, волки, лисицы, барсуки, олени, серны, туры, горные козлы, рыси и др. Дидои отправляется въ лѣсъ не на охоту, а по инымъ надобностямъ и беретъ съ собою ружье. Большинство ружей у дидоевъ еще кремневой системы очень плохого качества. За ружье центрального боя здѣсь охотно отдаютъ пару лучшихъ лошадей. Но такія ружья среди дидоевъ—большая рѣдкость. Во всякому случаѣ дидои изъ самого плохого кремневаго ружья сумѣеть однимъ выстрѣломъ уложить на мѣстѣ большого и сильнаго медвѣдя. Для этой цѣли здѣшніе охотники разрѣзываютъ накресть конецъ пули, которая при ударѣ разрывается и наносить звѣрю смерть.

тельную рапу. Съ убитыхъ звѣрей въ большинствѣ случаевъ снимаются только шкуру, а мясо оставляютъ на мѣстѣ. Дѣло въ томъ, что не всегда является возможнымъ доставить убитое животное черезъ горы въ селеніе. Съ другой стороны, по магометанскому закону, при убиваніи тѣхъ животныхъ, мясо которыхъ употребляется въ пищу, надлежитъ соблюдать положенная правила, что не всегда возможно на охотѣ. Поэтому, занятіе звѣроловствомъ доставляетъ дидоемъ самыя незначительныя выгоды, хотя, какъ было сказано, дичи здѣсь очень много. Въ дидоискыхъ селеніяхъ часто можно видѣть множество роговъ оленей и горныхъ козловъ. Эти рога, въ видѣ трофеевъ, украшаютъ жилища снаружи и внутри. Въ селеніи Кидеро у одного охотника мною найдено пять медвѣжьихъ шкуръ и около 20 паръ роговъ оленей, туровъ и горныхъ козловъ.

Рыболовство развито у дидоевъ еще менѣе, чѣмъ звѣроловство. Въ горныхъ рѣкахъ преимущественно водится форель, ловить которую довольно трудно. Между тѣмъ, у дидоевъ, кромѣ сплетенной изъ прутьевъ конусообразной корзины, иныхъ рыболовныхъ снастей нѣть.

Птицеводство почти совсѣмъ не существуетъ, если не считать того, что нѣкоторые домохозяева имѣютъ домашнихъ куръ и голубей.

Лѣсной промыселъ ограничивается лишь рубкой деревьевъ на дрова и на иные надобности хозяйственнаго обихода. За неимѣніемъ сколько-нибудь сносныхъ путей сообщенія всѣ лѣсныя богатства страны Цунталь погибаютъ даромъ.

Ремесла у дидоевъ до того слабо развиты, что обѣ этой сторонѣ народнаго производства трудно сказать что-либо положительное. Достаточно замѣтить, что ткацкій станокъ у нихъ—самаго примитивнаго устройства: основа—въ вертикальномъ положеніи. Тканей изготавливаютъ очень мало. Женщины прядутъ нитки только изъ овечьей шерсти,—прядутъ безъ прялки слѣдующимъ образомъ: клюкъ шерсти помѣщается въ лѣвой руцѣ, а веретено—въ правой, причемъ нижній конецъ веретена стоитъ въ каменной или деревянной чашечкѣ.

Изъ шерстяныхъ нитокъ вяжутъ на спицахъ чулки и сапоги. Шерстяная же нитки употребляются для шитья и иныхъ надобностей.

Вмѣсто ткания домашнаго сукна, здѣсь изготавливаютъ войлокъ изъ бѣлой волны. Войлоки употребляются вмѣсто ковровъ, одѣяль, простынь и т. п.; изъ войлоковъ шьютъ верхнюю одежду съ рукавами и безъ рукавовъ. Словомъ, до послѣдняго времени всю одежду, а въ томъ числѣ и бѣлье, изготавливали изъ шкуръ или войлока, шивая ихъ ремешками или шерстяными нитками. Теперь начинаетъ входить въ употребленіе привозный ситецъ бѣлаго, чернаго, краснаго и синяго цвѣтovъ, а также фабричное и домашнее сукна. Послѣднее доставляется изъ Бекиты и изъ другихъ селеній сосѣднихъ народностей.

Новсюду у дидоевъ занимаются выѣлкой кожъ и дубленіемъ овчинъ. Производятся работы по выѣлкѣ кожъ ручнымъ способомъ

при помоци самыхъ примитивныхъ орудій. Такъ, напр., кожи очищаются отъ жира и остатковъ мяса коровыимъ или баранымъ рогомъ. Ремни, которыми увязываютъ вьюки, приготовляютъ изъ оленьей кожи, причемъ кожу, безъ всякой выдѣлки, пропитываютъ только жиромъ. Болѣе тщательно выдѣлываютъ кожи, изъ которыхъ изготавливаютъ пояса, ремни для ружья и лошадиную сбрую. Овчины выдѣлываются крайне плохо, нечисто, но хорошо смазываются жиромъ, что предохраняетъ ихъ отъ вреднаго вліянія воды. Только овчины съ барашкомъ выдѣлываются хорошо и идутъ на папахи. Надо замѣтить, что у дідоевъ на головной уборъ обращаютъ очень много вниманія. Можно носить лохмотья или только клочки одежды, но нельзя показаться другимъ безъ головного убора или безъ кинжала. Здѣсь можно видѣть красивыя и дорогія папахи. На ряду съ оружіемъ и сбруей, папахи украшаютъ стѣны сакли.

Одежда дідоевъ отличается простотой. Мужчины зимой и лѣтомъ неизмѣнно носятъ короткую рубашку и узкіе штаны изъ овчины. Штаны вправляютъ въ короткіе вязанные въ узоры шерстяные сапоги. Сверху набрасываютъ въ опашку полуушубокъ съ большимъ воротникомъ и длинными рукавами, доходящими до подола, или безъ рукавовъ. Въ дождливую погоду полуушубокъ выворачиваютъ шерстью наружу. Теперь лѣтомъ начинаютъ уже носить коленкоровые рубаху и штаны. Днемъ на голову надѣваютъ папаху, а ночью—тюбетейку. Если къ этому прибавить кожаный поясъ, на которомъ неизмѣнно виситъ солидныхъ размѣровъ кинжалъ, то и получится весь костюмъ дідоя. Женщины носятъ длинную почти до земли овчинную рубаху съ широкими рукавами, узкіе овчинные штаны, штаны которыхъ вправляются въ длинныя голенища вязаныхъ шерстяныхъ сапогъ съ тупыми носками, головной уборъ, украшенный серебромъ, и широкій поясъ, концы которого висятъ почти до земли. Рубаху и штаны теперь шьютъ уже изъ кумача и коленкора. Обыкновенно рубаха бываетъ черная съ широкой красной каймой у подола. Поясъ—красный. Женщины и дѣти носятъ много украшений и амулетовъ и талисмановъ на груди и на головѣ. Огромпія серьги рѣдко вдѣваются въ уши; они пришиты къ головному убору такъ, что висятъ возлѣ ушей. Теплой зимней одежды у женщинъ и дѣтей нѣтъ, такъ какъ имъ зимой все время приходится сидѣть дома.

Особенаго вниманія заслуживаютъ нагрудныя женскія украшения въ видѣ ажурныхъ пластинокъ различной формы. Въ настоящее время эти украшения замѣняются новыми, но старинныхъ еще много можно найти въ мусорѣ старинныхъ жилищъ или спрятанными въ ящикахъ. Прежде, по словамъ мѣстныхъ жителей, здѣшнія женщины носили на головномъ уборѣ височныя кольца, теперь вышедшія изъ употребленія. Нынѣ такія кольца носятъ андійскія женщины. Мужчины носятъ кольца-талисманы па большомъ пальцѣ правой руки.

Можетъ-быть, это—пережитокъ тѣхъ колецъ, которыхъ употреблялись для натягиванія тетивы.

Несмотря на то, что скотоводство является главнѣйшимъ источникомъ жизни горцевъ, сѣнокосеніемъ дидон не занимаются, да здѣсь и нѣтъ луговъ. Лишь женщины жнутъ серномъ по склонамъ горъ и между скалами траву и полевые злаки и складываютъ въ кучки вышиною въ ростъ человѣка, издали кажущіяся пнями или высокими кочками. Затѣмъ женщины связываютъ траву въ вязанки, которыхъ переносятъ на плечахъ въ селеніе и разбрасываютъ на крышиахъ или въ видѣ гирляндъ свѣшиваютъ съ крыши. Необыкновенно красиво выглядятъ своеобразныя дидойскія постройки, опоясанныя галлерейками, когда онѣ убраны гирляндами зелени, пестрѣющей яркими цветами. Трава быстро сохнетъ подъ палящими лучами дагестанскаго солнца и даетъ зеленое душистое сѣно. Само собой разумѣется, что такимъ способомъ заготовляютъ очень немного сѣна, котораго хватаетъ только для рабочихъ лошадей. Весь же крупный и мелкій рогатый скотъ и лошади всю зиму и лѣто пасутся въ горахъ.

Кладбища бываютъ возлѣ селенія. Надъ могилами ставятъ надгробные памятники, въ большинствѣ случаевъ представляющіе собою каменную плиту около 1^м вышиною. На такихъ плитахъ, поставленныхъ вертикально, дѣлаютъ надпись на арабскомъ языке, а также означаютъ имя и качества умершаго. Содержаніе надписей заимствуютъ изъ корана.

Умершихъ въ пути, въ горахъ тамъ же и хоронятъ. Если это знатныя лица, то надъ ихъ могилой ставятъ сложенные изъ камней памятники въ видѣ четырехграниной призмы съ пирамидой вверху. Пробѣзжающіе мимо такихъ памятниковъ путники останавливаются, сходятъ съ лошадей и совершаютъ молитву. По горнымъ тропамъ памятники попадаются довольно часто. Проводники, какъ плохіе психологи, то и дѣло указываютъ на мѣста, гдѣ погибли путешественники. Мнѣ не легко было запретить переводчику и проводникамъ не рассказывать мнѣ ничего о несчастныхъ случаяхъ, чтобы у меня не являлось представленія о большихъ опасностяхъ пути.

Когда въ дидойское селеніе пріѣзжаетъ кто-либо изъ начальниковъ или вообще посторонній господинъ, то дидон, при содѣйствіи еффенди, сочиняютъ привѣтственную рѣчъ на арабскомъ языке и записываютъ ее на бумагѣ или на каменной плиткѣ; затѣмъ передаютъ мальчуганамъ, и тѣ преподносятъ бумагу или каменную плитку пріѣзжимъ, въ ожиданіи отъ нихъ подарковъ. Хотя, по распоряженію начальника округа, старшины и запрещаютъ дѣлать подобныя привѣтствія, какъ стѣснительныя для пріѣзжихъ, но, тѣмъ не менѣе, мальчишки,—конечно, съ вѣдома взрослыхъ,—при всякомъ удобномъ случаѣ изъ-за угла суютъ въ руки бумажки или каменные плитки съ привѣтственной рѣчью.

Въ другое время ребятишки убѣгаютъ, прячутся отъ постороннихъ, а при неожиданной встрѣчѣ, окрысившись подобно котятамъ, плюютъ на проходящихъ и жестами выражаютъ иѣчто въ родѣ презрѣнія.

Въ дидойскомъ лексиконѣ нѣть бранныхъ словъ. Диоди не любятъ иллюстрированныхъ шутокъ, пецензурныхъ намековъ и вообще порнографическихъ выражений. Они отличаются необыкновенной скромностью и въ этомъ отношеніи превосходятъ даже высоко культурные народы. Среди дидоевъ поддерживается необыкновенная чистота нравовъ. Нарушение супружеской вѣрности—небывалое у нихъ явленіе. Точно такъ же здѣсь не было случая рожденія внѣбрачныхъ дѣтей.

Изъ преступлений преобладаютъ смертоубийство, пораненія, побои и увѣчья, а также оскорблѣніе женщинъ, увозъ и прелюбодѣяніе; изъ проступковъ—кражи, мошенничества и обманы. Всѣхъ осужденныхъ на 1.000 душъ населенія приходилось въ 1902 г. по Андійскому округу 1,1 чел.¹ Если принять во вниманіе, что смертоубийства совершаются больше всего въ силу обычая кровавой мести, что увозъ женщинъ по народному обычая не считается преступлениемъ и что къ числу кражъ относятся и такія нарушенія частной собственности, какъ самовольная иорубка лѣса и т. п., то дѣйствительныхъ преступлений оказывается очень мало. Впрочемъ, въ послѣднее десятилѣтіе, подъ влияниемъ голодовокъ, здѣсь участились грабежи и разбои.

Хотя диоди знакомы съ приготовленіемъ содержащаго алкоголь напитка, называемаго бузой, но онъ такъ мало употребляется и такъ рѣдко можно его встрѣтить, что дидоевъ безусловно слѣдуетъ зачислить въ разрядъ трезвениковъ. Изъ одурманивающихъ средствъ здѣсь примѣняется только куреніе табака, да и то среди дидоевъ большое число некурящихъ. Такая похвальная черта характера не можетъ быть поставлена диодиамъ въ особую заслугу. Они не пьютъ спиртныхъ напитковъ и мало курятъ лишь потому, что нѣть крѣпкихъ напитковъ и негдѣ добывать табакъ. Когда тѣ же трезвеники-диоди приѣхали со мной въ Кахетію, то тотчасъ же попали въ духанъ и, какъ непривычные, напились допьяна.

Атальчество у дидоевъ играетъ большую роль. До послѣдняго времени диоди отдаютъ своихъ сыновей на воспитаніе родственникамъ или кунакамъ въ сосѣднее селеніе. Обыкновенно отдаютъ мальчиковъ лѣтъ 4—5-ти. Передъ отправленіемъ на воспитаніе, мальчикамъ на лѣвой руцѣ въ локтевой части дѣлаются надписи по-арабски: имя и годъ рожденія по магометанскому лѣтосчислѣнію. Надписи дѣлаются уколами иглы, затѣмъ въ ранки втираютъ порохъ и красящія вещества. Надпись сохраняется на всю жизнь.

¹ Пользуюсь статистическими данными, приведенными въ Памятной Книжкѣ Дагестанской области, изданной въ 1905 г.

На воспитаніі юноши остаются до возмужалости, т.-е. приблизительно до 17-тилѣтняго возраста. Здѣсь они носѣщаются особыя школы при мечетяхъ и изучаютъ арабскій языкъ, коранъ и ариѳметику.

За все время пребыванія на воспитаніі, юноши никогда не носѣщаются родного селенія и не бываютъ въ родительскомъ домѣ. Отецъ изрѣдка или при случаѣ навѣщаєтъ своихъ сыновей, причемъ даетъ имъ подарки. Я имѣль случай присутствовать, когда отецъ навѣщалъ своего сына, отданаго въ аталачество изъ дидойскаго селенія Кидеро въ с. Бежиту къ народности хуаниалъ или капучиници.

Когда юноша окончить ученіе, его отправляютъ къ отцу. Возвращеніе сына домой обставляется особенной торжественностью. Юношу сопровождаютъ принявший его отецъ и цѣлая толпа мужчинъ-родственниковъ и пріятелей. Сзади слѣдуетъ цѣлый караванъ скота и другихъ подарковъ, сдѣланныхъ юношѣ. Въ родномъ домѣ юношу торжественно встрѣчаетъ отецъ или заступающей его мѣсто, если отецъ умеръ, и устраиваетъ пиръ. Тутъ юношѣ дѣлаютъ подарки. Дарятъ лошадей, коровъ, стада овецъ, оружіе, сѣдла и т. и. Устраиваются ристалища, джигитовка, танцы, причемъ много стрѣляютъ изъ пистолетовъ и ружей. При стрѣльбѣ никогда не обходится безъ несчастныхъ случаевъ: кого ранить, а кого и на смерть убить.

Получивши подарки, юноша женится и обзаводится своимъ домомъ.

Въ дидойскомъ быту слѣдуетъ отмѣтить одинъ обычай, удержавшийся до нашихъ дней. Это—кровомищеніе. Кровавая месть возникаетъ здѣсь иногда по крайне ничтожнымъ причинамъ или, вѣрище, поводамъ, которые, казалось бы, не заслуживаютъ такой развязки. Въ случаѣ возникновенія по тѣмъ или инымъ причинамъ кровавой распри, во взаимномъ истребленіи принимаютъ участіе всѣ родственники, весь родъ одной и другой стороны. Месть продолжается иногда многие годы; отъ нея погибаютъ не только семьи, но иерѣдко цѣлыхъ селенія. Насколько у дидоеvъ укоренился обычай кровавой мести, свидѣтельствуетъ нижеслѣдующій фактъ, на который обратилъ мое вниманіе въ с. Кидеро дидойскій наибъ Магома Джабуловъ-Оглы. Наибъ Магома указалъ мнѣ на разрушенную часть селенія и пояснилъ, что тамъ жилъ одинъ родъ, который весь погибъ отъ кровавой мести. Еще недавно изъ этого рода оставался единственный его представитель—старикъ лѣтъ шестидесяти. Онъ постоянно сидѣлъ въ саклѣ, никуда не выходилъ и никого не выпускалъ къ себѣ, кромѣ малолѣтнихъ дѣтей. Но мстители, не имѣя возможности убить этого старика въ сакли, подослали семилѣтнюю дѣвочку. Она свободно ходила къ старику въ саклю. Однажды, когда старикъ уснулъ, дѣвочка-ребенокъ воинила ему въ шею книжалъ настолько сильно, что старикъ тогда же

умеръ. Когда распри разгораются между большими родами, то они принимаютъ видъ настоящихъ войнъ, отъ которыхъ сильно уменьшается численность населенія.

Второй бичъ дагестанскихъ горцевъ, истребляющій много людей,— это эпидемическая болѣзни. Отсутствіе медицинской помощи, грязь, нечистота, голодовки или неправильное питаніе, самая отвратительная гигієническая условія жилища и одежды—все это благопріятные факторы для распространенія здѣсь эпидемическихъ болѣзней, которые среди горцевъ принимаютъ грандіозные размѣры. Мы указали развалины дидойского селенія Гутатль, жители которого все погибли отъ черной осы. Изъ этого селенія только два человѣка убѣжали во время эпидеміи въ горы къ пастухамъ и тамъ спаслись отъ смерти. По возвращеніи они не осмѣлились заглянуть въ родное селеніе, такъ какъ тамъ валялись разложившіеся трупы людей, а поселились вблизи, немного выше на склонѣ горы и основали нынѣ существующее селеніе Гутатль. Узнавъ о моемъ желаніи осмотрѣть запустѣвшее селеніе, дидои обнаружили такой страхъ, что, не желая приводить ихъ въ смущеніе, я въ то время вынужденъ былъ отказаться отъ своего намѣренія, а когда я въ свободный часъ направился къ развалинамъ вымершаго аула, то какъ переводчикъ, такъ и проводникъ отказались слѣдовать за мной, предполагая, что тамъ оспа остается до настоящаго времени, хотя со дня эпидеміи прошло уже около 50 лѣтъ.

Кромѣ эпидемическихъ болѣзней, самыми распространенными здѣсь являются глазные и гастроическая заболѣванія. Первые, вѣроятно, зависятъ отъ нечистоты, дыма, ядовитой горной пыли и рѣзкихъ переходовъ отъ тепліи къ сильному свѣту; вторые — отъ плохого и неравномѣрнаго питанія. Дидои, да и вообще дагестанскіе горцы, то голодаютъ, то чрезмѣрно много съѣдаются жирной баранины, безъ хлѣба или какой-либо зелени. Хлѣба нѣть во всемъ Андійскомъ округѣ. У дидоевъ чуреки — иѣчто въ родѣ онѣсноковъ — хранятся у зажиточныхъ домохозяевъ только для приема почетныхъ гостей или для самыхъ торжественныхъ случаевъ. Если къ этому прибавить, что во всей странѣ Цунталъ нѣть ни огородовъ, ни садовъ, то будетъ понятно, что пища дидоевъ слишкомъ однообразна.

Несмотря на бѣдность и отсутствіе пищевыхъ продуктовъ, дидои отличаются гостепріимствомъ и готовы подѣлиться послѣднимъ кускомъ баранины или сыра. Можно смѣло утверждать, что только священный обычай гостепріимства даетъ возможность проникнуть въ эту почти недоступную страну. Гостепріимство и вообще оказаніе всевозможныхъ услугъ гостю являются старииннымъ обычаемъ и нравственнымъ долгомъ каждаго горца. Въ цѣляхъ напоминанія объ обязанностяхъ гостепріимства, снаружи сакли въ стѣны вставляются прямоугольныя каменные плиты, на которыхъ высѣчены на арабскомъ языке надписи примѣрио нижеслѣдующаго содержанія.

Не изъ гордости или тщеславія, не ради почестей или удобствъ своей жизни построенъ настоящій домъ, но ради того, чтобы въ немъ принимать высокихъ и дорогихъ гостей и дать имъ удобный отдыхъ послѣ труднаго пути.

Каждый гость, входящій въ этотъ домъ, найдеть почетный пріемъ, полную безопасность, удобство и пріютъ.

Построенъ этотъ домъ по завѣту предковъ, чтобы принимать высокихъ гостей.

Строитель дома, не ты хозяинъ и владыка настоящаго жилища, а твои высокіе гости.

Господинъ дома, храни твоихъ гостей и служи имъ три дня, пока они не станутъ хозяевами настоящаго дома.

Одинъ Богъ, а Магометъ—пророкъ его. Да хранять настоящій домъ.

Пусть гости не проѣзжаютъ мимо этого дома.

Гостепріимство—очень важный обычай у дидоевъ. У нихъ гость является неприкосновенной личностью. Въ защиту гостя дидой охотно положить свою жизнь. Бывали примѣры, когда хозяинъ, защищая гостя—русскаго—отъ нападавшихъ союзенниковъ, или первый погибалъ или останавливалъ ихъ, страшная местью родственниковъ за свою жизнь. Поэтому, при путешествіи по Дагестану, лучше всего довѣриться хозяину-горцу, какъ въ домъ, такъ и въ пути. Гостемъ считается всякий подорожный человѣкъ, который войдетъ въ домъ. Гость, пробывшій у одного хозяина три дня, уже перестаетъ считаться гостемъ, а становится, смотря по лѣтамъ или знатности, хозяиномъ дома или членомъ семьи. Въ первые три дня хозяинъ и вообще вся его семья оказывають гостю всевозможныя услуги, гостепріимство и стоять въ его присутствіи. Гости не оставляютъ въ одиночествѣ ни на одну минуту, развлекаютъ его разговорами, музыкой, пѣніемъ и т. п. Хозяинъ только тогда оставляетъ гостя, когда тотъ ляжетъ спать. Послѣ трехъ дній гость предоставляетъ самому себѣ, и на него не обращаютъ вниманія,—конечно, если этотъ гость не принадлежить къ числу начальствующихъ или иныхъ знатныхъ лицъ.

Дидои при встрѣчѣ привѣтствуютъ другъ друга энергичнымъ взмахомъ правой руки сверху внизъ или произнесеніемъ слова варчамі, что означаетъ здравствуй. При прощаніи говорять: йгичи. Пожатіе руки—тоже очень распространенный обычай. Въ знакъ особынной почести стараются пожать руку.

Гости-мужчины съ женщинами не здороваются посредствомъ пожатія руки, а только говорять: варчамі. Женщины совсѣмъ не привѣтствуютъ встрѣчныхъ мужчинъ. При встрѣчѣ онѣ сходять съ дороги въ сторону и оборачиваются къ проходящему спиною. Стоять лицомъ къ проходящему считается крайне неприличнымъ. Такой обычай распространенъ среди горцевъ по всему Дагестану.

Какъ было замѣчено выше, женщины исполняютъ почти всѣ работы въ домашней и хозяйственной жизни: по части изготошенія пищи, одежды, обуви и т. п. Опѣ очищаютъ землю отъ камней, кустарниковъ, корчей и т. п. Носятъ на себѣ въ корзинахъ землю на скалы и такимъ путемъ устраиваютъ пашню. Женщины мотыкой разрыхляютъ почву, удобряютъ навозомъ, сѣютъ, полютъ и собираютъ хлѣба. Словомъ, женщины исполняютъ всѣ работы. Мужчины только пасутъ стада, строятъ сакли, устраиваютъ тропинки, мосты и канавки для орошенія полей. Все остальное свободное время,—а у горцевъ постоянно свободное время,—сидятъ по цѣлымъ днямъ подогнувши ноги, да ведутъ безконечные разговоры. Изъ всѣхъ народовъ, съ какими мнѣ пришлось познакомиться, только еще евреи любятъ говорить такъ много, какъ дидои. Самое пустяшное дѣло или обстоятельство вызываетъ безконечные разговоры, споры и разсужденія. Зато дидоїскія женщины больше молчатъ да занимаются дѣломъ.

Тяжела жизнь и незавидна доля дидоїской женщины. Дѣвушки выходятъ замужъ очень рано—въ 12—14 лѣтъ. Это еще совсѣмъ дѣвочки-подростки. Обыкновенно женихъ платить отцу невѣсты банишколъ ака и кунаказъ, т.-е. калымъ или выкупъ деньгами, скотомъ и одеждой приблизительно на сумму 100 руб. Поэтому, отцу желательно скорѣе получить банишколъ, и онъ готовъ выдать дочь замужъ даже 10 лѣтъ. Очень молоденькихъ дѣвочекъ берутъ замужъ только въ качествѣ второй или третьей жены. Болѣе зажиточные дидои имѣютъ даже по 5 женъ; у одного было даже 7 женъ. Замѣчательно, что старшей женой считается не молодая или болѣе красавая, а пожилая и хорошая хозяйка. Старшими женами больше всего становятся уже бывшія за мужемъ вдовы или даже женщины, прогнанныя мужьями. Говорю „прогнанныя“ потому, что разводъ у дидоевъ совершается довольно легко: мужъ просто прогоняетъ жену безъ всякихъ формальностей. Конечно, въ такомъ случаѣ пропадаетъ уплаченній тестю выкупъ. Дѣти остаются при отцѣ. Женщина самовольно не можетъ оставить мужа, пока сама или кто-либо изъ родственниковъ не возвратятъ мужу той суммы денегъ или скота, которая уплачена въ видѣ выкупа при выходѣ замужъ. Часто случается, что кто-либо пожелаетъ взять къ себѣ чужую жену. Въ такомъ случаѣ онъ уплачиваетъ ея мужу затраченный выкупъ. Впрочемъ, на такой почвѣ нерѣдко происходятъ убийства, а затѣмъ кровавая месть со стороны родственниковъ какъ одной, такъ и другой стороны.

При выходѣ замужъ женщинамъ даютъ приданое, состоящее изъ одежды и украшений. На украшения, которыя бываютъ довольно цѣнны, составляется муллой опись; она хранится у женщины или муллы. Въ случаѣ смерти бездѣтной или неимѣющей дочерей женщины, ея украшения возвращаются матери, сестрамъ или инымъ родственницамъ. Мужъ не можетъ распоряжаться украшениями жены.

Жены подчиняются мужу безпрекословно и слушаются одной изъ своей среды, назначенной хозяйкой. Замѣчательно, что жены живутъ между собою мирно и очень рѣдко ссорятся, можетъ-быть, отчасти потому, что никогда, такъ какъ заняты дѣломъ, или и потому, что ихъ не балуетъ мужъ, котораго онъ очень рѣдко видѣть дома. По словамъ мѣстныхъ жителей, дидойскіе мужья очень нѣжно относятся къ своимъ женамъ, совѣтуются съ ними и дорожать ихъ мнѣніемъ. Одинъ мой переводчикъ, получивъ извѣстіе, что его жена заболѣла, тотчасъ же ночью поѣхалъ домой черезъ горы по крайне опаснымъ тропинкамъ, по которымъ съ большимъ трудомъ можно пробраться и днемъ. За все время моего пребыванія въ Цунта я не замѣтилъ ни ссоръ, ни браніи, ни вообще грубаго обращенія какъ мужчинъ по отношенію къ женщинамъ, такъ и женщинъ между собою.

Собакъ въ селеніяхъ почти совсѣмъ не видно. Ихъ держать исключительно для стадъ и отчасти для охоты. Собаки постоянно остаются при стадахъ, которыхъ загоняются далеко въ горы и остаются тамъ все время, переходя съ сѣверныхъ склоновъ на южные и наоборотъ. Старыхъ и негодныхъ собакъ убиваютъ, сбрасывая ихъ съ высокихъ обрывовъ въ быструю горную рѣку. Шкуръ не сдираютъ. На собакъ надѣваютъ особый ошейникъ изъ кожи, въ которую вбиты длинные острые гвозди. Такіе ошейники защищаютъ собаку отъ нападенія волковъ и другихъ собакъ.

Кошекъ много; онъ пользуются любовью и ласками. Но самымъ любимымъ животнымъ у дидоевъ является лошадь. Лошадь мѣстной породы—небольшая, тощая, но необыкновенно вынослива и проходитъ по такимъ крутизnamъ, по какимъ человѣку приходится прибѣгать къ помощи веревки или палки съ желѣзнымъ наконечникомъ. Горная лошадь—это драгоценное животное, безъ котораго невозможно было бы не только жить въ горахъ, но даже добраться до этой страны.

Дидо въ болыпинствѣ выше средняго роста, худощавы; полныхъ совсѣмъ нѣть. Кисти рукъ и ступни ногъ пропорціональны росту—небольшія. Большинство—брюнеты, хотя попадаются и шатены. Глаза—темные, а у нѣкоторыхъ сѣрые; губы—средней толщины; зубы—прямые; надглазные дуги сильно развиты; носы—прямые, изрѣдка попадаются съ горбинкой; уши—чрезмѣрно большія и сильно торчатъ впередъ. Развитіе ушной раковины—самая характерная черта дидоевъ, которую они отличаются отъ другихъ сосѣднихъ народностей. Замѣчательно, что сильное развитіе ушной раковины замѣтно даже у дѣтей. У юношей ухо уже сильно развито. Насколько мнѣ удалось замѣтить, у женщинъ ушная раковина тоже сильно развиты. Женщины ростомъ ниже мужчинъ и отличаются сильно развитыми грудями, но зато крайне узкимъ тазомъ. Почти все женщины немного сутуловаты и имѣютъ крайне неуклюжую фигуру.

При обѣѣздѣ дидойскихъ селеній, мнѣ пришлось почасть въ Гинухъ. Въѣзжая въ это селеніе, я обратилъ вниманіе на пѣкоторыя особенности построекъ и на женскую одежду, совершенно отличную отъ дидойской. По официальнымъ дапнымъ, въ Гинухѣ проживаютъ дидои. Но сопровождавшіе меня мѣстные дидойскій нацбъ Магома, переводчикъ и проводникъ заявили, что въ Гинухѣ и Митрадѣ живеть особый народъ, который говорить на своемъ, непонятномъ для другихъ языкахъ и называетъ себя гинухцами. Я остановился въ Гинухѣ, отыскалъ переводчика и узналъ отъ мѣстныхъ жителей, что дѣйствительно у нихъ свой особенный языкъ, на которомъ никто не говорить на Кавказѣ, кромѣ жителей селенія Митрады¹. Митрада расположена въ разстояніи около 60 в. отъ Гинуха на сѣверозападѣ отъ дидоевъ, тогда какъ Гинухъ лежитъ отъ нихъ на востокѣ, въ ущельѣ Мнчитлскаго хребта. Коренные ли жители гинухцы, — я буду такъ называть этотъ народъ, — или же переселились сюда откуда-нибудь, о томъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній, никто этого не помнить и не знаетъ.

Нѣтъ также никакихъ иреданій. По разсказамъ стариковъ, гинухцы подчинялись Шамилю, и мы показывали то жилище, въ которомъ останавливался и живалъ Шамиль во время своихъ наѣздовъ въ Цунталъ.

Изъ сказанного уже можно составить представлениѣ объ экономическомъ состояніи обитателей дикой страны Цунталъ. Мнѣ остается только резюмировать изложенное выше и кое-что прибавить.

Земледѣліе — въ самомъ плачевномъ состояніи. Садоводства и огородничества нѣтъ. Звѣроловство мало приносить дохода. О рыболовствѣ не стоить и говорить. Лѣсной промыселъ отсутствуетъ. Зарубокъ нѣтъ. О кустарномъ промыслѣ обитатели не имѣютъ и

¹ Привожу для сравненія нѣсколько словъ того и другого языка.

По-гинухски:

женщина — акилл.
отецъ — обу.
солнце — бок.
земля — мочѣ.
вода — тле (се).
рѣка — иху.
голова — киму.
глаза — ижэйбэ.
носъ — малю.
ухо — ахха.
борода — баб.
волосы — чутъ.
нога — концу.
рука — мецубэ.
шея — моц.
палецъ — тлютлбэ.

По-дидойски:

анаби.
бабію.
бух.
чедо.
хи.
керу.
ким.
озировій.
мали.
ахяйв.
мешолга.
кодье.
хото.
ретля.
меч.
бапиби.

понятія. За отсутствіемъ дорогъ они не занимаются ни извозомъ, ни продажей какихъ-либо продуктовъ. Словомъ, торговли здѣсь почти совсѣмъ нѣтъ. И такъ, единственное средство къ существованію—это разведеніе лошадей и ословъ и крупнаго и мелкаго рогатаго скота. Дѣйствительно, въ прежнее время скотоводство среди горцевъ процвѣтало и давало средства къ существованію. Но когда въ семидесятыхъ годахъ проніаго столѣтія среди дидоевъ вспыхнуло возстаніе и многіе изъ нихъ выселились въ Турцію, тогда, въ видѣ чаказанія, отъ дидоевъ были отняты удобныя для пастбищъ горы. Въ настоящее время онѣ сдаются казной постороннимъ овцеводамъ въ аренду за 6.000 руб. въ годъ. У дидоевъ же скотоводство пало, а вмѣстѣ съ нимъ начались голодовки, уменьшеніе населенія и полное вымираніе. Можетъ-быть, отчасти голодовками объясняется тотъ печальный фактъ что этотъ извѣстный своей необыкновенной храбростью народъ началъ въ послѣдніе годы все болѣе и болѣе заниматься разбоями, чего прежде, по словамъ старожиловъ, никогда не замѣчалось. Мѣстное начальство уже много разъ ходатайствовало о возвратѣ дидоямъ пастбищъ, но ходатайства эти остаются пока безъ удовлетворенія, а между тѣмъ цѣлая народность вымираетъ...

А. Сержпутовскій.

Краткий словарь дидойского языка.

Аллàх—Богъ.	кончуви [комфui, мн. комфubи]—
рух—духъ, душа.	колъно.
шайтанбй—дьяволъ.	рори [роги]—ступня.
Бух—солнце.	гут [хут, мн. хутбi] губы.
буцù [бүдi]—луна, [мъсияцъ].	кицуви—зубы.
чэдö—земля.	мэц [тэдö]—языкъ, <i>ср.</i> 197. 30
хон [hon]—гора.	гугу—плечи, [хиго плечо, мн.
тли [хi]—вода.	хигобi] <i>ср.</i> 24.
цык—лъсъ.	матлуби [толи, мн. толхùби]—
бабиö [babuw, мн. babiubи, вв 10	ногти, мотлу—ноготь.
иныхъ селахъ öbiw]—отецъ.	хаку [хаqи]—ротъ.
әшиö [èniyu, <i>равно</i> yeni>enи] —	мешубля—усы, борода, <i>ср.</i> 180.
матъ.	коды— волосы [mus, мн. mus- 35
әсiü—брать [esiu, мн. esnàbi и	тевbi].
esiubи] сестра [èsiyu, мн. es-	хохви—щека.
nabi].	хоруви—локоть [тэфi, мн.
ужй [чi]—сынъ.	тэфubи].
кид [qid] дочь.	башиби [вашибi]—пальцы,
анаби [gana, мн. ч. ғanàbi]— 15	ваш палецъ.
женщина.	Животные.
дiотль—я.	лудо—лошадь, <i>ср.</i> 173.
мiотлiэ—ты.	сирю [siryo]—кобылица; <i>ср.</i> 40
ким [kim]—голова.	174.
хамориö [hamotoqи]— грудь	барти—жеребецъ.
[qiqi жепская грудь, сосокъ,	кечули—жеребенокъ.
<i>ср.</i> 249, 289, гоqи сердце].	корацни—каторъ (оселъ) [ботл.
меч [met]—шея.	жигтеп мулъ].
ахаявй [мн. ahyabи]—уши,	амой [зöтмоу]—ишакъ (оселъ).
[ähya ухо].	ис [is, мн. iswa<iswabi] — 45
озирови [ozori, мн. ozorabi]—	быкъ.
глаза, <i>ср.</i> 198.	зiа [zia]—корова.
мàли [mali]—носъ; [холмъ].	меши [теши]—теленокъ.
мецуви—предплечие, <i>ср.</i> 31.	бетль [вeц] баранта, вeцги
рэтливи [гета, мн. getibи]— 25	баранъ—баранъ, <i>ср.</i> 150.
кисть руки, <i>ср.</i> 176.	

митльби — овца.	
тэка [θeqa] — козель.	50
чанъя [čanuya, a takже čan] — коза.	
кету [ketu] — кошка.	
вай — собака, <i>ср.</i> 149.	
зэ [ze, zey] — медведь.	
бап — волкъ, <i>см.</i> 143.	55
зыру [ziru] — лисица, <i>ср.</i> 144.	
каяби [čaibí] зайцы, —заяцъ— хая [ča].	

Времена.

гуды [gudi] — день.	
неширу [nešiřu] — [вечеръ,] ночь.	
чуресы — свѣтъ.	60
сасиу [sasiw] темный) — темнота.	
цы [ti] — огонь.	
хухудоры — гроза.	

*Глаголы, обстоятельственные
слова.*

ээзу — посмотрѣть.	
эзу — смотри.	65
риквас — увидалъ.	
техси — услыхалъ.	
рышетль — хорошо.	
жук — плохо [sesru тощій, ху- дой].	
кетада — играть.	70
этло — пѣть.	
кеца — лежать.	
мотло — спать, сонъ.	
рэтла — сѣять.	
бехура — убить.	75
атла — говорить.	
этла — сказать.	
чатла — рубить.	
гегерси — разбить.	
шоруяху — свистѣть.	80

рыса — Ѣсть.	
хатлоа — пить.	
ротлоа — болѣть.	
шетлоа — одѣваться.	
рочваа — сниматъ, раздѣ- ваться.	85

Числительные.

сыс — одинъ.	
кано — два.	
тлоно — три.	
уйно — четыре.	
тлено — пять.	90
итльно — шесть.	
отлино — семь.	
битльно — восемь.	
учино — девять.	
оцыно — десять.	95
сюцы — одиннадцать.	
каёцы — двѣнадцать.	
тлооцы — тринадцать.	
уюцы — четырнадцать.	
куо — двадцать.	100
кунооцыно — тридцать.	
канокуо — сорокъ.	
канокунооцыно — пятьдесятъ.	
тлоноко — шестьдесятъ.	
тлоноконокооцыно — семьдесятъ.	105
уйноку — восемьдесятъ.	
уйнокунооцыно — девяносто.	
бишон — сто.	
бишоносыс — сто одинъ.	
бишонокуо — сто двадцать.	110
азал — тысяча.	
коноазал — двѣ тысячи.	

Деньги.

абасы — двугривенный.	
уруш — рубль.	
шаги — пятачокъ.	115
ётлику — половина.	
ётликууруш — полтина.	

<i>Фразы и наречия.</i>		
баркалла — благодарю.		
варчами — здравствуй.		
игиши — прощай.	120	
ишдрэтин — хочу ъсть.		
тлихатлорэтин — хочу нить.		
дидурьетль межи — какъ ваше		
здоровье?		
дэй ротлхо — я болень.		
ди иги ётл — я здоровъ.	125	
ди еги ётл — я здорована.		
ди иг зоус адэйтоу — я		
здоровъ быль раньше.		
жакотль [jaćtł] — сегодня.		
ниширу [hɔuł] — вчера.		
удэ [gude] — завтра.	130	
хётль [χeb ɬab] — годъ.		
ас [as] — небо.		
буцы см. 5.		
бух. [buq] — солнце.		
ца [ča] — звѣзда [, искра].	135	
гвин [aɸit] — дерево [qaɸa де-		
рево, лѣсъ, redu дрова].		
ара — вѣтка.		
таб — листъ.		
гагали — цвѣтокъ.		
ик — лѣсъ.	140	
тлид [ɬid] — олень.		
зе см. 54.		
боци [boti] — волкъ, ср. 55.		
зиру [zigu] — лиса, ср. 56.		
ха — заяцъ.	145	
сохро [θjro] — лягушка.		
ис см. 45.		
кету см. 52.		
увай [gwan] — собака.		
митики [mitlku?] — баранъ,	150	
ср. 48.		
тека см. 50.		
так [taq] [ножъ], — ножикъ, ср.		
220.		
чэдо — земля.		
уль [gul] — камень.		
керу — рѣка [, iħu rѣka].	155	
авыр — мельница.		
мужи — жерновъ.		
меш — метла.		
витку [vutku] — домъ.		
тламію — сарай.	160	
тлу [tlu] — крыша.		
гельчу — кадка.		
мочи — пашня.		
зызыё — [zizio] послѣ завтра.		
мужмар [tuijmar] — недѣля	165	
(, пятница).		
бих — лугъ.		
ахуо — пастухъ.		
рәкен — стадо.		
ат — тѣсто.		
цы см. 62.	170	
атиль [rajł] — (аулъ,) селеніе.		
гуни — дорога, тропа.		
гулу [gulu] — лошадь, ср. 39.		
сириё — кобылица, ср. 40.		
кили см. 18.	175	
рэтля — рука, ср. 25.		
баша см. 38.		
мотлу см. 32.		
хото [ɸotɔ] — нога, ср. 27.		
мешолга (meholga борода),	180	
— борода, усы, ср. 34.		
энтор — иди.		
горо — сюда.		
итли — уходи.		
итлис — пошелъ.		
ди — я.	185	
ми — ты.		
гобжо — онъ.		
эли — мы.		
межы — вы.		
жеди — они.	190	
жеда — ихъ.		
шудаби — кладбище (букв. мо-		
гили).		
шуд — могила.		

цы шеб—какъ звать?			
наси [nazay > naz > nay]—от-	195	хакомку—мѣшалка.	
куда.		аку [aqu]—лопаточка, <i>ср.</i>	235
эе—знаешь.		287.	
мець—языкъ, <i>ср.</i> 30.		куанотлю—подсѣчникъ.	
озуры—глаза [, глазъ <i>ср.</i> 22].		куоту—кувшинъ.	
эхос—смерть.		хук—ковшъ.	
ротльхо—болѣзнь.	200	гельчу—валекъ.	
циѣ—соль.		гіу—ошейникъ.	240
магалу [magalu]—хлѣбъ.		иэшу (пешн)—серпъ.	
ра [ga]—молоко.		квараги—сито.	
изу—сыръ.		мецы—форма.	
акры—творогъ [, aqri свѣ-	205	кашитру—сѣчка.	
жій, непосоленный сыръ].		хомув—мѣхъ.	245
тутъ [tut]—муха.		этюк—сумка.	
иши—ѣсть.		гугулы—цѣпь.	
кец—спать.		шиту—блюдо.	
хатло—пить.		метхир—соска, <i>ср.</i> 19, 289.	
батло—бить.	210	рытло—корытце.	250
икихды—итти.		жами—горшокъ.	
охи—бѣжать.		эшин—топоръ, <i>ср.</i> 268, 275,	
ѧких—ѣхать верхомъ.		359.	
атли—говорить.		чэро—подойникъ.	
иал—плакать.	215	хотинуку—скребница.	
кеч этло—пѣть.		шоруби—сапоги [, gedo са-	255
кеч—пѣсня.		погъ, мн. gedobi (<i>ср.</i> 325),	
этыр—играть.		даамтау сапогъ, мн. даа-	
таманча [θaфapθa]—пистолетъ.		тауыбі].	
такх—ножъ, <i>ср.</i> 152.	220	зоки—ковшъ.	
ретли—ножны.		каба—котелокъ [, ȸabaṭa чу-	
ико—пороховница.		гунный котель].	
зинотлѣ—маслянка [<i>ср.</i> чам.		гоцымаби—скобы подъ ноги.	
zinaθi масло].		расу—вѣсы.	
базалай—ружье [, ȸuθi, мн. ȸu-		сык—подойникъ.	260
mabi].		рәхнаку—ходунъ:	
коц—ковшъ.	225	чарәму—совокъ.	
этюк—сумка.		меш—мутовка.	
зоуки—сосудъ.		корахи—черпакъ.	
коши [kɔshi]—ложка.		рәшта—вертель.	265
тлабаки—чашка.		мотло [moθu]—вилка [, ȸuθu	
меш—рогатка.	230	вили, мн. ȸuθubи, ȸuθumabi].	
мори—чашка.		куту—кувшинъ.	
отль—веретено.		этинъ—топоръ—кирка, <i>ср.</i> 252,	
анса—трость.		275, 359.	
		муш—сосудъ.	

крич—ножницы.	270	аку—долото.
шимо—рогъ.		машу—воронка.
отль <i>см.</i> 232.		кунд—ложечникъ.
акибэ—стремя.		ирги—крюкъ.
хумуку—замокъ.		тлильдо—ложка.
о [fəw]—топоръ, <i>ср.</i> 252,	275	кор—каланъ.
268, 359.		тэтэну—украшениe, <i>ср.</i> 323.
роч—арканъ.		сабаб—привѣска.
агураби [faʃiʃdəw]—кольцо.		хэта—серъги, <i>ср.</i> 300.
зинотлу—солонка.		рут—единица мѣры длины.
зайданъ—каганецъ.		цинтай [г. tında-i]—чулки.
рыч—корыто.	280	буркули [г. bırkıl-i]—пuto.
хону [ɸotu]—щипцы.		нишэдыро [г. neştar-i]—рѣ- зецъ.
бутни [biʃni]—войлокъ [, бур- ка].		муд—ед. мѣры сыпучихъ тѣлъ.
рыту—одѣяло.		аршиву—ожерелье.
ургу—тюфякъ.		пары—украшениe, <i>ср.</i> 314.
боко—шуба.	285	акуби—аграфъ.
чэро—сосудъ, цѣдилка.		гедови—салоги ж., <i>ср.</i> 255.
коц—лопаточка, <i>ср.</i> 235.		кунта—рубашка ж., <i>ср.</i> 361.
каир—наугольникъ.		херицели [ɸeɾgħeli]—коса (<i>ору- дие</i>) [въ другихъ языкахъ андо- дидойской группы это — серпъ; „бука. ручная коса“, какъ если бы имѣли г. слово qel-is ħel-i: г. qel-i рука, ħel-i коса], <i>ср.</i> 241.
мехир—соска, <i>ср.</i> 19, 249.		махи—косьевище.
шиту—блюдо.	290	бизо—кирка.
кук—папаха.		коц—скребокъ.
кемот [kemot]—ящикъ [, сун- дукъ].		хону—щипчики.
атгоры—брусоkъ.		шокуй—трутъ.
жами, <i>см.</i> 251.		цикотлихосы—огниво.
зоки—кубокъ, <i>ср.</i> 255.	295	боорсо—мопна.
око—вѣшалка.		рэтликой—рукавица.
рыр—рѣшето.		цуха—кисетъ.
куту—жбанъ <i>ср.</i> 237.		зурма—зурна (муз. инстр.).
гому—колье.		кейли—барабанъ.
рокура — [rokura, мн. ḻoku- rabi]—серъги, <i>ср.</i> 316.	300	ико—пороховница.
мечи—ожерелье.		тлакала—шапка.
кир—нагрудникъ.		кальян—трубка.
геро [gero]—пуговица.		бетхай [beħay]—кинжалъ.
ака [aqa]—браслетъ.		
чанта [ħanħa]—сумка.	305	
каз [kazi]—платокъ головной [, mɛtəqħəw платокъ, узе- локъ].		
табасар—сковорода.		

ашуни [ʃaʃnɪ]—поясь [, ра- дуга].		хотинаку—скребница. 360
кигу—корытце.		тлоба—рубаха [, ged, мн. ged- таби], <i>ср.</i> 326.
боку—кожухъ.	345	пигу—штаны (геди штани, шаровары), <i>ср.</i> 372.
анса, <i>с.и.</i> 233.		мачу—гладилка.
белику—волчокъ.		куту, <i>ср.</i> 267.
кочи—съдло.		гэтлу [geθlu]—панталоны. 365
отлмоко—чашка.		такия—шапочка.
гагалок—пешня.	350	китли—шило.
цэльзаку—катушка.		анса—подставка, <i>ср.</i> 233, 246.
бешай — кинжалъ [, маға- сабля], <i>ср.</i> 342.		лабачан—шуба.
отоко—ходули.		коны—плащъ. 370
хухецы—намордникъ.		чуха [θuθd̥w, въ иныхъ селахъ щуоу]—черкеска [<i>ср.</i> 374].
хони—клей.	355	заких—штаны, <i>ср.</i> 362.
юк—уполовникъ.		кед—колыбель.
кокоша—тыква.		[kirtay бешметъ, <i>ср.</i> 371].
кошитру—съчка.		
кондыру—топоръ, <i>ср.</i> 252, 268,		
275.		

Русский указатель къ Краткому словарю дидойскаго языка.

аграфъ 324	бъжать 212	вы 189
арканъ 276	валекъ 239	гладилка 363
аулъ 171	веретено 232=272	глазъ 22, 198
барабанъ 338	вертель 265	говорить 76, 214
баранъ 48, 150	вечеръ 59	годъ 131
бешметъ 374	вилка 266	голова 18, 175
бить 210	вили 266	гора 7
благодарю 118	вода 8	горшокъ 251, 294, 364
блудо 248, 290	войлокъ 282	гроза 62
Богъ 1	волкъ 55=143	грудь 19
болень см. я боленъ	волосы 35	губы 28
болѣзнь 200	волчокъ 346	два 87
болѣть 83	воронка 309	двадцать 100
борода 34, 180, <i>ср.</i> усы	восемь 93	двугривенный 113
браслетъ 304	восемьдесятъ 106	двѣнадцать 97
брать 12, <i>ср.</i> сестра	вчера 129	двѣ тысячи 112
брусокъ 293	вѣсы 259	девяносто 107
бурка 282	вѣтка 137	девять 94.
быкъ 45, 147	вѣшалка 296	день 58

дерево 136
десять 95
долото 308
домъ 159
дорога 172
дочь 14
духъ 2
душа 2
дьяволъ 3
жбанъ 298
женская грудь *см.*
 грудь
женщина 15
жеребенокъ 42
жеребецъ 41
жерновъ 157
завтра 130
замокъ 274
заяцъ 57, 145
звать *см.* какъ звать?
звѣзда 135
здравствуй 119
земля 6, 153
знаешь 196
зурна (*муз. инструм.*)
 337
играть 70, 218
иди 181
итти 211
ихъ 192
ишакъ *см.* оселъ
каганецъ 279
кадка 102
какъ вашездоровье? 123
какъ звать? 194
камень 154
капканъ 313
катель *см.* муль
катушка 351
кинжалъ 342, 352
кирка 268, 329, *см.* то-
 поръ.
кисеть 336
кисть руки 25
кладбище 192
клей 355
кобылица 40, 174
ковшъ 225, 238, 256
коужухъ 345
коза 51
козель 50, 150
колыбель 373
колье 299
кольцо 277
колѣно 26
корова 46
корыто 280
корытце 250, 344
коса (*орудіе*) 327
косьевище 328
котелокъ 257
котель мѣдный 257
кошка 52, 148
крыша 161
крюкъ 311
кубокъ 295
кувшинъ 237, 267
лежать 72
лиса 144
лисица 56
листъ 138
ложечникъ 310
ложка 228
локоть 37
лопаточка 235, 287
лошадь 39, 173
лугъ 166
луна 5, 133
лѣсь 9, 140
лягушка 146
масло (чам.) 223
маслянка 223
мать 11
медвѣдь 54, 142
мельница 156
метла 158
могила 193
молоко 203
мошка 334
муль 43
мутовка 263
муха 206
мы 188
мѣра длины 317
мѣра сыпучихъ тѣлъ
 321
мѣсяцъ 5
мѣхъ 245
мѣшалка 234
нагрудникъ 302
намордникъ 354
наугольникъ 288
небо 132
недѣля 165
нога 179, *см.* скобы подъ.
 ноги, ступня
ноготь 32, 178
ножикъ 152
ножницы 270
ножны 221
ножъ 220
носъ 23
ночь 59
овца митльби 49, *ср.*
 баранъ
огниво 333
огонь 62, 170
одинъ 86
одиннадцать 96
одѣваться 84
одѣяло 283
ожерелье 301, 322
олень 141
они 190
онъ 187
осель 44, *см.* муль
отецъ 10
откуда 195
ошейникъ 240
палецъ 38, 177
панталоны 365
папаха 291
настухъ 167
пашня 163
пешня 350
пистолетъ 219
пить 82, 209, *см.* хочу
 пить
плакать 215
платокъ головной 306
плащъ 370
плечи 31
плохо 69
подойникъ 258, 260
подсвѣтникъ 236
подставка 368, *ср.* палка,
 трость
половина 116
полтина 117
пороховница 222, 339
послѣ завтра 164
посмотрѣть 64
попель 184
поясъ 342
предплечіе 24
привѣска 315

прощай 120	смерть 199	увидаль 66
пуговица 303	смотри 65	узелокъ 306
пuto 319	снимать (раздѣваться)	украшениe 314, 323
пъсня 217	85	уполовникъ 356
пъть 71, 216	собака 53, 149	услыхаль 67
пятачокъ 115	совокъ 262	усы 34
пятница 165	солнце 134	ухо с.м. уши
пять 90	солонка 278	уходи 183
пятьдесятъ 103	соль 201	уши 21
разбить 79	сонъ 73, ср. спать	форма 243
раздѣваться см. снимать	сорокъ 102	хлѣбъ 202
раньше см. я здоровъ	соска 249, 289	ходули 353
былъ раньше	сосокъ 19	ходунъ 261
рогъ 271	сосудъ 227, 269, 286	хорошо 68
рогатка 230	спать 73, 208	хочу пить 122
ротъ 33	стадо 168	хочу ъсть 121
рубаха 361	сто 108	худой (тощій) 69
рубашка женская 326	сто двадцать 110	цвѣтокъ 139
рубить 78	сто одинъ 109	цѣдилка 286
рубль 114	стремя 273	цѣпь 247
ружье 224	ступня 27	чашка 229, 231, 349
рука 176, см. кисть руки	сумка 226, 246, 305	черкеска 371
рукавица 335	сундукъ см. ящикъ	черпакъ 264
рѣзецъ 320	сынъ 13	четыре 89
рѣка 155	сыръ 204, свѣжій, не- посоленный сыръ 205	четырнадцать 99
рѣшето 297	сѣдло 348	чулки 318
сабля 352	сѣчка 244=353	шапка 340
саноги 255, женскіе са- ноги 325	сѣять 74	шапочка 366
сарай 160	сюда 182	шесть 91
свистѣть 80	творогъ 205	шестьдесятъ 104
свѣтѣть 60	теленокъ 47	шея 20
сегодня 128	темнота 61	шило 367
селеніе 171	топоръ 252, 268, 275, 359	штаны 362, 372
семь 92	три 88	шуба 285, 369
семьдесятъ 105	тридцать 101	щека 36
сердце 19	тринадцать 98	щипцы 281
серпъ 241	тропа, см. дорога	щипчики 331
серьги 300, 316	трость 233, 346, ср. палка	ъсть 81, 207
сестра 12, ср. братъ	трубка кальянъ 341	ъхать верхомъ 213
сито 242	трутъ 332	я 16, 185
сказать 77	ты 17, 86	я боленъ 124
скобы подъ ноги 258	тыква 357	я здоровъ 125, я здо- рова 126
сковорода 307	тысяча 111	я здоровъ былъ рань- ше 127
скребница 254, 360	тѣсто 169	языкъ 30, 197
скребокъ 330	тюфякъ 284	ящикъ 292
	убить 75	

Областной или мѣстный музей, какъ типъ кулътурнаго учрежденія¹.

I.

Послѣднія десятилѣтія мирнаго времени принесли съ собой огромное развитіе музеинаго дѣла не только въ Европѣ, но и во всѣхъ областяхъ земного шара, куда распространились европейская цивилизациѣ и современное научное знаніе. Одновременно съ толчкомъ, который привелъ на практикѣ къ созданію новыхъ грандіозныхъ музеевъ, который покрылъ цѣлой сѣтью мелкихъ музеевъ страны, гдѣ европейская культура и наука не явились лишь послѣдней, новѣйшей страницей въ ихъ исторіи,—значительно эволюціонировало и самое понятіе о музѣѣ.

Древній міръ подъ словомъ музей—Museum понималъ храмъ музъ, т. е. особое мѣсто или зданіе, посвященное музамъ-покровительницамъ наукъ и искусствъ. Однако, ни древнія Греція, ни древній Римъ не знали музея въ болѣе позднемъ его смыслѣ и съ новымъ его содержаніемъ—музея-хранилища произведеній искусства, рѣдкостей, древностей и т. п.

Самымъ знаменитымъ музеемъ древности былъ Александрийскій музей²—грандіозное, научное учрежденіе всеобъемлющаго, академическаго характера, съ обширной библіотекой, рядомъ вспомогательныхъ учрежденій, какъ, напр., анатомическій кабинетъ, ботаническій и зоологическій сады и др. Здѣсь тоже—особая постройка—каспелла музъ носила специальное название—Музей.

Значительное число ученыхъ, во время расцвѣта свыше 50 человѣкъ, назначались членами его съ цѣлью разработки специальныхъ областей науки. Это учрежденіе древности также не было, какъ мы видимъ, музеемъ въ современномъ смыслѣ этого слова.

Современные европейскіе музеи—учрежденія сравнительно весьма молодыя. Даже наиболѣе старые изъ нихъ въ своемъ прошломъ не

¹ Докладъ, читанный въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи Р. Г. О-ва 24 марта 1917 г.

² Изъ старыхъ описаний Александрийскаго музея можно указать: G. H. Klipper. Ueber das Alexandrinische Museum. Göttingen, 1838. Изъ новѣйшихъ: Weniger. Das Alexandrinische Museum. Berlin, 1875.

уходять далѣе средины XV в., когда Кузьма Медичи положилъ во Флоренціи начало музею въ новомъ смыслѣ этого слова, собравъ богатую коллекцію художественныхъ произведеній и помѣстивъ ее въ особомъ зданіи (теперь знаменитая галлерея Уффици). Его примѣру послѣдовалъ папа Левъ X, положившій основаніе ватиканскому музею. Древнѣйшее собраніе Германіи—коллекція Августа Саксонскаго относится уже ко второй половинѣ XVI столѣтія. Старѣйшій музей Англіи—Museum Ashmole въ Оксфордѣ основанъ во второй половинѣ XVII в., а ея гордость—знаменитый Британскій Музей¹ основанъ лишь въ 1700 г. Замѣчательнѣйшій изъ европейскихъ музеевъ—Парижскій Лувръ, хранящій художественные и научные драгоцѣнности французской націи, сдѣлался національнымъ музеемъ послѣ революціи въ 1793 г. Еще новѣе музеи Берлина: Старый Музей существуетъ съ 1828 года, Новый—только съ 1855 г.

Уже издавна и древняя Русь хранила старинныя вещи или какъ драгоцѣнность въ царскихъ хранилищахъ, или какъ святыню въ церковныхъ ризницахъ. Богатѣйшою изъ нихъ является патріаршая, нынѣ синодальная ризница въ Москвѣ, гдѣ хранятся священные и домашнія одежды и утварь патріарховъ и митрополитовъ. Петръ Великій въ 1714 г. перевезъ изъ Москвы значительное количество пріобрѣтенныхъ въ Голландіи еще въ 1698 г. коллекцій, причемъ для храненія ихъ вмѣстѣ съ уродами и анатомическими препаратами основана была кунсткамера (куншткамеръ), особенно обогатившаяся послѣ второй поѣздки Петра Великаго по Европѣ. Коллекціи, собранныя Петромъ Великимъ, и теперь еще сохранились и вошли въ составъ собраній, хранящихся въ Музѣи Антропологіи и Этнографіи имени императора Петра Великаго при Россійской Академіи Наукъ. Въ 60-хъ годахъ XVIII в. Екатерина II положила основаніе „Эрмитажу“, для котораго въ 1765 г. было выстроено специальное зданіе. Основаніе было заложено на благопріятной почвѣ и въ счастливый моментъ: сейчасъ коллекціи Эрмитажа—богатѣйшаго хранилища произведеній искусства и научныхъ цѣнностей—пользуются міровою извѣстностью.

Такимъ образомъ, и у насъ въ Россіи основаніе музейному строительству положено уже два столѣтія тому назадъ. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что развитіе и процвѣтаніе музеевъ, главнымъ образомъ, принадлежитъ XIX вѣку и особенно его второй половинѣ и находится въ зависимости отъ общихъ условій и тенденцій времени: широкаго роста и демократизаціи просвѣщенія, блестящаго развитія наукъ и особенно естествознанія, огромнаго накопленія материальныхъ средствъ и роста городовъ и городской жизни.

¹ См. статью Н. Викторова въ „Историческомъ Вѣстнику“ 1895 г., кн. I. То же: G. Perrot. Le Musée Britannique. Revue des deux mondes. 1875—76.

II.

Но не однимъ лишь ростомъ широкаго строительства музеевъ характеризуется истекшій XIX вѣкъ. Музеи, множась и разрастаясь, естественно привлекли къ себѣ значительныя культурныя силы, и энергіей дѣятельныхъ работниковъ на почвѣ музейнаго дѣла выяснены были не только многія практическія задачи, но и самая постановка музейнаго дѣла пріобрѣла новый смыслъ и значеніе, получивъ новыя идеиниа основанія и почву.

Въ прежнее время существовалъ, да и теперь еще не отжилъ въ широкой публикѣ, взглядъ на музей, какъ на мѣсто, гдѣ собраны и хранятся разнаго рода диковины и раритеты, драгоцѣнности и необыкновенныя вещи вообще, которыхъ нигдѣ больше увидѣть нельзя, и предназначенные для удовлетворенія столько же любопытства, сколько и любознательности. Таково было идеиное значеніе и смыслъ устройства разнаго рода кунстъ- или шатцъ-камеръ, кабинетовъ рѣдкостей или древностей. Въ нихъ для массы въяло еще той таинственностью, которой окружены были наука и научныя исканія еще въ средніе вѣка; они были пріоткрытой дверью въ таинственный кабинетъ д-ра „Фауста“, недоступный для непосвященныхъ.

Лишь постепенно и медленно, путемъ длиннаго жизненнаго опыта, создалось то своеобразное, необходимое учрежденіе нашей культурной эволюціи, которое мы называемъ музеемъ въ современномъ смыслѣ этого слова, выросла въ сознаніи музейныхъ работниковъ идея о его роли и назначеніи и сложилось опредѣленное понятіе о музѣ, какъ научномъ учрежденіи.

Все это явилось дѣломъ и заслугой XIX вѣка, главнымъ образомъ, его второй половины. И явленіе это не случайное, а стоить въ тѣсной, генетической связи съ общимъ теченіемъ мысли и успѣхами знанія. То великое пріобрѣтеніе человѣческой мысли, которое сдѣлано было современнымъ дарвинистическимъ естествознаніемъ—трудами Ч. Дарвина, Ч. Ляйэлля въ біологии, геологіи и антропологіи—въ специальной области музейнаго строительства можетъ быть кратко характеризовано въ двухъ словахъ: *раціонализація системы*. Музей по старой *Systema Naturaе* геніального морфолога классификатора Линнея былъ бы все же похожъ на библіотеку безъ рационального каталога, гдѣ книги стояли бы на полкахъ по своему росту, числу страницъ или иному какому-либо виѣшнему признаку. Уже попытка наглядно изобразить въ системѣ современное состояніе научныхъ воззрѣній въ какой-либо отрасли знанія—въ видѣ систематически расположенныхъ объектовъ Музея—имѣла не только значеніе популяризациіи науки, ея пріобрѣтеній, но имѣла свое значеніе для науки, какъ систематического знанія вообще, ибо на объективномъ матеріалѣ приходи-

дилось лишний разъ провѣрить данныея науки, причемъ рельефно выступали всѣ пробѣлы, недочеты знаній и создавался необходимый импульсъ для накопленія новаго матеріала, новой провѣрки и новыхъ исканій. Вмѣстѣ съ тѣмъ музей взялъ па себя важную, существенно необходимую роль хранителя и стража научныхъ цѣнностей. Понятіе о храненіи вещи есть тоже понятіе сложное, состоящее изъ разныхъ элементовъ. Прежде всего каждая вещь, хранящаяся въ музѣе, какъ матеріальный объектъ, подлежитъ разрушенію отъ дѣйствія различныхъ факторовъ въ теченіе длительнаго времени. Уберечь часто весьма нѣжный, быстро гибнущій въ обыкновенныхъ условіяхъ предметъ отъ разрушенія—первая задача музейной техники, часто весьма сложная и нелегкая, доступная лишь специалистамъ, выработавшимъ долгимъ наблюденіемъ и опытомъ многіе специальные методы и пріемы. Но и этого физического сохраненія вещи мало: нужно еще сохранить ея научную, нематеріальную цѣнность—навсегда фиксировать подлинность вещи и ея происхожденіе изъ извѣстнаго источника. Каменное орудіе безъ точнаго обозначенія мѣстонахожденія и точныхъ свѣдѣній объ условіяхъ, въ которыхъ оно найдено—предметъ, не имѣющій никакого научнаго значенія. Музеи и являются учрежденіями, приспособленными для наилучшаго храненія предметовъ, какъ научныхъ документовъ. Но и этимъ задачи музея не являются далеко исчерпанными. Еще недавно практически живо было представление о музѣе, какъ о простомъ хранилищѣ попавшихъ туда вещей, къ которымъ приставлены хранители, какъ отвѣтственные за цѣлость имущества сторожа. Такой музей безъ внутренней жизни естественно былъ лишь мертвымъ учрежденіемъ, простымъ хранилищемъ часто весьма цѣннаго матеріала. Но и эта практика дѣлается уже повсемѣстно достояніемъ прошлаго. Музейные работники новаго времени смотрятъ на музей, какъ на живое учрежденіе, живой организмъ, гдѣ всякий застой—лишь болѣзенійный симптомъ, норма же—исполненіе серіозныхъ задачъ и важныхъ жизненныхъ функций въ формѣ постоянной, непрекращающейся научной и специальной музейной работы. Первой, непрестанной заботой всякаго музея является непрерывное пополненіе его коллекцій. Какую бы область знанія мы ни взяли—будь то естествознаніе, археологія или этнографія—никогда и никакое собраніе не можетъ считаться абсолютно полнымъ и, слѣдовательно, нуждается въ заботливомъ, систематическомъ пополненіи. Но не только пополненіемъ предметами долженъ озабочиться музей: онъ долженъ собирать свѣдѣнія, наблюденія, факты и регистрировать ихъ. Такимъ образомъ, музей является не только хранителемъ, но и собирателемъ, регистраторомъ научнаго матеріала, и, какъ таковому, ему принадлежитъ, несомнѣнно, важная и отвѣтственная роль въ научной работѣ. Являясь, съ другой стороны, популяризаторомъ знаній въ широкой средѣ неспециалистовъ науки, музей учить общество цѣнить и понимать смыслъ

тѣхъ кажущихся обиходными, привычными предметовъ, которымъ мы не склонны придавать какое-нибудь значение,—такъ близкими и знакомыми намъ являются они въ повседневной жизни,—вмѣстѣ съ тѣмъ пробуждаетъ въ широкой средѣ общественное самосознаніе, сознательную любовь къ окружающему, къ своей малой, провинціальной родинѣ, затѣмъ къ своему отечеству и болѣе широкое, наконецъ, міровое чувство человѣчности. Въ этомъ отношеніи и самый музей, широкое развитіе музейного строительства, о которомъ говорилось выше, является по существу продуктомъ этого самосознанія.

„Мы смотримъ на музеи не какъ на роскошь, но какъ на учрежденія высокаго культурнаго значенія, которые должны быть организованы въ каждомъ болѣе или менѣе крупномъ населенномъ центрѣ“¹, пишетъ провинціальный дѣятель В. Лучникъ.

Молодой финляндскій археологъ А. М. Тальгренъ пишетъ о мѣстныхъ музеяхъ: „Нельзя также забывать, что музеи и на мѣстахъ удовлетворяютъ культурной потребности,—что, при правильномъ завѣдываніи ими, они являются своего рода мѣстными академіями. Кромѣ того, музеи даютъ исходъ мѣстнымъ силамъ, желающимъ быть примененными въ области изслѣдованій, даютъ возможность проявиться привязанности къ роднымъ мѣстамъ, почему они и возникаютъ во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ среди населенія начинаетъ проявляться сознательная дѣятельность“².

Резюмируя сказанное, мы приходимъ къ слѣдующему выводу: каждый музей, будь то самый маленький провинціальный музей съ ограниченной скромной сферой дѣятельности, имѣеть тотъ общий призракъ съ болѣшимъ центральнымъ музеемъ, что является важнымъ факторомъ вспомогательной научной дѣятельности, если, конечно, онъ поставленъ правильно, а не представляеть собою только складъ разрозненныхъ, случайныхъ предметовъ и, по отсутствію средствъ и надлежащаго руководства въ своей работѣ, не можетъ проявлять никакой активной дѣятельности.

О другихъ признакахъ музея, какъ специальной научной и технической организаціи, мы скажемъ нѣсколько ниже, когда будуть точнѣе сформулированы специальные задачи и цѣли музеевъ.

III.

Выше мы указали, что всѣ музеи,—какъ большие или центральные музеи съ весьма широкой программой, такъ и маленькие, даже съ огра-

¹ В. Лучникъ. Къ исторіи Ставропольскаго на Кавказѣ Городскаго Музея имени М. В. Прове. Стр. 37.

² А. М. Тальгренъ. Родиновѣдѣніе въ Финляндіи (задачи, исторія и современная его организація). Перев. Л. К. Тимофеева. СПБ. 1913. Гл. III. Мѣстные Музеи, стр. 67—79.

ниченої сферої дѣятельности, работающіе гдѣ-нибудь въ глухи, далекой отъ центровъ окраины,—объединяются на исходныхъ принципахъ своей работы. Это отличіе—въ количествѣ, объемѣ дѣятельности, но не въ ея качествѣ, т. е. въ исходныхъ идейныхъ отправныхъ пунктахъ ея. Количественныя, объемныя различія зависятъ прежде всего отъ материальныx средствъ, и вполнѣ естественно, что центральныe, обыкновенно столичные музеи, всегда лучше материально обезпеченные, могутъ болѣе широко разvить свою дѣятельность, чѣмъ музеи областные, мѣстные, вообще провинціальные. Кромѣ указанного выше сходства въ исходныхъ, принципіальныхъ основахъ дѣятельности и различія въ масштабѣ ея, важно отмѣтить одно существенное обстоятельство, отличающее музей центральный отъ музея областного или мѣстного. Центральные музеи, въ силу историческихъ условій своего возникновенія носятъ нерѣдко смѣшанный характеръ. Наряду съ большими книжными богатствами, они имѣютъ собранія искусства, картинныя галлереи или античныя произведенія искусства, археологическая и естественно-историческая коллекціи. Такой характеръ имѣютъ, напримѣръ, Британскій Музей и Московскій Румянцовскій Музей въ Москвѣ. Въ новѣйшее время, однако, замѣчается стремленіе избѣгать универсального характера во многихъ областяхъ науки одновременно; оставаясь универсальными въ географическомъ смыслѣ, музеи предпочли ити по пути специализаціи, чтобы вполнѣ и точно исполнить свои специальная задачи и цѣли. Примѣромъ можетъ служить Россійская Академія Наукъ, создавшая у себя рядъ музеевъ: Зоологической, Минералогической и Геологической, Музей Антропологии и Этнографіи, Азіатскій Музей и т. д.

Музей областной или мѣстный непремѣнно долженъ носить смѣшанный характеръ, такъ какъ его назначеніе—дать общую и полную характеристику края или области, а также принципіально сознательно отказатьться отъ географической универсальности для лучшаго исполненія своихъ собственныхъ задачъ и цѣлей.

Вопросъ о взаимоотношеніяхъ центральныхъ музеевъ съ мѣстными—вопросъ сложный, требующій весьма большого вниманія и серіознаго обсужденія, и не можетъ быть трактованъ кратко, мимоходомъ. У А. М. Тальгрена мы находимъ свѣдѣніе о томъ, что третьимъ всеобщимъ съѣздомъ по родиновѣдѣнію въ Финляндіи обсуждался вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ мѣстныхъ и центральныхъ музеевъ, причемъ была учреждена комиссія изъ специалистовъ для обсужденія данного вопроса. Изъ самыхъ обстоятельствъ постановки видно, какъ серіозно отнеслись къ этому трудному вопросу наши ближайшіе культурные сосѣди.

IV.

Областной или местный музей и у насъ въ Россіи является учрежденіемъ, имѣющимъ уже свою исторію¹. Кавказскій областной музей въ г. Тифлісѣ 2 января 1917 года могъ бы праздновать свой 50-лѣтній юбилей; къ тому же возрасту приближается извѣстный и за предѣлами нашего отечества Минусинскій Публичный местный Музей (основанъ въ 1877 г.); но оба эти учрежденія обязаны своимъ возникновеніемъ энергіи отдѣльныхъ лицъ и частной инициативѣ, а дальнѣйшимъ развитіемъ и процвѣтаніемъ—правительственной и общественной поддержкѣ. Говоря объ исторіи областного музея въ Россіи вообще, важно, однако, отмѣтить не частные, быть можетъ, и яркіе явленія и примѣры, а болѣе глубокое идеиное теченіе, проложившее широкіе пути общему творчеству на этой почвѣ. Если широкимъ покровительствомъ организаціи центральныхъ музеевъ (кунстъ-камера, Эрмитажъ въ С.-Петербургѣ, Оружейная Палата въ Москвѣ) отмѣчены были выше царствованія Петра I и Екатерины II, то къ царствованію Александра I, одновременно съ общимъ ростомъ самосознанія, относится и ростъ сознанія важности храненія памятниковъ древности на мѣстахъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, напр., изданное въ 1822 г. положеніе „о сохраненіи памятниковъ древности въ Крыму“². Одновременно съ нарастаніемъ въ образованной средѣ интереса къ древностямъ (гр. Румянцовъ, А. Мухановъ, А. С. Грибоѣдовъ) обнаруживается стремленіе къ изученію памятниковъ древности и местной старины. Къ этой же эпохѣ относятся проекты учрежденія русскаго національного музея (Аделунгъ, Вихманъ).

Царствование Николая I отмѣчено рядомъ законодательныхъ актовъ, касающихся сохраненія памятниковъ старины: достаточно сказать, что часть и попынѣ дѣйствующихъ узаконеній о починкахъ древнихъ зданій возникла еще въ царствованіе Николая I. Издаются правила для Керченскаго Музея; учреждаются общества: исторіи и древностей въ Одессѣ, археологическо-цумизматическое въ Петербургѣ; наконецъ, изслѣдованія о древностяхъ южной Россіи и береговъ Чёрнаго моря гр. Уварова (1852 г.) повели къ систематическому плану ихъ изслѣдованія и образованію Археологической Комиссіи (1859 г.). Къ тому же времени относится обширная записка митрополита Филарета (Московскаго) „о средствахъ сохранности церковныхъ древностей и рукописей“ (1853 г.), обратившая вниманіе на сбереженіе церков-

¹ В. С. Иконниковъ. Опытъ русской исторіографіи. Т. I. Кн. 2. Кіевъ. 1892. VIII. Музей, какъ хранилища памятниковъ вещественной древности и искусства. Музей правительственные, общественные, церковные и частные въ Россіи. Стр. 1350—1423.

² II. С. Зак. XXXVIII, № 29105.

ныхъ древностей, которая иерѣдко подвергались самыи невѣжественныи иередѣлкамъ, разрушению и часто полному уничтоженію.

Шестидесятые годы, одновременно съ крупными общественными реформами Александра II, давшими новую, широкую почву для русской общественной дѣятельности, были началомъ новаго теченія въ исторіи провинціальныхъ музеевъ, ибо починъ въ этомъ дѣлѣ, исходившій въ царствованіе Николая I отъ центральной власти и администраціи, переходитъ въ руки общества. Все настойчивѣе раздаются теперь голоса, требующіе приведенія въ извѣстность всѣхъ сохранившихся въ Россіи древностей, объ устройствѣ музеевъ этнографическихъ (К. Э. фонъ-Бэръ), мѣстныхъ и специальныхъ, напр., церковныхъ¹, и требованія эти, дѣйствительно, находятъ удовлетвореніе въ возникновеніи цѣлаго ряда подобныхъ музеевъ и собраній, создающихся при ученыхъ учрежденіяхъ и обществахъ, а также отдельно. Появляется и обширная литература, основанная на богатыхъ коллекціяхъ нашихъ музеевъ². Въ возникновеніи большого количества мѣстныхъ музеевъ видная роль въ послѣднее пятидесятилѣтіе принадлежитъ несомнѣнно городамъ и земству. Лишь при материальной поддержкѣ городовъ и земства частная инициатива въ дѣлѣ музейнаго коллекціонированія нашла себѣ достойный исходъ. Думается, что въ наше время невозможно уже повтореніе исторіи Новгородскаго Исторического Музея, когда изъ-за отсутствія средствъ онъ на многие годы долженъ былъ перестать существовать, что связано было съ утратой имъ значительной части собранныхъ коллекцій. Нѣкоторые изъ музеевъ обязаны своимъ возникновеніемъ дѣятельности губернскихъ статистическихъ комитетовъ, учрежденныхъ въ провинціи архивныхъ комиссій; многие, конечно, возникли тоже благодаря частной инициативѣ. Было бы невозможно перечислить здѣсь всѣ возникшія тѣмъ или инымъ путемъ музейныя организаціи. Для примѣра укажемъ на развившіяся за послѣднія 15 лѣтъ по богатству своихъ собраній въ большой областной музей—Кievskій Научный и Художественно-Промышленный Музей, получившій для развитія своей дѣятельности правительственную материальную поддержку.

Въ г. Полтавѣ на средства земства содержится большой мѣстный Музей, принявший въ себя большине частное собрание г-жи Скаржинской въ Лубнахъ. Число музеевъ ежегодно растетъ, и рѣдкій день повременныя изданія не заключаютъ въ себѣ свѣдѣній изъ жизни того или другого провинціального музея. За губернскими городами слѣдуютъ города уѣздныя, и иерѣдко энергіи мѣстныхъ дѣятелей съ помощью земства удается создать музей въ городкѣ съ пѣсколькими

¹ Н. Д. Мансветовъ. Объ устройствѣ церковно-археологическихъ музеевъ. Православное Обозрѣніе 1872, № 2.

² См. В. С. Иконниковъ, оп. сі., стр. 1370—1374.

тысячами жителей, стоящемъ вдали не только отъ культурныхъ центровъ, но даже отъ желѣзной дороги.

Есть ли, однако, въ этой несомнѣнно рвущейся къ творчеству дѣятельности въ области музейного строительства какой-нибудь выдержанній планъ, ясно поставленныя цѣли, съ обезпечеными для ихъ исполненія средствами? Въ мои задачи не входитъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, но на реальныхъ примѣрахъ мы ясно видимъ, что мы были бы далеки отъ истины, отвѣтивши положительно на поставленный вопросъ. Если бы, для примѣра, мы взяли положеніе музейного дѣла въ Черниговѣ, гдѣ имѣются три музея: церковное древлехранилище, Исторический Музей Черниговской Архивной Комиссіи и Музей Украинскихъ Древностей В. В. Тарновского Черниговского Губернскаго Земства, изъ которыхъ ни одинъ не обезпечень, какъ слѣдуетъ, подходящимъ помѣщеніемъ, ученымъ персоналомъ и материальными средствами для активной дѣятельности, то намъ кажется законнымъ выводъ, что такое положеніе не можетъ быть никоимъ образомъ признано нормальнымъ. Не подлежитъ далѣе сомнѣнію, что многіе музеи нашей провинціи находятся въ очень тяжкихъ условіяхъ, и выходъ изъ этихъ условій долженъ быть найденъ, ибо это серіозный вопросъ нашей текущей культурной жизни. Когда въ концѣ 1913 г. въ Москвѣ, по инициативѣ директора Московскаго Исторического Музея князя Н. С. Щербатова, созванъ былъ предварительный съездъ дѣятелей музейного дѣла для выработки программы и постановки вопросовъ музейного дѣла въ Россіи для предположеннаго и несостоявшагося, въ виду военного времени, съезда музейныхъ дѣятелей, то уже многолюдность этого предварительного съезда, гдѣ сошлись и представители центральныхъ музеевъ Россіи и дѣятели самыхъ отдаленныхъ ея окраинъ, и живой обмѣнъ мнѣній по поводу самыхъ неотложныхъ нуждъ музейной жизни показали всѣмъ участникамъ его своевременность постановки и разрѣшенія ряда самыхъ важныхъ задачъ.

Для правильнаго рѣшенія практическихъ задачъ и цѣлей существенно необходимо начать съ постановки основныхъ вопросовъ. Такимъ основнымъ вопросомъ, отъ рѣшенія котораго зависитъ весьма многое въ сферѣ практической дѣятельности, является вопросъ о задачахъ областного музея¹. Посильному отвѣту на этотъ вопросъ посвящено будетъ дальнѣйшее изложеніе.

¹ Здѣсь я долженъ сдѣлать важную оговорку: я вездѣ имѣлъ и имѣю въ виду лишь музей научнаго характера, не касаясь вовсе разнаго рода специальныхъ музеевъ: техническихъ, сельско-хозяйственныхъ, педагогическихъ и т. п., а также вовсе оставляю въ сторонѣ специальная коллекціи по искусству, какъ, напр., картинныя галлерей.

V.

Выше мы уже упоминали о двухъ основныхъ принципахъ, на которыхъ долженъ конструироваться областной музей. Такой музей долженъ носить смѣшанный характеръ, во-первыхъ, и не долженъ стремиться къ универсальности, во-вторыхъ.

Эти два тезиса должны быть прочио установлены какъ въ сознаніи тѣхъ, кто дасть средства музею, такъ и въ сознаніи его работниковъ. Вѣдь, кромѣ крупныхъ центровъ, богатыхъ городовъ, могущихъ себѣ позволить роскошь создать не одинъ, а нѣсколько специальныхъ музеевъ, большинству нашихъ провинціальныхъ, губернскихъ городовъ едва лишь по средствамъ, объединивъ всѣ мѣстныя силы, создать одинъ только музей, если онъ будетъ удовлетворять тому назначенію, о которомъ говорилось уже выше. Понятно, что музей и долженъ удовлетворить ряду поставленныхъ задачъ, а не специализироваться на одной: онъ долженъ дать намъ наглядную картину природы края, т. е. представить: 1) Географію: поверхность, почвы, геологію, естественныя богатства, животный и растительный міръ—словомъ, дать полный естественно-историческій музей края. 2) Исторію—т. е. коллекціи археологическія, историко-бытовыя и документальныя. 3) Населеніе края—его антропологическій составъ и бытъ (этнографія). 4) Отдѣль статистики.

Можетъ ли областной музей стремиться къ достижению универсальности въ какой бы то ни было области? На этотъ вопросъ стѣдуетъ отвѣтить категорически отрицательно.

Всякому должно быть ясно, что—возьмемъ ли мы зоологію или ботанику, археологію или этнографію—достигнуть универсальной полноты коллекцій въ любой изъ этихъ областей провинціальному музею не подъ силу, уже хотя бы по соображеніямъ чисто материальнаго характера, а потому и всякия стремленія въ данномъ направлениі должны быть признаны нерациональными, вредными для прямыхъ цѣлей и задачъ музея. И пусть не думаютъ, что въ этомъ ограниченіи заключена тенденція умалить достоинство областного музея, что онъ устраняется отъ какихъ-то правъ, принадлежащихъ центральнымъ музеямъ, которые желаютъ эти права монополизировать. Такія мысли въ основѣ своей были бы весьма ошибочны. Здѣсь дѣло идетъ не о правахъ и монополіи, а о разумномъ раздѣлѣніи труда для общей пользы. И передъ областнымъ музеемъ стоитъ особая, для центральнаго музея недостижимая задача: дать съ исчерпывающей полнотой картину развитія своей области и ея особенностей. Представимъ себѣ музей, посвященный этнографіи Россіи, гдѣ должны быть представлены народы Европейской Россіи, Сибири, Кавказа, Средней Азіи. Сколько мѣста въ такомъ центральномъ музѣ можетъ быть отведено Пол-

тавской губ., имѣющей несомнѣнно много отличительныхъ чертъ даже въ сравненіи съсосѣдними малорусскими губерніями? При соблюденіи пропорціональности мѣсто это можетъ быть лишь очень скромнымъ, и въ немъ найдутъ помѣщеніе лишь типичные для данной губерніи образцы. Иначе дѣло обстоитъ для музея областного: его задача уже и шире вмѣстѣ. Она ограничивается территоріей области, ея населеніемъ, но музей стремится къполнотѣ въ предѣлахъ этой территоріи, стремится собрать всѣ варіаціи костюма, головного убора, домашней утвари и т. д., полностью, для центрального музея недостижимой. Цѣль—общая, высшая идеяная задача—одна и та же, но идти къ ней различными подходами, изъ которыхъ каждый совершенно необходимъ для достижениія цѣли ¹.

Планъ областного музея, примѣрный, могъ бы быть слѣдующій.

Отд. I. Естественно-исторический.

- a) Географія физическая: метеорологія, морфологія поверхности, геологія и палеонтологія, минералогія, почвы.
- b) Ботаника.
- c) Зоология.
- d) Антропологія и доисторическая археологія.

Отд. II. Историко-гуманитарный.

- a) Церковныя древности.
- b) Этнографія, съ отд. исторического быта.
- c) Историческая географія.
- d) Архивные документы и рукописи.
- e) Статистика.

Отд. III. Библіотека—общая для всѣхъ отдѣловъ.

Необходимое вспомогательное учрежденіе—небольшая лабораторія.

VI.

Для осуществленія правильно поставленныхъ и правильно поставленныхъ задачъ и цѣлей, по установленіи плана практической дѣятельности, неизбѣжно обратиться къ средствамъ ихъ исполненія. Конечно,

¹ У А. М. Тальгрена мы находимъ слѣдующія строки: „мѣстнымъ музеямъ слѣдуетъ стремиться, конечно, къ тому, чтобы быть именно мѣстными музеями и не преступать установленныхъ для нихъ границъ. Ихъ задача вовсе не заключается въ томъ, чтобы соперничать съ центральнымъ музеемъ; наоборотъ, они должны ставить общий интересъ выше мѣстного и поэтому уступать въ пользу центрального музея такие предметы, которые въ интересахъ науки должны находиться въ числѣ его коллекцій“.

первый, наиболѣе существенный вопросъ—это средства материальныя. Для нормального функционированія музея, серіозно обслуживающаго научныя цѣли, нужны болѣшія средства. О размѣрѣ необходимыхъ средствъ скажемъ ниже по выясненіи нѣкоторыхъ предварительныхъ условій, здѣсь же умѣстно выразить убѣжденіе, что для серіозной цѣли, могущей имѣть не только обще-культурное, но со временемъ и важное практическое значеніе, средства должны быть изысканы, и они, конечно, найдутся, если самое дѣло музея будетъ поставлено хорошо, т. е. правильно. Не будь музей общественно-полезнымъ, жизненнымъ и отвѣчающимъ нараспѣмъ потребностямъ учрежденіемъ, музей не множились бы такъ повсюду, не росли бы вездѣ, несмотря на всѣ, часто, казалось бы, весьма неблагопріятныя, условія. Чтобы судить о материальныxъ средствахъ, нужно имѣть прежде всего въ виду слѣдующее: 1) Музей долженъ имѣть средства собирать коллекціи и приобрѣтать отдельныя вещи и книги. 2) Музей долженъ быть обеспеченъ подготовленнымъ ученымъ персоналомъ. 3) Музей долженъ быть обеспеченъ въ своихъ хозяйственныхъ потребностяхъ.

Собирать коллекціи значить: имѣть возможность выѣхать на извѣстный срокъ для систематической работы съ соответствующимъ снаряженіемъ для натуралистовъ, инструментаріемъ для антропологовъ, всѣмъ необходимымъ при производствѣ раскопокъ для археологовъ и т. д. Всѣ экскурсанты нуждаются въ фотографическихъ аппаратахъ и пластинахъ. Не забудемъ и того, что библіотека нуждается въ систематическомъ пополненіи книгами,—ибо безъ книгъ не можетъ быть ученой работы.

Согласно вышеприведенному плану музея, ученый персоналъ его не можетъ состоять менѣе, чѣмъ изъ 4-хъ человѣкъ. Они имѣютъ такую административную организацію. Во главѣ двухъ основныхъ отдѣловъ стоять два завѣдующихъ ими лица, причемъ одно изъ нихъ является директоромъ музея. У каждого завѣдующаго отдѣломъ имѣется помощникъ. Помощникъ завѣдующаго естественно-историческимъ отдѣломъ является и лаборантъ-техникъ при лабораторіи, помощникъ завѣдующаго историко-гуманитарнымъ отдѣломъ является, кромѣ того, библіотекаремъ. Хранителемъ церковно-археологическихъ коллекцій можетъ быть представитель духовнаго вѣдомства. Въ капелляріи музея и библіотекѣ служить по одному лицу, пишущему на машинѣ. Въ штатъ служащихъ входятъ 4 служителя, изъ которыхъ одинъ является его швейцаромъ.

Для содѣйствія дѣятельности музея существуетъ Совѣтъ музея. Ему же принадлежитъ иріемъ отчета управлениія музея, контроль дѣятельности администраціи его, выборъ директора, утвержденіе служащихъ. Совѣтъ составляется изъ представителей отъ администраціи, земства, города (кромѣ представителя Губернской Земской Управы и городского головы, которые всегда являются членами Со-

вѣта), Министерства Народнаго Просвѣщенія, Духовнаго Вѣдомства и двухъ завѣдующихъ отдѣлами музея (всего 10 человѣкъ). Завѣдующіе отдѣлами должны обладать дипломами высшихъ учебныхъ заведеній: одинъ—натуралистъ, другой—историко-филологъ. Желательно, конечно, чтобы и ихъ помощники тоже были съ высшимъ образованіемъ, по-отъ этого пожеланія могутъ быть отступленія. Не приводя здѣсь детально подсчета необходимыхъ суммъ, я могу лишь сказать, что, при маломъ скромномъ вознагражденіи труда интеллигентныхъ силь музея, его бюджетъ, принимая во вниманіе тоже и хозяйственныя нужды, можетъ исходить изъ минимальной суммы—около 25.000 руб. въ годъ¹.

Цифра эта, конечно, очень велика сравнительно съ тѣмъ, что расходовали обыкновенно мѣстные музеи до настоящаго времени. Но если мы вспомнимъ общій ростъ расходовъ, въ томъ числѣ неизбѣжно и на культурныя потребности, то цифра эта не слишкомъ велика абсолютно и не должна пугать воображенія ни скромныхъ музейныхъ дѣятелей, ни тѣхъ особенно, кто несетъ расходы по содержанію музеевъ.

Признавая музеи не только полезнымъ, но необходимымъ съ государственной точки зрењія учрежденіемъ, государство должно оказать имъ помошь въ видѣ правительственной ежегодной суммы, ассигнуемой на ихъ содержаніе. Сумма въ 10—12 тысячъ рублей ежегодно не легла бы слишкомъ тяжкимъ бременемъ на государственное казначейство, сумму же въ 10 тысячъ рублей должны дать земство и городъ. Служащихъ музея государство должно также обезпечить правами съ государственной службой связанными.

Музей находится въ вѣдѣніи Губернскай Земской Управы, и ея предсѣдатель является ех officio предсѣдателемъ Совѣта музея.

Говоря о материальныхъ средствахъ, необходимыхъ для жизни музея, пора, наконецъ, высказаться опредѣленно и до конца. Пора положить, наконецъ, предѣлъ тому недостойному положенію, въ какомъ

¹ Штатныя суммы могли бы слагаться приблизительно такъ:

1) Директоръ музея (онъ же завѣдуетъ однимъ изъ отдѣловъ)	3.000	р.
2) Второй завѣдующій отдѣломъ (помощникъ директора)	2.400	"
3) Три хранителя-ассистента по 1.500 р.	4.500	"
4) Два канцелярскихъ служащихъ (писца) по 600 р.	1.200	"
5) Четыре служителя по 480 р.	1.920	"
6) Бюджетъ: а) каждого отдѣла по 2.000 р. въ годъ	4.000	"
б) библіотека	2.000	"
с) лабораторіи (съ фотографіей)	2.000	"
д) печатаніе каталоговъ, списковъ, отчета	600	"
е) канцелярскіе расходы	300	"
7) Хозяйственные расходы: ремонтъ зданія, отопленіе и проч.	3.000	"

Итого 24.920 р.

Примѣчаніе. Читатель долженъ имѣть въ виду, что проектъ сметы составлялся авторомъ въ 1915 году.

находятся у насъ очень часто дѣятели музеевъ, являющіеся нерѣдко прямо подвигниками, а часто просто мучениками своего дѣла. Основной элементъ, изъ котораго складывается вся ихъ дѣятельность—простая случайность. Все, начиная отъ сочувствія мѣстной власти, отношенія учрежденія, дающаго музею помѣщеніе, средства, —рѣшительно все носятъ характеръ случайности. Извѣстно, какъ на отношеніи лица, стоящаго во главѣ административной власти, часто зиждется общее отношеніе всѣхъ вѣдомствъ къ музею и его представителю. Пройдеть ли смыта черезъ городскую думу или земское собраніе? Вѣдь, это вопросъ: быть или не быть, причемъ извѣстны случаи, когда отвѣтъ получался именно: *не быть*. Удастся достать отъ мѣстного мецената пѣсколько сотенъ рублей для напечатанія отчета о музѣи или для приобрѣтенія коллекціи—хорошо, не удастся—не будетъ ни отчета, ни коллекціи. Всему этому давно пора положить рѣшительный конецъ и, въ случаяхъ невозможности обеспечить достойное и полезное существование музея,—отказаться отъ его устройства вовсе. Сколько у насъ заброшенныхъ начинаній! Въ томъ видѣ, въ какомъ у насъ часто обрѣтаются музеи, съ полнымъ отсутствіемъ средствъ для дѣятельности, не стоитъ тратить вовсе денегъ даже на нищенское жалованье его хранителю,—онъ все равно дѣлать ничего не можетъ.

VII.

Пора, съ другой стороны, положить конецъ и полному хаосу въ музейной жизни и дѣятельности, который характеризуетъ современное положеніе дѣла. Здѣсь опять приходится говорить о выработкѣ плана дѣятельности и его систематическомъ осуществлѣніи. Начнемъ хотя бы съ вопроса о зданіи для музея или его помѣщеніи. Уже здѣсь должны быть соблюдены извѣстныя элементарныя требованія. Прежде всего, конечно, нужно имѣть въ виду безопасность въ пожарномъ отношеніи, а потомъ общую охрану. Далѣе, когда подъ музей отводится какое-нибудь изъ существующихъ уже зданій и помѣщеній, то въ немъ, естественно, приходится приспособляться и мириться съ несовершенствами и нецѣлесообразностью его для музейныхъ цѣлей. Но съ грустью нужно сказать, что памъ извѣстны случаи, когда зданіе вновь строилось для музея безъ малѣйшаго вниманія къ тому, чтобы сдѣлать это цѣлесообразно. И здѣсь—случайность, притомъ уже, въ этихъ условіяхъ, недопустимая. Практики музейнаго дѣла теперь могутъ уже сформулировать рядъ опредѣленныхъ требованій и заданій для специалистовъ-архитекторовъ. Самое лучшее было бы объявить всероссийскій конкурсъ на проектъ зданія для областного музея,—проектъ, который долженъ удовлетворять поставленнымъ предварительно условіямъ и требованіямъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мною была пред-

ставлена въ комиссію, обсуждавшую проектъ приспособленія старого зданія (такъ называемаго Бироновскаго дворца) на Тучковомъ буянѣ въ Петроградѣ для нуждъ городскаго Музея, записка, въ которой изложены основныя положенія по этому вопросу, принятые означенной комиссией¹, и къ этой запискѣ могутъ обратиться заинтересованыя вопросы лица.

То же нужно сказать и о специальной, потребной для музея, мебели, т. е. шкафахъ, витринахъ для храненія и выставки вещей. Наиболѣе простая, удобная и прочная мебель конструируется изъ желѣза и зеркального стекла. Но, въ виду ея крайней дороговизны, отъ нея приходится отказаться. Здѣсь тоже по заданіямъ музейныхъ специалистовъ слѣдовало бы объявить конкурсъ на конструированіе простой, прочной, пыленепроницаемой и доступной по цѣнѣ витрины и шкафа изъ дерева и легкаго стекла. Но это только служебно-техническая часть дѣла. Особое вниманіе должно быть, конечно, посвящено организаціи научной дѣятельности музея.

Здѣсь прежде всего нужно озабочиться правильной постановкой сбора матеріаловъ, необходимыхъ для полноты музея. Правильность этой постановки состоить въ непрерывности и систематичности этой работы. Поступающій же матеріалъ долженъ быть немедленно научно зарегистрированъ и введенъ въ систематические инвентари и указатели, чтобы сдѣлать его въ наиболѣе легкой формѣ доступнымъ для работъ ученыхъ специалистовъ и для тѣхъ, кому матеріалъ этотъ необходимъ для соответствующихъ цѣлей. Было бы, конечно, весьма желательно, если бы средства позволяли музею въ годичномъ отчетѣ давать обстоятельный данныя о ходѣ научныхъ работъ въ музеѣ.

Не нужно забывать также просвѣтительной задачи музея. Часть его коллекцій должна быть расположена въ систематическомъ порядке въ помѣщеніяхъ, доступныхъ для обозрѣнія ихъ публикой, въ числѣ которой видную часть составляютъ учащіеся разныхъ видовъ школъ. Сдѣлать, путемъ рационального этикетажа и специального краткаго указателя-путеводителя по музею, коллекціи его понятными и интересными для посѣтителей—задача, достойная творческой мысли дѣятелей музея.

Объ этихъ дѣятеляхъ музея, именуемыхъ обыкновенно хранителями, иногда консерваторами, тоже умѣстно сказать здѣсь нѣсколько словъ. Самое наименование хранитель, или консерваторъ, звучить какимъ-то архаизмомъ, и должно было бы замѣнить его чѣмъ-либо болѣе современнымъ и болѣе соответствующимъ дѣятельности музейнаго работника.

Починить Академіи Наукъ, именующей ученый персоналъ своихъ

¹ Записка, представленная Особымъ Совѣщаніемъ объ устройствѣ въ С.-Петербургѣ Городскаго Промышленно-Художественного и Техническаго Музея. (Комиссія работала съ 12/xi 1912 г. по 11/ii 1913 г.). СПБ. 1913. Стр. 13—14.

музеевъ зоологами, ботаниками, этнографами, а не хранителями, слѣдовало бы распространить на весь ученый персоналъ музейныхъ работниковъ до провинціальныхъ включительно. „Зоологъ или археологъ губернскаго (такого-то) музея“ звучало бы гораздо болѣе достойно для самаго скромнаго дѣятеля науки, чѣмъ ничего не говорящее, устарѣвшее слово „хранитель“. О положеніи всякаго, самаго младшаго по службѣ дѣятеля музея и его роли нужно сказать, что только тогда онъ будетъ чувствовать себя на своемъ мѣстѣ полезнымъ работникомъ, если въ предѣлахъ сознанныхъ и опредѣленно поставленныхъ задачъ и при исполненіи совершенно специальныхъ функций, требуемыхъ музейной службой, онъ будетъ предоставленъ самому себѣ, какъ самостоятельный ученый работникъ. Лишь когда его индивидуальность не будетъ совершенно задавлена казенной, формальной служебной тяготой, онъ сохранится живымъ, постоянно прогрессирующімъ въ своей специальности, необходимымъ членомъ одной большої семьи дѣятелей науки. Участіе служащихъ Музея въ совѣщаніяхъ, періодически созываемыхъ по вопросамъ научнымъ, музейно-техническимъ и хозяйственнымъ, сдѣлало бы его участникомъ общаго музейнаго строительства.

VIII.

Въ заключеніе я позволю себѣ цитировать слова моей вышеупомянутой записки, представленной Особому Совѣщанію при СПБ. Городскомъ Управлениі (стр. 1—2) въ 1913 г., ибо повторю ихъ въ точности съ глубокимъ убѣжденіемъ: „Современный музей уже вышелъ на путь осуществленія сознанной въ идеалѣ задачи—сдѣлаться живой лабораторіей для проявленія творчества человѣка,—въ области ли эстетической, въ сферѣ ли научной мысли или практическаго изобрѣтенія, этого могучаго фактора современной культуры. Взять на себя специальная задачи, музей сдѣлался необходимостью для науки и для всѣхъ видовъ школы, до высшей включительно. Музей постепенно проникается тепденціей взять на себя частично задачи школы и въ то же время сдѣлаться постоянной, живой, органической потребностью для духовно растущей народной массы“. Усвоивъ эту вѣзгіядь на значеніе и назначеніе музея, я не нахожу достаточно горячихъ словъ убѣжденія, чтобы обратиться ко всѣмъ учрежденіямъ, организаціямъ и лицамъ съ призывомъ проводить, гдѣ только возможно, идею широкой поддержки музея, какъ важнаго культурнаго пачинанія. Поэтому необходимо:

- 1) Всѣми доводами и средствами добиваться отъ правительства выработки нормального положенія объ областныхъ музеяхъ и изысканія средствъ для материальной поддержки ихъ.
- 2) Обратиться съ широкимъ призывомъ къ общественнымъ

мѣстнымъ органамъ: земствамъ, городамъ, ученымъ обществамъ и проч. о всемѣрной, энергичной поддержкѣ музеевъ материальными средствами и о всяческой моральной поддержкѣ лицъ, работающихъ въ области музеинаго строительства.

3) Сдѣлать попытку объединенія дѣятелей земства, городовъ и духовенства съ цѣлью созданія въ губернскихъ центрахъ одного областного музея. Этотъ музей подъ силу вынести лишь на общихъ усиленіяхъ,—здѣсь единственный принципъ можетъ быть только: *Viribus unitis!*

Мы глубоко убѣждены въ будущемъ расцвѣтѣ музеинаго сози-данія въ Россіи. Необходимо особенно теперь же помочь разсѣяннымъ по необъятной территории Россіи музейнымъ работникамъ: помочь совѣтомъ и указаніями¹. Для этого необходимо прежде всего объединеніе ихъ усиленій, обмѣнъ въ ихъ исканіяхъ и творческой мысли. Осуществиться оно можетъ въ двухъ формахъ: 1) Въ созданіи періодического изданія специально посвященнаго музею, какъ учрежденію, для обсужденія, разработки и освѣщенія всѣхъ вопросовъ музейной жизни. 2) Въ созывѣ періодическихъ, сначала болѣе частыхъ съѣз-довъ музейскихъ работниковъ, для взаимнаго ознакомленія, обмѣна мыслями и постановки вопросовъ, связанныхъ съ практическими, жизненными задачами ихъ обездоленныхъ пока дѣтищъ—провин-ціальныхъ музеевъ.

Н. Могилянскій.

Литература².

I. Сочиненія общаго характера.

- 1) 1872 г. **Маневетовъ.** Объ учрежденіи церковно-археологическихъ музеевъ, „Православное Обозрѣніе“ 1872, № 2.
- 2) 1876 г. **Проектъ** правилъ о сохранности историческихъ памятниковъ, выра-

¹ Для этой цѣли весьма полезно было бы устройство специальныхъ курсовъ музеинаго дѣла въ столичныхъ городахъ, обладающихъ научными и специальными средствами какъ для организаціи курсовъ, такъ и для постановки на нихъ преподаванія. Не менѣе важно было бы составленіе специальной инструкціи для завѣдующихъ музеями, гдѣ изложены были бы основные положенія и выводы изъ значительныхъ уже теперь опыта и практики музеинаго дѣла у насъ и за границей.

² Списокъ пополненъ, привѣренъ и расположены въ хронологическомъ по-рядкѣ библіотекаремъ Русскаго Музея Императора Александра III Н. М. Серебряковымъ по материаламъ библіотеки Этнографическаго Отдѣла Музея.

ботанный въ Комміссіи подъ предсѣдательствомъ кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго.—Спб. 1876.

Приимѣчаніе. Заключается Обзоръ мѣронрітій къ поддержанію и сохраненію разныхъ видовъ древностей въ западно-европейскихъ государствахъ.

- 3) 1890 г. Уварова, П. С., гр.—Областные Музеи.—Москва, 1890.
- 4) 1906 г. Нагуевскій, Д.—Изъ жизни музеевъ.—Казань, 1906.
- 5) 1910 г. Больдтъ, Р.—Организованное изслѣдованіе родины въ Финляндіи (съ картою). Гельсингфорсъ, 1910.
- 6) 1912 г. Харузина, В.—Отчетъ о лѣтней поѣздкѣ въ Германію. (Каталогизация, консервированіе и размѣщеніе коллекцій въ этнографическихъ музеяхъ).—Москва, 1912.
- 7) 1913 г. Тальгренъ, А. М.—Родиновѣдѣніе въ Финляндіи (задачи, исторія и современная его организація). Перев. Л. К. Тимофеева.—Спб. 1913.
- 8) с. а. Бѣляевъ, А. Д.—Объ устройствѣ археологическо-этнографическихъ музеевъ. „Труды Виленскаго Археологическаго съѣзда“.
- 9) с. а. Гавриловъ, А.—Постановленія и распоряженія Св. Синода о сохраненіи и изученіи памятниковъ древностей.
- 10) с. а. Даниловъ, И.—Правительственные распоряженія относительно отечественныхъ древностей съ Имп. Петра I, особенно въ царствованіе Александра II. „Вѣстникъ Археологии и Исторіи“, т. VI.
- 11) с. а. Маневетовъ.—Мѣстные музеи въ губернскихъ городахъ: „Извѣстія Имп. Археол. О-ва“. Т. VI, в. I.

II. Сочиненія, относящіяся къ отдѣльнымъ музеямъ.

- 12) 1829 г. Музей, Русскій, Павла Свиридова. Краткая опись предметовъ.—1829.
- 13) 1851 г. Музей Одесского Общества Исторіи и Древностей. Одесса, 1851.
- 14) 1856 г. Нейманъ.—Керченскій Музей. Изд. Эрпштада.—Спб. 1856.
- 15) 1858 г. Музей древности, состоящій при Виленской Публичной Библіотекѣ. Перечисленій каталогъ предметовъ. 1858.
- 16) 1863 г. Образованіе Музея при Московскому Статистическому Комитетѣ. Московская Губернская Вѣдомости. 1863, №№ 45 и 46.
- 17) 1865 г. Дневникъ засѣданій комиссіи для разбора, приведенія въ извѣстность и надлежащей порядокъ предметовъ, находящихся въ Виленскомъ Музейѣ Древностей. (Изъ „Вѣстника Западной Россіи“).—Вильна, 1865.
- 18) 1867 г. Указатель, краткій, Одесского Общества Исторіи и Древностей.—1867, 1873.
- 19) 1868 г. Богословскій, Н. Г.—Описаніе Музея Новгородского Земства.—Новгородъ, 1868.
- 20) 1868 г. Богословскій.—Опись Музея Новгородского Земства.—Новгородъ, 1868.
- 21) 1869 г. Указатель Феодосійского Музея Древностей.—Феодосія, 1869.
- 22) 1870 г. Брунъ, Ф.—Одесское Общество Исторіи и Древностей, его записки и археологическая собрания.—Одесса, 1870.
- 23) 1871 г. Указатель, краткій, Музея Одесского Общества Исторіи и Древностей.—Изд. 2-е. Одесса, 1871.
- 24) 1874 г. Іезбера, Ф. И.—Открытие Русского Этнографического Музея Ф. И. Іезбера при Варшавскомъ Университетѣ.—(Варшава, 1874).
- 25) 1874 г. Музей Одесского Общества Исторіи и Древностей. Краткій указатель.—Изд. 4-е. Одесса, 1874.

26) 1874 г. **Петровъ, Н. И.**—Описаніе рукописей Церковно-Археологического Музея при Киевской Духовной Академіи. Издъ „Труд. Киевск. Дух. Акад.“—1874—1878.

27) 1874 г. **Указатель** Феодосійского Музея Древностей.—Феодосія, 1874 и 1880.

28) 1875 г. **Іезбера, Ф. И.**—Музей для наглядного ознакомленія съ Россіею при Варшавскомъ Университетѣ. Издъ „Варшавск. Универс. Изв.“—1875—1878 гг.

29) 1875 г. **Программа** для составленія Олонецкаго Ест.-Промышленнаго и Ист.-Этнографическаго Музея.—Петрозаводскъ, 1875.

30) 1876 г. **Музей**, Олонецкій, Естественно-Промышленный и Историко-Этнографический, основанный при Губернскомъ Статистическомъ Комитетѣ въ 1871 г. Каталогъ предметовъ, поступившихъ въ Музей къ 1 мая 1876 г. 1-е прибавление (съ мая 1876 г. по юль 1878 г.). Составл. А. Ивановымъ.—Петрозаводскъ, 1876.

31) 1877 г. **Вырубовъ, В.**—Предметы древности въ хранилищѣ „Общества Любителей Кавказской Археологии“. Вып. I.—Тифлисъ, 1877.

32) 1879 г. **Іезбера, Ф. И.**—Ф. Іезбера Всероссійскій Музей, или собраніе предметовъ, касающихся познанія русской Имперіи. Музей помѣщается при Варшавскомъ Университетѣ, возлѣ студентской читальни.—Варшава, 1879.

33) 1879 г. **Флоринскій, В. М.**—Проектъ публичнаго историко-этнографическаго Музея при Казанскомъ Обществѣ Археологии, Исторіи и Этнографіи.—Казань, 1879.

34) 1879 г. **Шляпкинъ, И. И.**—Опись рукописей и книгъ Музея Археологической Комиссіи при Псковскомъ Губернскомъ Статистическомъ Комитетѣ.—Псковъ, 1879.

35) 1880 г. **Указатель** Церковно-Археологического Музея при Киевской Духовной Академіи.—Кievъ, 1880.

36) 1880 г. **Указатель** Феодосійского Музея Древностей.—Изд. 3-е. Одесса, 1880.

37) 1881 г. **Мартыновъ, Н. М.**—Минусинскій Публичный мѣстный Музей. Каталогъ и краткое описаніе.—Томскъ, 1881.

38) 1881 г. **Радде, Г. И.**—Краткій путеводитель Кавказскаго Музеума. Изд. 3-е. Тифлисъ, 1881.

39) 1884 г. **Антоновичъ, В. Б.**—Музей Древностей. Учрежд. Унив. Св. Владимира.—Кievъ, 1884.

40) 1884 г. **Кельсіевъ, А. И.**—Записка объ основаніяхъ дѣятельности и проектъ устава Историко-Этнографическаго Музея въ г. Ростовѣ, Ярославской губ.—Москва, 1884.

41) 1884 г. **Музей**, Тверской, и его приобрѣтенія въ 1884, 1885, 1887 годахъ.

42) 1885 г. **Добрянскій, Ф. Н.**—Каталогъ предметовъ Виленскаго Музея Древностей.—Изд. 2-е. Вильна, 1885.

43) 1885 г. **Патекъ, Ф.**—Каталогъ Одесского Общества Исторіи и Древностей.—1885.

44) 1886 г. **Каталогъ** Естественно-историческаго Музея Нижегородскаго Губернскаго Земства.—1886.

45) 1886 г. **Клеменцъ, Д.**—Древности Минусинскаго Музея. (Памятники металлич. эпохъ). Текстъ+Атласъ.—Томскъ, 1886.

46) 1886 г. **Музей**, Ростовскій, церковныхъ Древностей. В. Мансветовъ. Описаніе церковной утвари. А. А. Титовъ. Описаніе рукописей. М. А. Лишенскій. Описаніе собранія документовъ.—Ярославль, 1886.

47) 1886 г. **Устиновъ, М.**—Археологическій Музей во Псковѣ. Сборникъ Археологическаго Института I.—1886.

48) 1887 г. **Десятилѣтіе** Минусинского (Публичного местного) Музея. 1877—1887 Томскъ, 1887.

49) 1887 г. **Каталогъ** собранія древностей гр. Ал. Серг. Уварова (сост. гр-ня Уварова). Отд. I—II, III—VI, VII.—М., 1887—1907.

50) 1887 г. **Музей**, Петровскій, въ Вологдѣ. Древняя и Новая Россія.—1887.

51) 1887 г. **Радде, Г. И.**—Краткій путеводитель по Кавказскому Музею.—Изд. 5-е. Тифлісъ, 1887.

52) 1887 г. **Уварова**, гр.—Каталогъ ризницы Спасо-Преображенского монастыря въ Ярославлѣ.—М., 1887.

53) 1887 г. **Юргевичъ, В.**—Краткій указатель Музея Одесского Общества Исторіи и Древностей.—Одесса, 1887.

54) 1888 г. **Б(ертье) Д(елагардъ), А. Л.**—Каталоги картъ, плановъ, чертежей, рисунковъ, хранящихся въ Музеѣ Одесского О-ва Исторіи и Древностей.—Одесса, 1888.

55) 1888 г. **Добротворскій, Н.**—Историко-Археологический Музей въ Смоленскѣ. „Историческій Вѣстникъ“ 1888, № 11.

56) 1888 г. **Жизневскій, А. К.**—Описаніе Тверского Музея. Археологическій Отдѣль. Съ примѣчаніями гр. А. С. Уварова.—Москва, 1888.

57) 1888 г. **Каталогъ** картъ, плановъ, чертежей, рисунковъ, хранящихся въ Музеѣ Одесского О-ва Исторіи и Древностей.—Одесса, 1888.

58) 1888 г. **Кушъ, А. Л.**—Саратовскій Радищевскій Музей въ первое свое трехлѣтіе (1885—1888).—Саратовъ, 1888.

59) 1888 г. **Музей**, Археологическій, Томскаго Университета.—Томскъ, 1888.

60) 1888 г. **Музей**. Петровскій, близъ Переяславля, Владимирской губ. „Истор. Вѣстн.“ 1888, т. XXXIII.

61) 1888 г. **Отдѣль**, Археологическій, Семипалатинскаго Областного Музея.—Семипалатинскъ, 1888.

62) 1888 г. **Ф(оринскій), В.**—Археологический Музей Томскаго У-та.—Томскъ, 1888.

63) (1889 г.) **Каталогъ** предметовъ Олонецкаго Естеств.-Промышл. и Историко-Этнографического Музея (до 1 апр. 1889 г.).—Петрозаводскъ.

64) 1889 г. **Шелюковъ, Ф. С.**—Каталогъ предметовъ Олонецкаго Естественно-Промышленного и Историко-Этнографического Музея.—Петрозаводскъ, 1889.

65) 1890 г. **Сперанскій, М. Н.**—Описаніе рукописей Тверского Музея.—Москва, 1890.

66) 1890 г. **Флоринскій, В. М.**—Двадцать три человѣческихъ черепа Томскаго Археологического Музея.—Томскъ, 1890.

67) 1890 г. **Юргевичъ, В.**—Краткій указатель Музея Одесского О-ва Исторіи и Древностей.—Изд. 2-ое. Одесса, 1890.

68) 1891 г. **Каталогъ** вещамъ и документамъ, хранящимся въ Музеѣ Псковскаго Археологическаго Общества.—Псковъ, 1891.

69) 1891 г. **Музей**, Тверской. Описаніе рукописей.—1891.

70) 1891 г. **Очеркъ**, краткій историческій исторіи развитія Кавказскаго Музея въ первыя 25 лѣтъ его существованія.—Тифлісъ, 1891.

71) 1891 г. **Памятники** Казацкой старины въ Музеѣ Одесского О-ва Исторіи и Древностей. „Кievская Старина“ 1891, кн. II.

72) 1891 г. **Радде, Г.**—Краткій очеркъ исторіи развитія Кавказскаго Музея въ первыя 25 лѣтъ существованія (1867—1892).—Тифлісъ, 1891.

73) 1891 г. **Ретовскій, О.**—Указатель Феодосійскаго Музея Древностей.—Изд. 4-ое. Феодосія, 1891.

74) 1892 г. **Нагуевскій, Д. И.**—Обзоръніе персидскихъ монетъ, хранящихся въ Чумизматическомъ Музеѣ Ими. Казанскаго У-та. Казань, 1892.

75) 1892 г. **Покровский, Ф. В.**—Виленский Музей Древностей. Объяснительный текстъ къ фотографическимъ снимкамъ, замѣняющей собою также путеводитель по Музею.—Вильна, 1892.

76) 1893 г. **Ежегодникъ** Тобольского Губернского Музея. Вып. I—XXVI (1893—1916).—Тобольскъ.

77) 1893 г. **Ласковский, В. и Лашковъ, Н.**—Краткое описание Новгородского Музея (Древностей).—Новгородъ, 1893.

78) 1893 г. **Мартыновъ, Н.**—Каталогъ народно-медицинскихъ средствъ, находящихся въ Минусинскомъ мѣстномъ Музеѣ.—Красноярскъ, 1893.

79) 1893 г. **Медоксъ, К. П.**—Каталогъ Музея Саратовской Ученой Архивной Комиссии.—Саратовъ, 1893.

80) 1893 г. **Мельникъ, К.**—Каталогъ коллекціи древностей А. Н. Поля, въ Екатеринодарѣ. Вып. I.—Киевъ, 1893.

81) 1894 г. **Боцяновский, В.**—Волынское Церковно-Археологическое О-во и его Древле-хранилище. „Русская Старина“, 1894.

82) 1894 г. **Мамъевъ, С. Н.**—Рукописи библиотеки Тобольского Губернского Музея за XVII и XVIII стол. Вып. I (1621—1645).—Тобольскъ, 1894.

83) 1894 г. **Heikel, Axel.**—Antiquit  s de la Sib  rie occidentale conserv  es dans les Mus  es de Tomsk, de Tobolsk, de Tumen, d'Ekaterinbourg, de Moscou et d'Helsingfors. „Mem. de la Soc. Finno-Ougrienne“.—Helsingfors, 1894.

84) 1894 г. **Терновский, А. А.**—Библиографія и иконографія Тобольского Губернского Музея.—Тобольскъ, 1894.

85) 1894 г. **Тюменевъ, И.**—Возрожденное Древлехранилище. (Новгородский Музей Древностей). „Исторический Вѣстникъ“ 1894, № 11.

86) 1895 г. **Радде, Г. И.**—Краткій путеводитель по Кавказскому Музею.—Изд. 7-ое. Тифлісъ, 1895.

87) 1895 г. **Харузинъ.**—О древностяхъ Томского Музея.—Москва, 1895.

88) 1897 г. **Музей Одесского Общества Исторіи и Древностей.** Вып. I—III.—Одесса 1897—1898; 1906.

89) 1898 г. **Берендей, Э. Н.**—Описание русскихъ монетъ Музея Ярославской Ученой Архивной Комиссіи, пожертвованныхъ И. А. Вахромѣевымъ.—Ярославль, 1898.

90) 1898 г. **Гринченко, Б. Д.**—Каталогъ Музея Украинскихъ Древностей В. В. Тарновскаго. Т. I. Киевъ, 1898. Т. II. Черниговъ, 1903.

91) 1898 г. **Каталогъ** коллекцій Архангельского Городского Публичного Музея къ 20 мая 1898 г.—Архангельскъ, 1898.

92) 1898 г. **Фуреовъ, М. В.**—Описание Могилевского Музея.—Могилевъ, 1898.

93) 1899 г. **Довгялло, Д. И. и Никифоровский, Н. Я.**—Описание предметовъ древности, поступившихъ въ Витебское Епархіальное Церковно-Археологическое Древлехранилище по ноябрь 1897 г. Вып. I.—Витебскъ, 1899.

94) 1899 г. **Жебелевъ, С.**—Памятники классической культуры, хранящіеся въ Музѣи Одесского Общества Исторіи и Древностей.—Одесса, 1899.

95) 1899 г. **Радде, Г. И.**—Краткій путеводитель по Кавказскому Музею.—Изд. 8-ое, дополн. Тифлісъ, 1899.

96) 1900 г. **Врадій, В. П.**—Описание и первый каталогъ коллекцій Благовѣщенского Музея.—Благовѣщенскъ, 1900.

97) 1900 г. **Музей, Естественно-Исторический, Полтавского Губернского Земства.** Описание коллекцій.—Полтава, 1900.

98) 1900 г. **Отчетъ и уставъ** Ферганскаго Областного Публичного Музея въ гор. Новомъ Маргеланѣ.—Ташкентъ, 1900.

99) 1900 г. **Тураевъ, Б. А.**—Эфіопскія рукописи Музея Церковно-Археологического

Общества при Кіевской Духовной Академіи. (Въ „Зап. Вост. Отд. И. Рус. Арх. О-ва“, т. 12).—1900.

100) 1902 г. **Коллекція Кавказскаго Музея.** Изд. Г. И. Радде. Т. V. Археология (Уваровой). Т. VI. Радде, Г. И. Автобіографія. Ганъ, К. Ф. Біографія Г. И. Радде.—Тифлісъ, 1902, 1912.

101) 1902 г. **Конъ, Ф. Я.**—Историческій очеркъ Минусинскаго мѣстнаго Музея за 25 лѣтъ (1877—1902).—Казань, 1902.

102) (1903 г.) **Извѣстія Кавказскаго Музея.** Тт. I—IX.—Тифлісъ.

103) 1903 г. **Каталогъ выставки древностей и рѣдкостей изъ собранія Д. Г. Бурылина.**—Иван.-Вознесенскъ, 1903.

104) 1903 г. **Каталогъ,** краткій, предметовъ, находящихся въ Смоленскомъ Городскомъ Историко-Археологическомъ Музеѣ.—Смоленскъ, 1903.

105) 1903 г. **Колли, Л. П.**—Указатель Феодосійскаго Музея Древностей.—Изд. 5-ое. Феодосія, 1903.

106) 1903 г. **Музей Українскихъ Древностей, пожертвованный Черниговскому Губернскому Земству В. В. Тарновскимъ.**—Черниговъ, 1903.

107) 1904 г. **Рѣдинъ, Е. К.**—Музей изящныхъ искусствъ и древностей Харьковск. У-та (1805—1905).—Харьковъ, 1904.

108) 1904 г. **Сѣцинекій, Е.**—Музей Подольского Церковнаго Историко-Археологического Общества. 1. Опись старопеч. книгъ. 2. Опись предметовъ старины.—Каменецъ-Подольскъ, 1904—9.

109) 1904 г. **Труды Туапсинскаго Научно-Промышленнаго Музея.**—Кн. I (1904—1906).—Туапсе.

110) 1905 г. **Каталогъ Екатеринославскаго Областнаго Музея имени А. Н. Поля.** Археология и Этнографія.—Екатеринославъ, 1905, 1910.

111) 1905 г. **Родзянко, М. В. и Куриловъ, В. В.**—Екатеринославскій Областной Музей имени А. Н. Поля. Исторія созданія и задачи учрежденія. Рѣчи.—Екатеринославъ, 1905.

112) 1905 г. **Рѣдинъ, Е.**—Музей изящныхъ искусствъ и древностей Харьковскаго Университета.—Харьковъ, 1905.

113) 1905 г. **Скриленко, А. и Бабенко, В.**—Каталогъ Екатеринославскаго Областнаго Музея имени А. Н. Поля. Археология и Этнографія.—Екатеринославъ, 1905.

114) 1905 г. **Уставъ Екатеринославскаго Областнаго Музея имени А. Н. Поля.**—Екатеринославъ, 1905.

115) 1906 г. **Музей, Ставропольскій, Сѣвернаго Кавказа, его задачи и программы по отдѣламъ.**—Ставрополь, 1906.

116) 1906 г. **Протоколы засѣданій попечительства о Ставропольскомъ Музеѣ Сѣвернаго Кавказа.**—Ставрополь, 1906.

117) 1907 г. **Глуздовскій, В.**—Каталогъ Музея Общества изученія Амурскаго края.—Владивостокъ, 1907.

118) 1907 г. **Музей, Пермскій Научно-Промышленный.** Краткій Указатель. (И. Г. Остроумова).—Пермь, 1907.

119) 1907 г. **Отчетъ по Этнографическому Музею (Харьк. Унив.) за 1906/7 годъ.**—Харьковъ, 1907.

120) 1908 г. **Сборникъ Черниговскаго Епархіального Древлехранилища I (1908).**—Черниговъ.

121) 1909 г. **Каталогъ Кубанскаго Этнографического и Естественно-Исторического Музея.**—Екатеринодаръ, 1909.

122) 1910 г. **Голубцовъ, Н. А.**—Записка объ Архангельскомъ Городскомъ Публичномъ Музеѣ.—Архангельскъ, 1910.

123) 1910 г. **Ежегодникъ** Казанскаго Городскаго Научно-Промышленнаго Музея. Отчетъ за 1909—1915.—Казань, 1910—1916.

124) 1910 г. (Катановъ, Н.).—Каталогъ Казанскаго Городскаго Научно-Промышленнаго Музея. Отдѣль Историко-Этнографический. №№ 1, 2.—Казань, 1910.

125) 1910 г. **Лучникъ**, В.—Ставропольскій Городской Музей. „Любитель Природы“. 1910.

126) 1910 г. **Музей**, Херсонскій Городской, Древностей Херсонскаго края. Состав. В. И. Гошкевичъ. Вып. I—VII (1910—1916).

127) 1910 г. **Очеркъ**, краткій, дѣятельности Сарапульскаго Земскаго Музея, за 1-й годъ его существованія (1909—1910).—Сарапуль, 1910.

128) 1910 г. **Хейкель**, А.—Музей среди природы на остр. Фелизѣ, близъ Гельсингфорса.—Гельсингфорсъ, 1910.

129) 1911 г. **Извѣстія** Сарапульскаго Земскаго Музея.—Вып. 1—4 (1911—1914).—Сарапуль.

130) 1911 г. **Каталогъ**, краткій, предметовъ церковнаго отдѣла въ Новгородскомъ Музеѣ Древностей.—Новгородъ, 1911.

131) 1911 г. **Каталогъ** Музея при Пензенскомъ Художественномъ Училищѣ имени Н. Д. Селиверстова.—Пенза, 1911.

132) 1911 г. **Коралловъ**, В. В.—Музей Церковно-Археологический, при Холмскомъ Православномъ Свято-Богородицкомъ Братствѣ.—Холмъ, Любл. губ. 1911.

133) 1912 г. **Змигродскій**, К. Л.—Каталогъ Музея Витебской Ученой Архивной Комиссіи.—Витебскъ, 1912.

134) 1912 г. **Линниченко**, И. А.—Исторический путь и Музей г. Кіева.—Одесса, 1912.

135) 1912 г. **Уставъ** Музея Сарапульскаго Уѣзданаго Земства.—1912.

136) 1912 г. **Хейкель**, А. О. Музей среди природы на островѣ Фелизѣ (по-фински: Seurasaari) близъ Гельсингфорса. Изд. 2-ое. Гельсингфорсъ, 1912.

137) 1913 г. **Ватинъ**, В. А.—Минусинскій край въ XVIII вѣкѣ. Этюдъ по исторіи Сибири. Изд. Минусинскаго Мартыновскаго Музея.—Минусинскъ, 1913.

138) 1913 г. **Габаевъ**, Г. С.—Отзывъ о трудахъ Н. А. Маркса: „Обозрѣніе предметовъ военной старины. Отд. I. Музен войсковыхъ частей“.—Сиб. 1913.

139) 1913 г. **Голубцовъ**, Н. А.—Архангельскій Городской Музей и его коллекціи.—Архангельскъ, 1913.

140) 1913 г. **Ежегодникъ** Естественно-Историческаго Музея Полтавскаго Губернскаго Земства за 1912 г., № 1.—Полтава, 1913.

141) 1913 г. **Моллесонъ**, М.—Русскіе этнографические музеи и собранія. III. Троицко-савско-Кяхтинскій Музей. (Изъ „Живой Старины“, 1913).

142) 1914 г. **Ватинъ**, В. А.—Село Минусинское. Исторический очеркъ. Издание Минусинскаго Городскаго Мартыновскаго Музея.—Минусинскъ, 1914.

143) 1914 г. **Описаніе** коллекцій Красноярскаго Музея. Изд. Красноярскаго Подъотдѣла Рус. Геогр. О-ва. Отдѣль Археологический. Вып. I. Ермоловъ, А. Ишимская коллекція.—Красноярскъ, 1914.

144) 1915 г. **Двадцатипятилѣтіе** Красноярскаго Городскаго Музея. (Красноярскій Подъотдѣль Восточно-Сибирскаго Отдѣла Рус. Геогр. О-ва). (1889—1914).—Красноярскъ, 1915.

145) 1915 г. **Лучникъ**, В.—Планъ организаціи провинціальныхъ музеевъ. Изъ журн. „Школьныя экскурсіи и школьный музей“, кн. 5—6.—1915.

146) 1915 г. **Могилинскій**, Н. М.—Русскіе этнографические музеи и собранія. IV. Музей Украинскихъ Древностей В. В. Тарновскаго Черниговскаго Губернскаго Земства.—Петропрадъ, 1915.

147) 1915 г. **Указатель**, краткій, Музея Одесскаго Общества. Исторіи и Древностей.—Изд. 5-ое. Одесса, 1915 г.

148) s. a. **Антоновичъ, В. Б.** -- Нумизматический Кабинетъ. Музей Древностей (Университета Св. Владимира).—Кievъ (s. a.).

149) (s. a.) **Евлентьевъ, К. Г.**—Объ учрежденіи Археологического Музеума въ Булгарѣ, Казанской губерніи.—(S. l. et a.).

150) s. a. **Кытмановъ.**—Краткий каталогъ Енисейского Музея.

151) s. a. **Лучникъ, В.**—Къ исторіи Ставропольского на Кавказѣ Городского Музея имени М. В. Праве.

152) s. a. **Музей, Воронежскій Губернскій.** 1899—1900.—Воронежъ.

153) s. a. **Оксеновъ, А.**—Минусинскій Музей.—Спб.

154) (s. a.) **Рябковъ, П.**—Музей Елисаветградского Общества Грамотности. Прошлое Новороссии.—(S. l. et a.).

155) (s. a.) **С(пицынъ), А.**—Нѣкоторыя новыя пріобрѣтенія Саратовскаго Музея.—(S. l. et a.).

Смерть Александра II-го.

8 июня 1915 г. я щыхалъ на любимовскомъ пароходѣ „Петроградъ“ по Камѣ изъ Сарапула въ Казань. Услышавъ изъ своей каюты какое-то пѣніе въ 3-мъ классѣ, я спустился туда и увидѣлъ, что слѣпецъ поетъ стихи, а его окружаетъ третьюклассная публика. Прислушался: стихи показались мнѣ интересными. Когда слѣпецъ окончилъ пѣніе, я попросилъ его повторить. Пѣть онъ отказался, но „словами“ передалъ мнѣ стихи, а я ихъ записалъ.

Слѣпецъ—крестьянинъ Макарьевскаго уѣзда, Нижегор. губ., Богословской волости, села Воскресенскаго по р. Ветлугѣ. Ему 27 лѣтъ. Бѣзпѣтъ на пароходахъ съ мальчикомъ и поетъ, слѣдовательно—профессионалъ. Зовутъ его Иванъ Викторовъ Ипатовъ. Поетъ стихи съ мальчикомъ. Про Александра II-го научился отъ другого слѣпца, а сочинилъ-де стихи тоже слѣпецъ, на Кавказѣ, на Волгѣ не бывавший.

Н. Ончуковъ.

Стихъ про Александра II-го.

Вы послушайте, друзья,
Все про Бѣлаго царя.
Милостивый государь
Александра второй царь,
Анъ съ любовію служилъ,
Всѣмъ свободы дать хотѣль.
Подъ покровомъ всѣхъ державъ
Онъ злодѣевъ укрощаѣтъ.—
Злодѣевъ укрощаѣтъ
И отъ казни избавляѣтъ.
Исправляѣтъ онъ всѣ законы,
Слышалъ бѣдныхъ людей стоны.
Стали злодѣи судить,
Какъ бы царя истребить.
Отчайнныхъ подкупили.
Дали въ руце имъ гранаты,
Ани отъ Бога прокляты.

Вездѣ мины подводили,
Царя Бѣлаго не убили.
Караулы вездѣ стояли,
Государя сохраняли.
Марта первого числа
Жизнь скончалася царя.
Страшно думать и гадать,
На царя руце поднять!
Злобный духъ во нихъ вселился,
И второй ударъ явился.
Между народною толпой
Не видать было, откѣль
Появился большой взрывъ
И государя поразивъ.
Тогда сдѣлалось сметенье,
По всей сырой землѣ потресенье,
И велика стрась была;

Какъ царскя кровь лила.
И пораженный царь упалъ
И слово жалобно сказалъ:
„Подымите меня, дѣти,
Отжилъ я теперь на свѣтѣ!“
Къ нему слуги побѣжали,
На бѣлѣ рѣцѣ подняли,
На рукахъ его держали,
Слѣзно плакали, рыдали;
Всѣ жалобно возопили,
Что жизнъ царя не сохранили.
— „Ты за то жизнъ положилъ,
Что добра много творилъ,
Всѣ законы отмѣнилъ
И крестьянъ освободилъ,
А врагамъ добра не творилъ.
Ты—нашъ батюшка, царь-отецъ,
Мы несемъ тебя во дворецъ.
Ты, нашъ батюшка, богъ земной,
Лишился своихъ ногъ“.
По всему Питеру была тревога,
Что государю страды много.
Со всего Петера сбѣжались
И стояли у дворца;

Всѣ на царскій флагъ смотрѣли,
Ожидали всѣ конца.
Когда царскій флагъ спустили,
Его жизни извѣстили,
Когда черный флагъ подняли,
Слезно плакали-рыдали,
Черный трауръ надѣвали,
„Упокой душѣ!“ сказали.
Во всѣхъ соборахъ зазвонили,
Погребеніе отслужили.
Какъ ударили въ телеграмъ,
Затмѣніе солнечно стало намъ.
Солнечные лучи скрылись,
Царя Бѣлага мы лишились.
Будемъ, братцы, поминать,
Упокой душѣ взывать;
Будемъ Господа просить,
Чтобъ царя Богъ умудрилъ.
Сынъ по мудрости отца
Доведетъ дѣло до конца.
Слыхъ подали на Кавказъ,
Слезы полили изъ глазъ.
Богу Слава, царю держава!

Записалъ Н. Ончуковъ.

Поправка.

Въ очеркѣ „Пѣсни Новаго Израиля“, напечатанномъ въ вып. III—IV „Живой Старины“ за 1914 годъ, я, полагаясь на слова новоизраильтянъ, приписалъ составленіе нѣкоторыхъ принятыхъ у нихъ пѣсенъ вождю Новаго Израиля В. С. Лубкову.

Несмотря на оговорку, что въ этомъ случаѣ надо относиться къ утвержденіямъ новоизраильтянъ съ болѣйшою осторожностью¹, я рѣшился повѣрить имъ, потому что они приводили подробности, дѣлавшія ихъ разсказъ очень правдоподобнымъ. Тѣмъ не менѣе мнѣ не удалось избѣжать ошибокъ, которыя я и хотѣлъ бы теперь исправить.

Со словъ одного изъ освѣдомленныхъ новоизраильтянъ—рязанскаго старшаго Н. М. Митрохина—я приписалъ пѣснь „гдѣ моя сила, гдѣ моя любовь“ В. С. Лубкову² и привелъ то объясненіе пѣсни, которое мнѣ было дано: мой собесѣдникъ рассказывалъ, что В. С. Лубковъ говорилъ въ этой пѣснѣ о своей любви къ дѣвушкѣ, ставшей впослѣдствіи его спутницей.

Рассказъ этотъ очень интересенъ: онъ показываетъ, какъ иногда въ пѣснѣ, которыя поютъ новоизраильтяне, проскальзываютъ житейскіе мотивы, хотя сектанты и отрицаютъ „мирское пѣніе“. Но сообщеніе объ авторствѣ В. С. Лубкова невѣрно: въ одномъ сочиненіи о прыгунахъ, написанномъ еще до того, какъ В. С. Лубковъ началъ свою дѣятельность, я нашелъ варіантъ этой пѣсни³. Она могла быть заимствована новоизраильтянами не при посредствѣ В. С. Лубкова, и уже потому въ ихъ средѣ могъ сложиться тотъ разсказъ о происхожденіи пѣсни, который я привелъ. Возможно, однако, и то, что самъ В. С. Лубковъ слышалъ эту пѣснь у другихъ, но, сообщая ее своимъ послѣдователямъ, не счелъ нужнымъ сказать, что она сложена не имъ.

Разумѣется, отъ того, что пѣснь въ дѣйствительности сочинена не В. С. Лубковымъ, разсказъ моего собесѣдника не становится менѣе показательнымъ.

Другая неточность такого же характера.

¹ Живая Старина 1914, стр. 377.

² Ibid., стр. 386.

³ Демгельштедъ. Закавказскіе сектанты. Спб. 1885, стр. 109.

Въ концѣ моей работы приводится одна изъ поющихся у новоизраильтянъ пѣсень, въ которой, по ихъ словамъ, В. С. Лубковъ описалъ свою поѣздку въ Урагвай¹. Дѣйствительно, въ пѣснѣ поется о томъ, какъ „бѣлый орель“ полетѣлъ „въ ту далекую сторонку, въ урагвайскій городокъ“, гдѣ власти отнеслись къ нему сперва недовѣрчиво: рѣшили „отдать орла на спытанье, урагвайско воспитанье“.

Одинъ изъ видныхъ духовныхъ христіанъ-молоканъ, А. Т. Болотинъ, просмотрѣвши отискъ моей работы вмѣстѣ съ принадлежавшимъ раньше къ одному изъ отвѣтвлений секты Людей Божіихъ П. Ф. Пантелеевымъ и другимъ лицомъ, также вышедшими изъ этой среды, сообщилъ мнѣ, что первоначально эта пѣснь была сочинена А. Г. Щетинымъ, наставникомъ такъ называемыхъ члененовъ. Это указаніе подтверждается и данными недавно напечатаннаго судебнаго дѣла по обвиненію Щетина го въ совращеніи православныхъ въ сектантство², и надо думать, что эта пѣснь, дѣйствительно, не сложена новоизраильтянами, а только передѣлана ими.

А. Т. Болотинъ сомнѣвается также и въ томъ, что пѣснь „Творецъ, Творецъ, Создатель нашъ“ сочинена В. Ф. Мокшинымъ, указывая, что ее поютъ не одни новоизраильтяне, и потому возможно предположить, что они могли заимствовать ее у другихъ. Возможно, однако, и обратное предположеніе.

Такимъ образомъ даже разсказы старыхъ и освѣдомленныхъ новоизраильтянъ о творчествѣ ихъ вождей являются иногда недостаточными, и очень трудно опредѣлить, кто является авторомъ отдѣльныхъ пѣсенъ.

Въ литературѣ о русскомъ сектантствѣ неоднократно дѣлались попытки приписать авторство тѣхъ или иныхъ сектантскихъ пѣсень опредѣленнымъ лицамъ. По большей части эти попытки были неудачны. Мой опытъ лишній разъ показываетъ, насколько осторожнымъ надо быть при опредѣленіи индивидуальныхъ источниковъ сектантскаго пѣсенного творчества.

М. Муратовъ.

¹ Живая Старина 1914, стр. 392—393.

² В. Д. Бончъ-Бруевичъ. Матеріалы къ исторіи и изученію религіозно-обществ. движеній въ Россіи, т. VII, стр. 537. Спб. 1916.

Критика и библіографія.

7. Д. К. Зеленинъ. *Очерки русской миѳологии*. В. I. Умершіе неестественнаі смертью и русалки. Петроградъ. 1916. Стр. 016+311.

Мы спѣшимъ отмѣтить этотъ новый трудъ неутомимаго русскаго этнографа, давшаго за послѣдніе годы такъ много интересныхъ и важныхъ для русской этнографіи работъ, не только ради цѣнности настоящаго изслѣдованія, но также потому, что работа произведена по точно опредѣленному методу. А такими работами не особенно богата русская этнографическая литература.—За послѣдніе годы неразъ раздавались голоса, критиковавшіе примѣненіе сравнительного метода въ этнографіи за то, что онъ привлекаетъ къ выводамъ примѣры, взятые у народовъ, стоящихъ на разныхъ ступеняхъ развитія. Тотъ же упрекъ ставить изслѣдователямъ и Д. К. Зеленинъ, разъясняя ошибку такого примѣненія сравнительного метода указаніемъ на примѣненіе этого метода въ языковѣдѣніи, которое принимается всегда во вниманіе „исторію сравниваемыхъ словъ и звуковъ на родной почвѣ даннаго языка. Сравненіе удовлетворяетъ научнымъ требованіямъ только тогда, когда сравниваются факты одной и той же эпохи“. Авторъ допускаетъ, что современные народные обряды и вѣрованія часто представляютъ собою „переживанія“ и что въ области народныхъ обрядовъ и повѣрій есть много общечеловѣческаго; „но это б. ч. лишь общіе принципы и самые основные элементы“. „Какъ бы ни были просты явленія народной жизни, они всегда имѣютъ болѣе или мелѣе длинную исторію на почвѣ даннаго отдельнаго народа, въ теченіе которой (исторіи) они могли... иногда до неузнаваемости измѣниться. А эти видоизмѣненія, конечно, должны были происходить у разныхъ народовъ неодинаково... И сравнивать явленія... у разныхъ народовъ... безъ справки... съ исторіей“ — часто бываетъ безплодно. Сопоставленію этнографическихъ данныхъ изъ жизни одного народа со схожими фактами у другого народа должно предшествовать выясненіе исторіи данныхъ фактовъ у обоихъ этихъ народовъ. „Выясненіе исторіи каждого даннаго факта на родной почвѣ— задача весьма не легкая“, и желательно, чтобы она выполнялась специалистами по этнографіи отдельныхъ народовъ. Это дастъ возможность избѣгнуть ошибокъ при пользованіи сравнительнымъ методомъ. Согласно этому взгляду авторъ поставилъ задачей своихъ „очерковъ по русской миѳологии“ изученіе обрядовъ и миѳологическихъ образовъ русскаго народа на русской почвѣ. Въ качествѣ сравнительного

матеріала онъ привлекаетъ даннія изъ быта и вѣрованій русскихъ инородцевъ, долгое время бывшихъ въ соприкосновеніи съ русскими, не считая удачнымъ сравнивать русскіе обряды съ аналогичными зап.-европейскими, гдѣ на древнемъ обрядѣ отразилось вліяніе многочисленныхъ культурныхъ наслоеній.

Мы позволимъ себѣ лишь отчасти согласиться съ Д. К. Зеленинымъ. Несомнѣнно, неразборчивое сопоставленіе аналогичныхъ этнографическихъ данныхъ изъ вѣрованій и обрядовъ разнообразнѣйшихъ народовъ есть увлеченіе сравнительнымъ методомъ, могущее повести къ крупнымъ ошибкамъ. Несомнѣнно также, что общимъ выводамъ желательно предпосылать частичныя изслѣдованія этнографическихъ явлений у отдѣльныхъ народовъ, и что весьма полезно выяснить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ исторію явленія, культурныя на немъ наслоенія, видоизмѣненія его и пр. Но это—лишь одно направлѣніе, и несомнѣнно правильное, въ изученіи обряда, вѣрованія, миѳологическаго образа. Другое будетъ заключаться въ опредѣленіи основныхъ характерныхъ чертъ явленія и выясненіи ихъ значенія. И тутъ мы наталкиваемся на такія поразительныя аналогіи въ этихъ характерныхъ чертахъ обрядовъ и вѣрованій у разныхъ народовъ, что пройти мимо нихъ изслѣдователю невозможно. Должно быть какое-нибудь психологическое или другое основаніе, на которомъ миѳологические образы разнообразнѣйшихъ народовъ обладаютъ сходственными чертами, и обряды, имѣющіе аналогичную цѣль, протекаютъ по опредѣленной схемѣ, воспринимаютъ одинаковыя детали. Тутъ съ полнымъ правомъ выступаетъ сравнительный методъ, выражающійся, однако, не въ сопоставленіи аналогичныхъ этнографическихъ явлений, но въ сопоставительномъ изученіи ихъ характерныхъ чертъ. При этомъ изслѣдователю неминуемо приходится обращаться къ народамъ малокультурнымъ, у которыхъ въ большей полнотѣ мы можемъ встрѣтить изучаемый комплексъ чертъ, и у которыхъ многія черты не утратили еще своего первоначального значенія. Изученіе какого-нибудь обряда или представлѣнія въ сущности должно итти въ обоихъ направлѣніяхъ, которыя взаимно дополняютъ другъ друга. Изученіе обряда, представлѣнія на почвѣ одного народа въ его исторіи даетъ намъ возможность видѣть въ истинномъ свѣтѣ обрядъ, вѣрованіе въ нихъ живомъ бытovanіи у даниаго народа. Оно можетъ также открыть условія измѣненія даниаго этнографическаго явленія, и эти факты могутъ иногда освѣтить и условія измѣненія обрядовъ и вѣрованій у малокультурныхъ народовъ. Но сущность обряда и вѣрованія откроетъ этнографу лишь сопоставительное изученіе характерныхъ чертъ даниаго явленія у многихъ народовъ, причемъ особенно плодотворные результаты дадутъ факты изъ жизни народовъ малокультурныхъ.

Методомъ изученія характерныхъ чертъ обрядовъ и представлѣній и вывода изъ нихъ сущности явленія удачно пользовался Д. К.

Зеленинъ, проработавши такимъ способомъ обширный материалъ, относящейся къ русскому и ишородческому населенію,—и въ этомъ мы видимъ большое значеніе настоящаго труда, надѣясь, что онъ найдетъ подражателей. Такой методъ изслѣдованія далъ ему возможность вывести въ первой части, что покойники въ представленіяхъ русскаго крестьянина дѣлятся на двѣ категоріи: „родителей“, благосклонно относящихся къ оставшимся живымъ, и т. н. „заложныхъ“, т. е. умершихъ неестественной смертью и опасныхъ своей злой для живыхъ. Указаніе на то, что и русскій народъ дѣлаетъ различіе между умершими естественной и неестественной смертью, очень важно для дальнѣйшаго изученія формъ культа мертвыхъ у русскаго крестьянина. Насколько намъ известно, при изученіи культа мертвыхъ и у народовъ малокультурныхъ на такое различіе, которое несомнѣнно существуетъ, не обращалось достаточночаго вниманія. Остается невыясненнымъ, почему умершіе неестественной смертью пользуются инымъ противъ обычного погребеніемъ и имъ опредѣляется не обычная съ другими участіемъ за гробомъ. Заложныхъ покойниковъ, какъ выясняетъ авторъ, не хоронили, во избѣженіе оскверненія земли, и погребенію такихъ труповъ приписывались вредные для пропрастанія хлѣбовъ осенне морозы. Позднѣе такие трупы стали выбрасывать въ рѣки, на болота, и погребенію ихъ на кладбищѣ приписывали появление засухи. Такое выбрасываніе издавна разсматривалось, какъ лишеніе погребенія, хотя трудно установить, было ли оно таковы въ прежнее время. Однако, заложные благодары бываютъ за погребеніе, и, какъ таковое, Д. К. Зеленинъ считаетъ обычай бросать разные предметы на могилы заложныхъ, а также и семицкіе обряды, когда и церковьправляла панихиды по умершимъ неестественной смертью. Семицкіе обряды являются „запоздалымъ представленіемъ заложнымъ покойникамъ тѣхъ похоронныхъ почестей, коихъ они лишины были въ свое время“. Веселье, сопровождающее семицкіе обряды, также и кулачные бои—пережитки языческой похоронной тризны. Веселье можно объяснить и иначе: „заложные, сохрания свой земной праѣ, испытываютъ весной потребность въ обычныхъ весеннихъ увеселеніяхъ деревенской молодежи; если имъ этихъ увеселеній не предложить, то они будутъ тосковать и, пожалуй, мстить“. Семицкіе обряды являются въ то же время выпроваживаніемъ заложныхъ, какъ особенно вредныхъ покойниковъ, т. к. заложные находятся, по мнѣнію автора, въ полномъ распоряженіи нечистой силы и являются сами представителями ея.—Во второй части своего изслѣдованія авторъ, путемъ тщательнаго установленія характерныхъ чертъ въ представленіяхъ о русалкахъ и обрядовъ, къ нимъ относящихся, приходитъ къ выводу, что русалки—заложные покойники, и что русальскіе обряды, совпадающіе по времени съ семицкими, имѣютъ цѣль увеселять русалокъ, тѣмъ ихъ умилостивить, а затѣмъ выпроводить ихъ въ лѣса, чтобы они не вредили ни лю-

дямъ, ни посѣвамъ. Въ этой части особенно ясно сказывается польза метода изученія по материалу, достаточно полному, характерныхъ чертъ явленія, причемъ изученіе представленій должно итти параллельно съ изученіемъ обрядовъ. Въ данномъ случаѣ передъ нами совершенно ясно становится неопредѣленность образа русалокъ по имѣющимъ записямъ. Неопредѣленность эта отчасти вытекаетъ изъ несовершенныхъ записей, текстъ которыхъ доказываетъ, что записывающей было подъ вліяніемъ литературныхъ образовъ. Но, кромѣ того, Д. К. Зеленинымъ открыто, что русалки, имѣя тѣсное отношеніе къ душамъ умершихъ, б. ч., умершихъ неестественной смертью, въ то же время могутъ быть сближены съ лѣсными и полевыми духами (сближеніе ихъ съ лихорадками, кажется намъ, основано лишь на вѣшнихъ признакахъ, сближающихъ всѣхъ духовъ и способы нанесенія ими вреда человѣку). Изученіе русальскихъ обрядовъ выяснило съ достаточной доказательностью, что они имѣютъ связь съ культомъ растительности, культомъ земледѣльческимъ и съ купальской обрядностью, на что Д. К. Зеленинъ указалъ и самъ на послѣдніхъ страницахъ своего труда, т. ч., какъ говорить онъ, „для полнаго пониманія русальскихъ обрядовъ необходимо одновременное изслѣдованіе всей весенней обрядности“. Мы позволяемъ себѣ высказать предположеніе, что русальские, семицкіе, весенне и другіе обряды, имѣющіе цѣлью содѣйствовать производительнымъ силамъ природы, слѣдуетъ сопоставить съ представленіями о періодическихъ посѣщеніяхъ покойниками живыхъ и обрядами, выражающими эти представленія. Эти обряды у народовъ малокультурныхъ (напр., у меланезійцевъ, племенъ пуэбло), такъ же какъ и у народовъ европейскихъ—фактами изъ быта послѣдніхъ надо, конечно, пользоваться съ величайшей осторожностью, тщательно очищая ихъ отъ позднѣйшихъ наслоеній и культурныхъ привнесеній—характеризуются довольно устойчивыми чертами. Покойники появляются часто въ видѣ маскированныхъ лицъ, обходять дома селеній, собираютъ подаваемые имъ съѣстные припасы, угощаются ими или раздаютъ таковые. Появленіе ихъ сопровождается шумомъ, крикомъ, комическими, часто грубоватыми выходками, оттого ли, что комический элементъ является, какъ говорить Вундтъ, естественнымъ противоположеніемъ серіознымъ эмоціямъ и, какъ таковое, изъ причинъ чисто психологическихъ, обыкновенно входитъ, какъ неизменная часть, въ нѣкоторые серіознѣйшіе обряды малокультурныхъ народовъ, или оттого, что этотъ комический элементъ играетъ самъ по себѣ обрядовую роль, преслѣдуя опредѣленную цѣль. Приходъ покойниковъ желателенъ, потому что благодѣтель: они приносятъ обилие, благополучіе, здоровье, повышаютъ производительныя силы природы и людей,—и въ этомъ отношеніи они близки къ т. н. „духамъ растительности“, въ зелень закутаннымъ или убраннымъ маскированнымъ лицамъ, обходящимъ селенія. Эта

роль—содѣйствовать производительнымъ силамъ природы—сказывается въ приговорахъ и пѣсняхъ этихъ гостей, въ обрядахъ стеганья зелеными вѣтками, въ ношениі съ собой и раздаваніи куколъ (магическое отношеніе между человѣческимъ изображеніемъ и дѣторождаемостью), въ воженіи съ собой животныхъ, имѣющихъ отношеніе къ плодовитости—живыхъ или въ изображеніи маскированныхъ лицъ: козы, осла и пр. Такова, думается намъ, и роль „кона“ въ нашихъ русальскихъ обрядахъ; подтвержденіе можно найти въ появленіи этой маскированной фигуры на свадьбахъ. Интересно, что, при этихъ обходахъ покойниками, ихъ благодѣтельному вліянію стараются подвергнуть дѣтей, м. б., какъ подрастающее поколѣніе, нуждающееся въ прибывающей силѣ (прибывающая сила дѣтей, въ свою очередь, есть залогъ благосостоянія общины): дѣтей выводятъ къ маскированнымъ личностямъ, приводятъ ихъ въ соприкасаніе съ ними, маскированныя лица ихъ одариваются (меланезійцы, пуэбло). Эти черты, м. б., объясняютъ намъ, почему некоторые обряды, описание которыхъ приведено Д. К. Зеленинымъ и которые ог҃ь относить къ поминкамъ заложныхъ покойниковъ, имѣютъ характеръ дѣтскихъ праздниковъ, соединены съ ярмаркой дѣтскихъ игрушекъ, сопряжены съ одариваніемъ дѣтей; почему въ одномъ обрядѣ проводовъ русалокъ изображающія русалокъ дѣвушки ловятъ дѣтей и „трясутъ“ ихъ, а въ другомъ ребятишки стараются подвернуться „русалкѣ“ съ просьбой: „пощекочи меня!“ Этотъ благодѣтельный приходъ покойниковъ, ихъ связь съ культомъ растительности и производительной силы въ ихъ настоящемъ свѣтѣ могъ бы выявиться намъ только путемъ сопоставительного изученія характерныхъ чертъ сюда относящихся представленій и обрядовъ у всѣхъ народовъ, которому должны предшествовать установление ихъ характерныхъ чертъ у отдельныхъ народовъ. Такимъ же путемъ слѣдовало бы выяснить положеніе умершихъ неестественной смертью. Можетъ-быть, оказалось бы, что такие покойники—не самые злобные и опасные, потому что они „находятся въ распоряженіи нечистой силы“, а болѣе могущественные, нежели другие. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ изучить отношеніе къ мертвѣцамъ по категоріямъ, соответственно роду ихъ неестественной кончины: самоубійцы, родильницы, утонувшіе, убитые молніей, погибшіе отъ того или другого звѣря и т. д. совмѣстно со взглѣдомъ на значеніе каждого рода смерти у отдельныхъ народовъ. Если бы можно было семицкіе и другие, напр., рождественскіе, обряды поставить въ связь, съ одной стороны, съ культомъ производительныхъ силъ въ природѣ, а съ другой—съ культомъ покойниковъ, которые, по исполненіи цѣли своего прихода, выпроваживаются живыми, то оставалось бы разрѣшить вопросъ, есть ли привлеченіе къ обрядамъ заложныхъ покойниковъ явленіе позднее, обусловливаемое смягченіемъ нравовъ, желаніемъ облегчить ихъ участъ, худшую въ сравненіи съ погребенными обыч-

нымъ порядкомъ—т. ч. заложные принимаются въ общую толпу мертвцевовъ—или же населеніе заинтересовано специально въ привлечениі душъ извѣстныхъ категорій, какъ обладающихъ болѣею силой. Выяснить пришлось бы и вопросъ, почему погибшіе неестественной смертью сначала не погребаются, а потомъ надъ ними совершаются погребеніе, какъ бы исправляя ошибку. Что касается до кулачныхъ боевъ, сопровождающихъ нѣкоторые относящіяся къ заложнымъ по-коиникамъ обряды, на которые Д. К. Зеленинъ смотрѣть, какъ на остатокъ языческой трины, мы позволимъ себѣ напомнить мнѣніе Фрэзера, которое кажется намъ болѣе удовлетворительнымъ: борьба въ видѣ ли кулачныхъ и другихъ боевъ, взаимнаго обстрѣливанія и пр., въ видѣ ли игръ, въ которыхъ выступаютъ состязающіяся лица или партіи, есть аграрный обрядъ, повышающій производительныя силы природы. Слѣдуетъ помнить, что борьба у многихъ народовъ есть одно изъ необходимыхъ увеселеній на свадьбахъ, т. е. входить въ свадебный ритуалъ, обыкновенно строго продуманный и имѣющій опредѣленную въ своей совокупности цѣль: содѣйствовать благополучію молодыхъ, дѣторожданости и хозяйственному благосостоянію. Небезынтересны и факты, приводимые Фрэзеромъ относительно употребленія, въ цѣляхъ повышенія производительныхъ силъ земли и охотничьей добычи въ Австраліи и въ Меланезіи, инструмента, именуемаго ревуномъ, издающаго при верченіи его въ воздухѣ сильный ревущій звукъ¹. Если разсматривать подъ этимъ угломъ зреінія свистъ, характеризующій вятскій праздникъ „свистуны“, придется видѣть въ немъ не „оберегъ отъ нечистой силы“, но переживаніе далекаго аграрнаго обряда, связанаго съ культомъ мертвыхъ и подкрѣплявшагося другими обрядами повышенія производительной силы и здоровья: боями, одариваніемъ дѣтей и пр. Повторяемъ: мы высказываемъ только предположеніе, что вначалѣ нѣкоторые обряды, относящіяся къ мертвцамъ, періодическое возвращеніе которыхъ къ живымъ было благодѣтельно для послѣднихъ, а не только имѣло цѣлью получение отъ оставшихся въ живыхъ пищи и другого вида понечепей, тѣсно были связаны съ обрядами, вызывающими ростъ производительныхъ силъ, благосостояніе, здоровье подрастающаго поколѣнія и т. д. Чтобы выяснить этотъ вопросъ объ отношеніи мертвцевовъ къ культу растительности и, въ частности, къ періодически появляющимся „духамъ растительности“, требуется тщательное изученіе относящихся сюда представлений и обрядовъ у разныхъ народовъ. Камень въ этотъ общиі трудъ, который можетъ быть исполненъ лишь многими этнографами, заложенъ обстоятельнымъ и методически проведеннымъ трудомъ Д. К. Зеленина.

В. Харузина.

¹ Frazer. The Golden Bough, v. V., p. 1. 1912, chap. III.

8. Н. Я. Никифоровъ. Анонскій Сборникъ. Собраниe сказокъ алтайцевъ съ примѣчаніями Г. Н. Потанина. Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Русск. Географ. О—ва. Томъ XXXVII). Омскъ, 1915. Стр. 293+XIV. Ц. 2 р.

Русская этнографическая литература обогатилась сборникомъ произведеній народнаго словеснаго творчества, заглавіе котораго только-что выписано.

„Анонскій Сборникъ“ носить на себѣ штемпель Отдѣла Географического Общества и редактированъ не кѣмъ инымъ, какъ заслуженнымъ этнографомъ—Г. Н. Потанинымъ¹. Онъ обладаетъ всѣми качествами трудовъ, выходящихъ изъ-подъ пера или подъ редакціей маститаго ученаго.

Въ коротенькомъ (всего полстраницы) предисловіи Г. Н. Потанинъ сумѣлъ сказать намъ ровно столько, сколько нужно знать, чтобы опредѣлить научную цѣнность проредактированаго имъ „сборника“. Оказывается, именно, что собиратель—природный алтайецъ, но настолько интеллигентный, что доставляетъ въ газеты литературный материалъ;—что онъ записывалъ на этотъ разъ фольклорный материалъ на мѣстномъ языкѣ;—что записи дѣлались со словъ опредѣленного лица—профессионального сказочника алтайцевъ въ совершенно опредѣленной мѣстности. Далѣе Г. Н. Потанинъ послѣдующую работу характеризуетъ такъ: „Записавъ сказку, Н. Я. Никифоровъ переводилъ ее на русскій языкъ. Онъ приходилъ ко мнѣ (я жилъ въ это время въ Аносѣ) рано утромъ и оставался до поздняго вечера; мы вдвоемъ и переводили; онъ передавалъ на русскій языкъ смыслъ фразы, а я исправлялъ слогъ. Къ сборнику я приложилъ свои примѣчанія“.

Передъ нами вырисовывается самый процессъ производства работы. И достаточно, собственно, намъ знать, что такъ рисуетъ этотъ процессъ такой добросовѣстный изслѣдователь, какъ Г. Н. Потанинъ, чтобы напередъ признать всю полноту научныхъ достоинствъ „сборника“. Но доказательства доброкачественности работы приносить и каждая страница „сборника“. Совершенно случайно раскрываемъ его на 22-й страницѣ.

Въ текстѣ читаемъ:

„... народъ привольно водворился“, а въ выноскахъ находимъ: при словѣ „народъ“—

„Въ подлишникѣ: арка юнъ—„спина народъ“ и при словѣ „привольно“—

„Въ текстѣ: токунаб—располагаясь поудобнѣе“.

¹ „Анонскимъ“ этотъ „сборникъ“ названъ, вѣроятно, въ pendant къ „Верхоянскому Сборнику“ И. А. Худякова, который также редактированъ Г. Н. Потанинымъ.

Еще читаемъ на той же страницѣ:

„На мужской сторонѣ (половинѣ) есть золотая тайга о восьмидесяти восьми углахъ“,

а въ выносѣ къ слову „половинѣ“ имѣется поясненіе:

„Лѣвая со входа половина алтайской юрты считается мужской, правая—женской; соответственно этому и небесное пространство дѣлится на двѣ половины или стороны, на мужскую и женскую. Такъ какъ алтайцы ставятъ свои юрты дверями на востокъ, то мужскую половиной неба будеть югъ, а женскую—сѣверъ“.

Наконецъ, тутъ же, при словахъ „передъ дверью“, читаемъ въ выносѣ поясненіе:

„Т. е. на востокѣ“.

Приведенныхъ указаний достаточно, чтобы видѣть, насколько тщательно вчитывался редакторъ въ тексты, которые онъ взялся просмотрѣть для печати, какъ глубоко понимаетъ онъ смыслъ, въ нихъ заложенный, и какъ старательно заботится онъ объ интересахъ ученыхъ читателей „сборника“.

И буквально во всемъ „сборникѣ“ нѣть двухъ страницъ рядомъ, которая не носили бы на себѣ слѣдовъ того, что работа выполнена не только добросовѣстно, но и кропотливо.

Но то, о чѣмъ шла рѣчь до сихъ поръ,—лишь кирпичи для возведенія нѣкоего зданія. Какъ мы показали, доброкачественны имѣнио эти кирпичи. Однако, слѣдуетъ отмѣтить, что маститый редакторъ этимъ не ограничился. Онъ выработалъ также и материалъ для сцементированія кирпичей и возвелъ самое зданіе. Въ „сборникѣ“ (стр. 255) мы находимъ общую характеристику міросозерцанія алтайцевъ и далѣе (стр. 263—293)—обширныя поясненія ко многимъ изъ приводимыхъ въ текстѣ сказокъ. Не упущена изъ виду также и немаловажная сторона доброкачественности подобнаго рода изданій,—сторона чисто вѣрпнняго характера: въ концѣ книги помѣщены указатели—собственныхъ именъ и предметный.

Въ „сборникѣ“ нашли себѣ мѣсто 10 сказокъ и 17 легендъ. За писаль весь этотъ материалъ Н. Я. Никифоровъ у татаръ (алтайцевъ) въ деревнѣ Аскатъ, въ 6 верстахъ отъ Аноса, на татарскомъ языке, при чѣмъ весь материалъ сообщенъ собирателю пѣвцомъ (кайчи) Чолтышемъ. Чолтышъ проживалъ въ Аскатѣ, и Н. Я. Никифоровъ, уроженецъ и житель Аноса, для записыванія материала время отъ времени уходилъ на 2—3 дня къ Чолтышу въ Аскатъ.

Изъ названнаго материала Г. Н. Потанинъ спабдилъ особыми примѣчаніями не каждую сказку и не каждую легенду; но зато имѣется въ книгѣ его „предисловіе“ къ „примѣчаніямъ“, дающее общую характеристику міросозерцанія алтайцевъ.

„Въ головахъ алтайцевъ“, — говорить онъ, — „хранятся двѣ традиціи рядомъ: одна — шаманская, другая — традиція сказочниковъ или рапсодовъ, по-алтайски — „кайчи“. Первая состоитъ изъ культовыхъ пѣсень, которыя поются шаманами по адресу боговъ подъ аккомпанементъ бубна, и изъ легендъ о шаманскихъ божествахъ. Въ составъ другой традиціи входятъ сказки о богатыряхъ, распѣваемыя речитативомъ подъ аккомпанементъ балалайки“ (стр. 255).

Развитію этой мысли и доказательству ея справедливости посвящена значительная часть „предисловія“ къ „примѣчаніямъ“, равно какъ и эти послѣднія. Авторъ при этомъ старается показать, какъ элементы того и другого міросозерцанія мигрируютъ: чисто сказочные мотивы вплетаются въ комплексъ шаманскихъ вѣрованій и, наоборотъ, отдѣльная шаманская вѣрованія фигурируютъ въ качествѣ сказочныхъ мотивовъ.

„Въ Монголії“, — читаемъ мы, напримѣръ, у автора на стр. 260, — „могли сначала жить культовая легенды о шаманахъ и о верховномъ божествѣ Курбистанъ-ханѣ; затѣмъ этотъ культь палъ, замѣнился какимъ-то другимъ, а весь комплексъ культовыхъ легендъ сдѣлался достояніемъ свѣтскихъ разсказчиковъ“.

Между прочимъ, свою мысль авторъ подкрѣпляетъ утверждениемъ, будто „въ настоящее время, гдѣ шаманство еще въполномъ дѣйствіи, вы повсюду найдете, что шаманская пѣснопѣнія не составляютъ удѣль однихъ профессионаловъ-шамановъ: въ остальной массѣ населенія вы найдете множество молодыхъ людей мужескаго и женскаго пола, которые знаютъ наизусть длинныя шаманская пѣсни, умѣютъ пѣть ихъ и аккомпанировать на бубнѣ“ (цитир. мѣсто).

По этому поводу я считаю нужнымъ замѣтить, что въ одномъ хорошо извѣстномъ мнѣ случаѣ не наблюдается указываемаго Г. Н. Потанинымъ явленія: весьма немногіе якуты и якутки знаютъ наизусть кое-что изъ шаманскихъ заклинаній, свѣдѣнія эти у нихъ отрывочныя, исполнять ихъ по-шамански они не умѣютъ, и такія знанія распространены больше среди людей въ возрастѣ или даже ста-риковъ, нежели среди молодежи.

Но, конечно, это мое указаніе отнюдь не подрываетъ справедливости основной мысли автора: диффузія между комплексомъ культовыхъ идей и комплексомъ сказочныхъ мотивовъ несомнѣнно наблюдается именно повсюду.

Какъ извѣстно, Г. Н. Потанину принадлежитъ первое мѣсто въ ряду знатоковъ фольклора Сѣверной и Средней Азіи. Свѣдѣнія его въ этой области колоссальны. Съ другой стороны, у него всегда проявляется склонность къ сближеніямъ. Въ разматриваемой работѣ эти черты маститаго этнографа — налицо.

Нечего и говорить, что на каждомъ шагу мы встрѣчаемъ здѣсь сближенія между фольклоромъ различныхъ народовъ, населяющихъ

азіатскія степи и плоскогорія. „Въ съверномъ Тибетѣ въ монастырѣ Гумбу́мъ“, — говоритъ онъ, напримѣръ, на стр. 262—263, — „отъ монголки отъ озера Хуху-поръ я записалъ сказку, очень похожую на вышеприведенную о Ховугу... Озеро Хуху-поръ, на берегахъ котораго родилась монголка, рассказавшая эту сказку, находится на разстояніи 2.000 верстъ отъ стойбищъ Хотогойто, откуда былъ разсказчикъ, сообщившій сказку о Ховугу. Несмотря на это разстояніе, въ обоихъ вариантахъ сохранилось указаніе, что дѣвицы эти“ (персонажъ сказки) „были Ногонъ-дара и Цаганъ-Дара“.

Но нѣтъ недостатка и въ болѣе смѣлыхъ сближеніяхъ. Для цѣлей обобщенія привлекается авторомъ фольклоръ: и „кавказцевъ“ (стр. 258 и др.), и финскій (стр. 256 и др.), и русскій (стр. 258 и др.), и общеевропейскій (стр. 256 и др.), и общеславянскій (стр. 290), и индійскій (стр. 275), и египетскій (стр. 283), и нѣмецкій (стр. 282), и якутскій (стр. 284), и фольклоръ иркутскихъ крестьянъ (стр. 285), — шаманскій культь сопоставляется съ ламайскимъ и буддійскимъ (стр. 259), — наконецъ, не упустиль авторъ коснуться и своей излюбленной темы — сближенія христіанскихъ легендъ съ восточными (стр. 271—272).

Конечно, только специальное изслѣдованіе можетъ раскрыть въ каждомъ отдельномъ случаѣ внутреннюю цѣнность сближеній, на которыхъ не скучится нашъ маститый этнографъ. Какъ на образчикъ умозаключеній, ожидающихъ своей оцѣнки со стороны специалистовъ, укажемъ на слѣдующее (стр. 260—261): „Вѣ по-монгольски значитъ шаманъ; это слово въ монгольскихъ рукописяхъ пишется бугэ, но произносится бѣ; въ древности оно и произносилось бугэ. Тере, которое встрѣчается въ составѣ хобдоскаго имени шамана, вѣроятно, не что иное, какъ турко-монгольское тэгри „небо“, которое варіруется такимъ образомъ: тенгиръ, тенгре, тере (къ съверу отъ хребта Ханъ-хухей озеро Дери-поръ „небесное озеро“), теръ (въ вершинахъ рѣки Хуахема озеро Терь-поръ, „небесное озеро“). Не изъ этихъ ли данныхъ бугэ и тере (теръ) составился терминъ богатырь?“ ¹

Самъ авторъ иногда въ подобныхъ случаяхъ даетъ указанія будущимъ критикамъ своихъ ученыхъ сопоставленій. Такъ, онъ говоритъ (стр. 264): „у русскихъ для Ориона въ числѣ другихъ именъ“ (встрѣчаемъ) „название Коромысло. При усвоеніи монгольскихъ словъ турками, монгольское х переходитъ въ к, монгольское окончаніе при-

¹ Ср. еще стр. 275—276, гдѣ китайское имя Ъли-я (по предположенію — имя Христа) черезъ Ъри-я сближается съ монгольскимъ Аръ-я, а персонажъ подъ этимъ именемъ — съ Аръя-Бало индійской легенды. — Замѣчу здѣсь же, въ выносѣ, что монгольскія, турецкія, китайскія слова приводятся въ сборникѣ въ транскрипціи буквами русскаго алфавита, а не въ академической, китайской и т. д., что, конечно, немало затруднитъ ученыхъ филологовъ, критиковъ сборника.

лагательныхъ ту переходить въ лу, поэтому монгольское хормусту въ турецкомъ перейдетъ въ кормуслу, что близко къ русскому имени Ориона, но это можетъ быть очень счастливое, но всетаки случайное совпаденіе. Тутъ мы натыкаемся на вопросъ, что легче допустить, переходъ ли архаического варварского имени созвѣздія на предметъ домашняго обихода, или, наоборотъ, переходъ имени домашней вещи на созвѣздіе?

Въ заключеніе остановимся на крупнѣйшемъ обобщеніи, дѣлаемомъ Г. Н. Потанинымъ изъ сопоставленія различныхъ турецко-монгольскихъ преданій какъ культового, такъ и сказочнаго характера:

„Будущій ростъ сбора тюрко-монгольскихъ преданій можетъ дать возможность обобщить два грандіозныхъ образа, проглядывающихъ въ ордынскомъ фольклорѣ. Одинъ изъ нихъ—образъ первого и самаго могущественнаго шамана, стремящагося уничтожить смерть на землѣ, другой—могущественнаго богатыря-стрѣлка, который ставить своей задачей истребить на землѣ все живое. Оба они протестуютъ противъ творца міра и вступаютъ съ нимъ въ борьбу. Въ преданіяхъ можно найти переходы отъ одного образа къ другому. Близости этихъ двухъ образовъ отвѣчаютъ и сходныя черты въ терминологіи“ (стр. 260).

Можетъ-быть, въ приведенной цитатѣ заключается наиболѣе цѣнное изъ всего, что даетъ намъ рассматриваемая книга.

Нельзя обойти молчаніемъ, что съ вѣнѣніей стороны эта книга оставляетъ желать многаго. Въ ней слишкомъ много типографскихъ погрѣшностей. Встрѣчаются дефекты и иного рода. Такъ на стр. 269—270 читаемъ: „см. статью Васильева „О шаманской мантѣи въ трудахъ музея Петра I“. На самомъ дѣлѣ не въ „трудахъ музея Петра I“, а въ Сборникѣ Музея по Антропологии и Этнографіи имени Императора Петра Великаго при Академіи Наукъ (вып. VIII I-го тома) напечатана работа В. Н. Васильева и подъ заглавіемъ не „О шаманской мантѣи“, а „Шаманскій костюмъ и бубень у якутовъ“.

Н. Виташевскій.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Отдѣленіе Этнографіи Русскаго Географическаго Общества постановило временно прекратить изданіе „Живой Старины“ въ виду чрезвычайнаго вздорожанія цѣнъ на печатаніе и на бумагу.

Редакція.

Нѣсколько легендъ Шенкурскаго уѣзда Архангельской губерніи.

Помѣщаемыя здѣсь легенды записаны мною въ іюнѣ 1916 года въ деревнѣ Заберезовской Шахановской волости Шенкурскаго уѣзда Архангельской губерніи отъ неграмотнаго 75-тилѣтнаго старика Ивана Алексѣевича Коптяева. И. А. Коптяевъ кромѣ того спѣлъ мнѣ рядъ духовныхъ стиховъ и рассказалъ нѣсколько сказокъ, заговоровъ и много другого.

1. Богъ и Сатанилъ¹.

Сперва Божь шол по водѣ, как по сушѣ кто бы шол. А плывёт гагара. „Кто ты есь передо мной?“—Я Сатанил—сам себѣ имя нарекъ. „Будеш ли Меня слушать?“—Не знаю—говорит—буду ли слушать.—(„Не знаю“ грѣхъ это слово говорить: это Сатанила первое слово).—Госпоть говорит: „Сотворим землю“.

— А это—говорит—дороднѣ.—„Есть земля под водою дак достань“ говорит: „ее, так сотворим“.

Укурнул он, этот Сатанил-то, и набрал земли, добрался. Выкурнул, выполоскала землю-то... и не мок вытащить.

— „Благословись“, говорит, „у Меня, так достанеш у Меня“. А Сатанил сказал:

— По словеси по Твоему.—Он укурнул.

— Я ужо под ноктям и в рот накладу. Я ужо увижу, как сotворяет и я стану сotворять.—Вытряс на длань Госпоть, дунул и разрослась земля, и у его² заросла земля, ево начало раздувать землей-та.

Было и сонче сotворено и мѣсчиц. Землю пополам раздѣлили. „У Меня на восточѣ“ Госпоть говорит: „А твоя на западѣ; а Я прямо тебя буду“. На отдохновеніе легли. Госпоть пополам раздѣлили, спич наколотили, легли... и потомъ Госпоть пробудился: „Как бутто меныше половина у меня кажется“ и спрашивает: Мѣсчиц, ты свитил всю ночь, лукавый не переколотил у меня спич“.—Я говорит—не знаю.—„Соньце, ты не видѣл не знаеш ли?“ А соньче отвѣчаѣт—А чюл у мѣсчиця, что он переколотил спиччи.—„Будь ты соньце праведно: правду

¹ Названія легендъ мною самимъ придуманы, а не записаны отъ сказителя.

² γ=г фрикативное.

сказал, а тебѣ мѣсиш переминиваться через 3 недѣли, через
четыре быть новому, умирать. Пусть мучиться за тѣ грѣхи, почто не
сказал правды".

2. Сколько разъ слѣдуетъ въ день ъсть.

[Спрашиваетъ Господь] ¹ „Адамъ часто ли тебѣ ъсть надо? По
однево въ гот?“—Мало.—„По два раза въ гот?“—Мало.—„По 3 раза въ
гот?“—Мало.—„По однево въ мѣсяц?“—Мало.—„По 2 раза въ мѣсяц?“
—Мало.—„По 3 раза въ мѣсяц?“—„По однево въ недѣлю?“—Мало.—„По
2 раза въ недѣлю?“—Мало.—„По 3 раза въ недѣлю?“—Мало.—„По однево
въ день?“—Мало.—„По 2 раза въ день?“—Будет.—А лукавый стоитъ, слу-
шытъ: „Попроси ешо паѣжнить“. По три раза ъсть въ день излишне:
лукавый-то велѣлъ попросить.

3. Адамъ и Ева.

[Богъ спрашиваетъ]. „А кто будетъ набольшыи, Ева или ты Адаме?“
Ева—говоритъ—ты какъ будешъ надъ мужемъ распоряжаться?“ А Ева и
говоритъ:—Я такъ буду распоряжаться: какъ хочу, такъ и поворочю, что
задумаю, такъ по моему бы и было. — „Адамъ—говоритъ—ты какъ будешъ
надъ женой распоряжаться?“—Я—говоритъ—смотря по дѣлу: что ладно
дѣлаетъ, такъ и дѣлай, а не ладно, такъ я буду научать ея въ общую
думу; вообще, который лучше вздумаѣтъ.—Согрѣшили онъ. Она здѣлась
ногая. Здѣлась ночь. А лукавый подошолъ: „У васъ дѣти пойдутъ, такъ
ты пропиши: живые такъ твои, а мертвые такъ мои“. Вотъ онъ [Адамъ] по-
думалъ.—„Прописывай скорѣе, а то я уйду. Я свѣту дамъ, а не то я и
свѣту не дамъ: все ночь будетъ“. Ушъ скоро ушъ станетъ свѣтать. Взялъ
[Адамъ] крови, изъ безымянного пѣрсту добылъ, и прописалъ своїй кровью:
онъ испужался темно-то будетъ. Господа съ неба-то и зашолъ.

Вѣть всѣ и праведные и грѣшные въ аду были.

4. Святой старецъ и разбойникъ.

Шоу разбойникъ за рѣку, сѣкъ лисину и перешолъ. Пришолъ въ горотъ
воровать, онъ и попался—убили ево. Опослѣдъ ево шолъ старецъ, за рѣку
перешоу и говоритъ: „Спаси Господи и помилуй того человѣка, который
переходъ за рѣку сѣкъ, лисину. Какъ живъ—дай ему Господи доброво
здравья, душново спасенія, въ дѣлахъ поспѣщенія; а какъ померъ—дай
Господи царства Божія, рапа пресвѣтлово, гдѣ праведные души опо-
чиваютъ“. Онъ быу убитый: убили этого разбойника. Ангели Господни

¹ Въ фигурныхъ скобкахъ заключены слова, вставленные мною по памяти для
ясности.

ему нишшу приносили этому старцу. Онъ троє сутки летали—душа разбойника в адъ была—онъ троє сутки летали, душу вынесли изъ муки. Прилетѣли, старецъ и говоритъ: „Ангели Божіи, што же ко мнѣ долго не летали, забыли мя“. Онъ отвѣчаетъ:—„Ты сказаў:—Спаси Госиоди, помилуй этово человѣка, дай ему царьствія Божія, рая пресвѣтлово,—а намъ надолго родилось за душой-то летать: ты сказалъ только одно слово, а намъ надолго родилось: она в адъ была, такъ мы доставали у нехорошыя.“

5. Наказанная жадность.

Нищіі спятъ. А ему сыну-то, молодицѣ, не надо, чтобы нищіі спали. Старики ушли пировать къ жонкѣ, а онъ молодыя остались домовницать, заперлись: хоть одна ночь ночевать безъ нищихъ. Проходяга и колотится: „Э, хозяинъ, пусты ночевать“. Онъ отвѣчаетъ:—Нѣтъ, намъ хоть одна ночь ночевать безъ нищихъ-та.—„Да пустите,—я скажу, такъ не будутъ нищи спать“. Вотъ онъ и обрадѣли:—Какъ вѣдѣли, что не будутъ нищи спать?—„А зареди, говоритъ, ружье. Станетъ солнышко-то сходить, ты и стрили въ солнышко-то, такъ ни будутъ нищи спать“. Стало соўнышко всходить. Онъ стрѣлилъ въ соўнышко, въ три голоса и заривѣли въ зъ голоса Отецъ и Сынъ и Духъ Святый. Отецъ носилъ рожъ, Сынъ носилъ жыто, Духъ Святый овесъ—хлѣба не убывало у старика.

Старикъ съ старухой пришли домой, да мало и жыли, померли, а у сынаничко и не стало, хлѣба не стало. Ушолъ на чужую сторону и домъ пустой сталъ,—и нищимъ спать не въ чемъ.

6. Убійца родителей.

Бывальщикъ.

Былъ у отца былъ сынъ. Все по вечерефкамъ ходилъ. А имъ [родителямъ] не гленитъся: они браняться. „Я убью ихъ!“ Отчя, матерь убилъ, теперь некому браниться. Пожылъ. „Эхъ“, говоритъ, „я грѣхъ экой здѣлалъ, отчя матерю убилъ, что же за это мнѣ будѣтъ!“ Ушолъ каяться свещенику: „Отецъ духовной цокай меня“.—Ну какіе грѣхи? сказывай. —„Отчя матерь убилъ“.—Нѣтъ,—говоритъ—я этимъ грѣхамъ не знаю прощенія, священникъ отвѣчаетъ: Поди—говоритъ—есть старецъ молитца въ такомъ-то мѣстѣ, такъ онъ можетъ знаѣтъ прощенія этимъ грѣхамъ.—Колотитъся у кельи: „Отче старечъ, пусты меня. А я грѣшный человѣкъ иду каяться“. Старецъ келью отперъ, пусты ево, крестъ евангелье на налой ныне и—„Сказывай, какіе грѣхи“.—„Вонъ—говоритъ—отчя матерь убійца“.—Нѣтъ—говоритъ—я этимъ грѣхамъ не знаю прощенія. Поди въ такомъ-то мѣстѣ есть старечъ, онъ Божью половину знаѣтъ, онъ скажетъ.—Онъ опять добрался до кельи. Колотится: „Отче старецъ, пусты меня“. Старецъ

отвѣчает.—Кто есь?—„Грѣшный человѣк, иду каюсь“. Он келью отпер, крес, евангелье вынес на налой.—Какіе грѣхи? сказывай.—Он говорит: „Отца, матерь убиў“, каєтца.—Я—говорит—не знаю этим грѣхам прощенія. Стань же на то мѣсто, гдѣ я молился.—Ну он стал на то мѣсто, гдѣ молился этот старец стоял. Он вышел на улицы, тот старечь, и говорит:—Господи, твой раб пришол каетьсѧ.—Господа с небеси опустился и стал перед икону прямо к образам, спиной к иконой и говорит:—Какіе грѣхи? сказывай—(Он сам Господа: креста в рукѣ не держит). „Вот, говорит, отца и матерь убил“.—А,—говорит,—летите ангели за отцом, за матерью, несите сюда.—Онъ 3 минуты слетали, поставили их тут рядом.—Проси у отца и матери. Я прощу.—Вот он им кланяется: „Отец и матерь простите за то, что я вас убил“ (как живые стоят: души не умирают). А они отвѣчают:—Мы молоды были, хотѣлось нам пожыть. Не простим грѣхов.—Господа и говорит:—Отлетите же в то мѣсто гдѣ-ка были.—А были онъ в оду.—Господи, простим мы сыну-то грѣхи, избави нас тово мѣста.—И муки вѣчныя избавились. Они ему грѣхи простили, и Господа им простили.

7. Христосъ и апостолы.

Бывальщина.

Господа по землѣ ходил с апостолами. Пришол к богачу, почевать просился. „Куды—говорит—вас такая артель, беспокоится“. Он [Господь] за то золотыя вороты ему дал:—На, богатый, на сѣм свѣтѣ.—Попол к вдовицѣ, та пустила ночевать: „Подите, добрые люди, ночуйте“. У неї был мальчик. У вдовицы ночевали.—Мы, хозяйшка, не знаем дороги, койда итти.—Она мальчика послала. „Поди, говорит, проводи добрых людей, койды надыть“. За рѣку итти-то надыть. Господа послал ангела смертоносно, спихнул ево съ переходу—утонул парнѣк. Апостолы жалѣютъ: „Господи, вот богач не пустил, так тому золотые вороты дал, а вдовица пустила, за то сына взял за ноцлек“. — Нѣт, говорит,—друзи мои, апостолы, не жалѣйте сына. Богач не пустил, так пусть богатѣет не сѣм свѣтѣ, а там будет мучиться. А вдовица пустила, будѣт царствовать, и сын будѣт царствовать, а как бы большой вырос, согрѣшыл, так не будѣт царствовать, для тово и спихнул, а топеря будѣт с матерью царствовать.—Попали за милостиной. Пришли в дом, пришли. Обѣдают—ничиво не дали. Господа Бога за то не дал им хлѣба-соли. В другой дом [апостолы] пришли. Сміются, разговаривают. Тѣм хлѣб-соль дал и апостолы хлѣб-соль дают. Вышли, на улицах и спрашывают Господа: „Господи, что же мы пришли в ызбу—онъ хлѣб ѣдят,ничиво не говорят, а им хлѣб-соль не дал“. — А вот онъ друк на друшку осердились, потому и хлѣба-соли не дал. А тѣ за простыя серьча радѣют, друк друшку

любыят, хоочут, тѣм и хлѣп-соль дал. — Идут опять путём дорогой. Женщина рубахи моет на праздник. Господь говорит — Буть она проклята! Эку душыну распустила! На праздник моет рубахи. — Дальше идут. Дѣвица младенца давит. Той Бог помошь даў: — Бог помошь — говорит — давить та. Отошли, апостолы и спрашивают: „Вѣть это грѣх от большой: младенца давит, а тут вѣть рубахи давит, это меньшый грѣх“. — Нѣт, друзья мои, она вить какую душыну роспустила — грѣхом не считает: На праздник грѣх от работать. А дѣвица, та будет до смерти каяться, докули жива, все у ней на умѣ будѣт.

8. Откуда произросли картофель и табакъ.

Не зная правда ли?

Царевна со псом созналась. А тут няньки доказали: она пса кормила. Государю сказали, что твоя дочь со псом живёт. Он в пройму посмотрѣл. Она там пса кормила, и пес на нее вскочил. Вот когда сам увидѣл, приказал, чтобы пса и ее зарыли в землю. От пса картофель выросла, а от нее табакъ.

У нас принужденіе было от начальства: картофель садите — хлѣба замѣна. А дѣдушка не любил и не ъл. „Какая картофель, рѣпка надѣть“.

Послѣднія двѣ легенды записаны отъ неграмотнаго крестьянина деревни Кузелевской (Хабарово) Ямскогорской волости Шенкурскаго у. Константина Матвѣевича Клементьева.

9. Кузьма и Димьянъ — ремесленны боги ¹.

Вот Кузьма и Димьянъ онѣ занималися кузовом — кузнецы были. Ковали не корыстно; ковали только залѣзо, а к стали залѣзо не могли припоять. Была у них кузинка. Вот и куют, маются, а сварить не могут. Изнемогли над этим дѣлом. Пошли домой отдыхать. А бѣс на встрѣчу и пал трудничкам, встрѣтает и посмѣвается: „Ну, сковали?“ Онѣ молчат: значит не сковали, нечево говорить-та. Вот потом эк повторилося трижды — все он над има трунил. Потом они наутилися труднички. Вот он в остатній рас и встрѣтил их. „Ну, что, трудниськи, сковали?“ — Да, сковали. — А потом, как отвѣтили, он и сказал: „А, сковали, видно уш в песок макали. Научилися ковать, как слѣдуэт“. Один говорит: — Воротимся, испытаем. Ну, давай-ка подувайко. — Один подуват. Как из горла выйдет — так в песок. Начало пламя, искры... Стальну штуку как приложили. Сталь и залѣзо приворилось к песку-то.

¹ Название этой легенды дано самимъ сказителемъ.

10. О Пресвятой Богородице.

Это было. Да вот один человѣк жил со своей женой. Жена была набожна и была блаураумна. Там мужычок жил богато и потом по пьянству всѣ деньги пропил. Плохо ему зажилось. Однажды он пришол в кабак. Весь день просидит, деник нѣт, а выпить охота. Так пошол, запеялся: деник нѣт, продать нѣцово. „Кто бы, говоритъ, деник дал, дак жону бы продыл бы“. Потом идёт дорогой и встрѣцает человѣка. —Што, — говорит, — думыл?— „А думыл, говорит, надыть сказать по правдѣ, кто денек дал бы, так я свою жену бы продал“. —Дам—говорит — только приведи жену на такое-то число. Поутру вставай на зорѣ, веди жону.—По указанну им в такое-то мѣсто. Он сказал: „Гдѣ ты деньги возьмёш?“—Я тебѣ—говорит—выкопаю клат, что денек страшно много—говорит. Вот живут. Жона и таково дѣла не знает, что он так еѣ продал. Потом строк истёк. Потом надуть вести жену на указанно мѣсто. „Пойдём, говорит, жона, в одном мѣстѣ есть у нас за полянкима клат большой. А бис тебя—говорит—не даётся и мы—говорит—получим его, много денек получим, ты сама видиш, так как нам живёться плоха. Тогда будем жыть хорошо“. Потом жона пошла. Хърашо, идёт муш и жена за јим. Такой жоны кроткой жалко стало, ну что ж дѣлать? При пути была церькофь, храм Божій. Вот она мужу объяснила:— „Супруж—говорит—я схожу в церькофь помолиться, а ты обожди минуточку.—Он говорит: „Иди“. Она зашла в храм и усердно поклонилася Пресвятой Богородицѣ. Молилася и плакала, да во слезах она и заснула. Потом жалялася Пресвятая Богородица над женщиной, обофор (sic) на себя накинула и пошла. Потом муш стоит, дожидаится жоны и дождался—думыл, что жона. И пошли, гдѣ указано мѣсто, а духа злобы ешшо нѣт. Вдруг подынудася страшная буря: нацело лѣс ломить. И хот прилетает дух.—Привѣл—говорит — жону.—Он выспугъ молчал. Потом быстро поскоцил, думат, что жена его, и она осѣнила его благодатей. Он отскоцил от неё на много стадей.—Ах, ты,—говорит,—подлец! ты не жону свою привѣл, а ты привѣл Мати Иисуса Назарея.—Итак, это дѣло узнав, дух и так быстро поскоцил к мужыку с яросъем. И потом Пресвятая Богородица мужыка зашитила и так что свой обохор поднела, и так что дух злобы поскоцил насколько стадей, и зжемля разверзлась и здѣлалася ущилина, подземелье. В ету яму он ввернулся и пропал. Потом и скрылась Пресвятая Богородица в тот момент. Потом мужык понел, что зашитила жону Пресвятая Богородица. Тогда мужык усердно замолился о своём прегрѣшени. Да пошол мимо церкви, жона выходит ис церкви, так что он выспугъ нечево жонѣ не сказал, и пошли они домой и стали жыть и ушердно трудиться и повели благоестивую жысть. Роспутную жысть мужык бросил. Итак, жысь пошла. Тѣм и кончилось. Это было, и таким опытом Бог и наставил.

Записалъ П. Богатыревъ.

Мелкія замѣтки о черемисахъ.

I.

Черемисы въ жертву приносятъ птицу, называютъ: „овечье рожденіе“. Эту птицу чистятъ дома и варятъ; когда мясо сварится, выносятъ въ стаю. Въ стаѣ разводятъ огонь и ставятъ на него котель. Потомъ собираютъ дѣвокъ и молодыхъ ребятъ¹. Сперва собираются въ избу; потомъ хозяйка ихъ выгоняетъ въ стаю. Молодые ребята и дѣвки на четверенькахъ, какъ овечки, бѣгутъ въ стаю, а старикъ, самъ хозяинъ, кричитъ—ихъ, какъ овечекъ, зоветъ въ стаю. Дѣвки и ребята бѣгутъ въ стаю на четверенькахъ, обходить три раза вокругъ котла, потомъ все садятся и начинаютъ кушать мясо, а кости кладутъ на крышу. Когда скушаютъ, встаютъ все и опять начинаютъ бѣгать вокругъ костра на четверенькахъ. Бѣгаютъ и кричатъ по-овечьи. Это затѣмъ такъ дѣлаютъ, чтобы полна стая овечекъ была. Дѣвокъ больше бываетъ, а ребятъ меньше. Дѣвокъ больше—такъ овецъ больше рождается; ребятъ меньше—такъ барановъ меньше рождается. Какъ это окончается, такъ дѣвокъ и ребятъ хозяинъ выгоняетъ на улицу, какъ овечекъ. Потомъ расходятся по домамъ.

II.

Проводы клоповъ.

Черемисы клоповъ такъ провожаютъ. Всей семьей бѣгаютъ вокругъ избы верхомъ на палочки. Одинъ изъ нихъ держитъ въ руки, завернувъ въ бумагу, пару клоповъ. Поютъ пѣсни, пляшутъ, играютъ на скрипкѣ и балалайкѣ. Потомъ идутъ къ рѣчкѣ, сажаютъ клоповъ на щепку, капаютъ капли три крови и говорятъ: „Ну, клопы, вотъ вамъ гостинцы—кровь. Вы плывите теперь дальше отъ насъ, поѣзжайте въ городъ; тамъ въ городѣ живутъ богатые люди—они пьютъ и ъдятъ сладко; у нихъ кровь гуще и много слаще, чѣмъ у насъ“. Когда пускаютъ на рѣчку, играютъ на скрипкѣ и балалайкѣ. Это дѣлаютъ для того, чтобы въ избѣ не было клоповъ. Если послѣ этого времени не будетъ клоповъ, говорятъ: „Мы теперь проводили клоповъ въ городъ“.

¹ Т. е. парней; см. ниже. Ред.

III.

Черемисы такое поминовение дѣлаютъ покойникамъ¹. Собираются, всѣ нарядные, и идуть на кладбище. Туда приводятъ чернаго быка и тамъ, возлѣ кладбища, рѣжутъ. Разводятъ огонь и ставятъ котлы, варятъ мясо, потомъ идуть вокругъ поля, и будто какъ сбальба² бываетъ: очень много народа—поютъ пѣсни и пляшутъ, съ музыкой и барабаномъ. Вокругъ поля ходятъ пѣшкомъ, берутъ съ собой пиво и вино. Въ полѣ на каждомъ пенькѣ зажигаютъ свѣчки и бросаютъ блины. Оттуда идуть съ пѣснями и пляской, съ музыкой и барабаномъ. Всѣ три поля обходятъ, потомъ опять приходятъ на кладбище. Когда мясо сварится, бросаютъ по могиламъ мясо и блины. Тогда говорятъ такъ: „Или безъ отца родившіе есть или безъ родственниковъ есть, или болѣе тысячи лѣтъ лежащіе въ землѣ есть—вотъ вамъ мясо и блины; кушайте!“ Зажигаютъ свѣчки вокругъ кладбища, возлѣ городьбы³ или на городьбѣ и говорятъ такъ: „Въ нашихъ поляхъ посѣянные хлѣба не трогайте и въ амбара не трогайте! Мы вамъ чернаго быка зарѣзали — кушайте мясо и блины. Будьте спокойны, живите на хорошемъ мѣстѣ!“ Разрѣзываютъ лентами бычью шкуру и вѣшаютъ вдоль городьбы.

IV.

Черемисы покойникамъ годовые поминки такъ дѣлаютъ. Когда сорокаденные поминки были: ему (покойнику, *ред.*) одѣжу—рубашку, штаны, кафтанъ, кушакъ, шапку и варежки (*сдѣлали?* *Ред.*). Эту одѣжу кладутъ на любимую лошадь покойника и ведутъ ее на кладбище. Вокругъ кладбища три раза проводятъ, потомъ привязываютъ къ столбу. Зажигаютъ восковую свѣчку, кладутъ тутъ блины и говорятъ покойникамъ: „Мы тебѣ годовая поминки дѣлаемъ и привели лошадь, которую ты любилъ“. Потомъ идуть домой и лошадь уводятъ. Когда придутъ во дворъ, тотчасъ же рѣжутъ, созываютъ много гостей изъ сосѣднихъ деревень, варятъ помногу мяса и поминаютъ покойника, зажигаютъ свѣчу восковую, кладутъ блины и мясо и говорятъ: „Кушай блины, кушай мясо! Мы твою лошадь не запрягали, не ъздили на ней,—вотъ теперь уведи ее къ себѣ!“ Эти поминки продолжаются до тѣхъ поръ, пока не кончится мясо, что тянется 8—12 дней.

Когда окончатся поминки, кости лошади кладутъ на могилу, а голову вѣшаютъ на лѣсинѣ. Шкуру продаютъ и на эти деньги дѣлаютъ бѣднымъ и сиротамъ одежду.

¹ Въ записи: „поминальной сбальбу дѣлаютъ покойникамъ“. *Ред.*

² Свадьба? *Ред.*

³ Возлѣ городьбы вокругъ кладбища? *Ред.*

V.

Мы, черемисы, молимся такъ. Мы вѣдь присаживаемся на колѣни и, не крестясь, одними поклонами, вѣдь до единаго усердно просимъ Бога, чтобы онъ простилъ намъ грѣхи и дать здоровье намъ и нашему скоту, послалъ намъ урожай хлѣбовъ и сохранилъ наше отъ бѣдствій. Мы благодаримъ Бога за вѣдь прежнія милости и молимся о здравії Царя, Наслѣдника, за отечество и все воинство, за начальство, за всѣхъ добрыхъ людей и за умершихъ. Мы, черемисы, кромѣ Бога, не признаемъ никого. Усердно молимся только одному Богу и приносимъ Ему жертву за вѣдь милости и за сотвореніе міра. За сотвореніе міра приносимъ вѣдь жертву жеребенка. Мы сами одѣваемъ бѣлъя, чистыя рубахи (вѣдь бѣлыхъ рубахахъ за естественной надобностью выходить запрещается). Жеребенка окачивають чистою водой, и если жеребенокъ при этомъ встряхнется, то его можно заколоть, а если не встряхнется—нельзя: значитъ, Богъ не принялъ. Этого жеребенка надо замѣнить другимъ. При моленіи зажигаютъ самодѣльную восковую свѣчу.

Богъ сотворилъ міръ вѣдь шесть дней, и мы приносимъ Богу жертву за каждое твореніе отдельно. Первую жертву—за сотвореніе міра. Вторую—за то, что Богъ показалъ намъ солнце и свѣтъ; солнце приносимъ намъ тепло, и мы приносимъ бѣлую нетель. Третью—чернаго быка—за созданіе земли; земля намъ родить хлѣбъ и всякия деревья и цвѣты. Четвертую—красную нетель—за то, что Богъ посыпаетъ намъ вѣтеръ и очищаетъ отъ всякой духоты. Эти жертвы мы приносить одному Богу, называемъ „большимъ моленіемъ“. Молимся вѣдь моленой рощѣ, жертвы приносимъ вѣдь году одинъ разъ, съ 1-го до 22-го юня. Женщины у насъ на молитву не ходятъ, потому что у нихъ бываетъ всякое бремя(?). Если во время моленія кому-нибудь захочется на дворъ, то рубашку мѣняютъ, а послѣ купаются вѣдь водѣ, обмояются, какъ слѣдуетъ чисто, и тогда идутъ на моленіе. Когда идетъ сильное моленіе, бываетъ тишина, и никто другъ съ другомъ не разговаривають; вѣдь глядять прямо на свѣчу и кланяются. Жертвенное мясо варять вѣдь моленой рощѣ и, когда мясо сварится, начинаютъ моленіе. Сваренное мясо кладутъ возлѣ свѣчки. По окончаніи моленія начинаютъ єсть мясо, кости собираютъ, кладутъ вѣдь огонь и покрываютъ шкурой. Когда шкура горить, сильно молятся и примѣчаютъ, какой бокъ шкуры раньше прогоритъ. Радуются, если раньше прогоритъ правый бокъ, говорятъ: „Слава Богу,—правый бокъ раньше прогорѣлъ: значитъ, жертва угодна Богу. Прежде старики говорили, что если дымъ столбомъ поднимается, то жертва угодна Богу, а если по землѣ стелется, то—неугодна.

VI.

Бывает еще такое моленіе. Выносятъ блины на чистое мѣсто и ставятъ на бѣлый холстъ. Собираются всей семьей, одѣтые по моленіному обряду: чистая, бѣлая одежда. Присядутъ на колѣни передъ блинами и дѣлаютъ поклоны всѣ въ разъ. Одинъ изъ нихъ бываетъ „читатель“, куго-учо—дѣлаетъ много поклоновъ. Когда кончатъ молиться, сядутъ рядомъ, всѣ молчатъ— полная тишина. Потомъ куго-учо разрѣшаетъ говорить и ъсть блины. Поядятъ блиновъ и расходятся. Это—еженедѣльное моленіе, происходитъ по пятницамъ. Свѣчъ при этомъ не зажигаютъ.

Сообщилъ Трофимъ Мендіяровъ.

Роды у байтовъ.

(Обычай и зناхарство во время родовъ).

Нижеприведенные рассказы записаны мною со словъ, Балдынъ ламы, хошуна Захачин Гун'a 40 лѣтъ, проживающаго среди байтовъ на р. Хангельцыкѣ, въ хошуунѣ Түмн-Баир Гун'a уже 8 лѣтъ и занимающагося лѣченіемъ, преимущественно акушерствомъ; онъ пользуется въ околоткѣ извѣстностью, какъ хороший массажистъ (конечно, для монголовъ). Всѣ нижеприведенные рассказы мнѣ пришлось слышать два раза у постели моей жены: я приглашалъ его два раза.

Въ критические моменты онъ и предлагалъ эти услуги и совѣты, которыми, къ счастью, не пришлось воспользоваться.

Во время родовъ байтка должна стать на колѣни, руками опираться на поставленный передъ ней арыкъ (корзина) и, какъ только ребенокъ рождается, немедленно выпить чашку сырой холодной воды, которая будто бы содѣйствуетъ скорому отдѣленію послѣда (1). Немного погодя перевязываютъ пупокъ „кѣ цоголнѣ“, ниткой, приготовленной изъ жилъ крупныхъ животныхъ — быковъ, лошадей, „шурбүсн“ (2), и тотчасъ же родильницѣ даютъ теплого бульону, приготовленного изъ бараньяго мяса, обязательно безъ соли. Въ первыя сутки родильницу кормятъ только этимъ бульономъ и даютъ немного варенаго нежирнаго бараньяго мяса (3).

На вторыя сутки даютъ уже некрѣпкій чай съ молокомъ, тоже обязательно безъ обычныхъ монгольскихъ приправъ — соли и солонца, „дабас, булгүцѣ или бултѣ“ (4). Выходить изъ юрты для естественныхъ отпрѣленій родильницѣ не воспрещается, только заставляютъ тепло одѣваться и голову закрывать наглухо.

По мнѣнию байтовъ, у родильницы щель черепнаго шва расширяется во время родовъ, благодаря чему родильница можетъ легко простудиться.

Первые три дня часто запрещаютъ заходить постороннимъ въ ту юрту, гдѣ находится родильница съ новорожденнымъ; у богатыхъ и князей это часто длится по нѣскольку лѣтъ, „кѣлцертѣ“ (5), какъ говорятъ байты.

Послѣ того, какъ отрѣзана пуповина, ребенка завертываютъ въ шкурку молоденькаго барашка; потомъ, немного погодя (при правиль-

ныхъ родахъ), послѣ уборки послѣда, ребенка снова завертываютъ въ свѣжую шкурку; въ это время вокругъ пупка обвертываютъ промасленную вату; это будто бы способствуетъ скорому подсыханію и отпаденію пупка (6).

По прошествіи трехъ дней, въ назначенный ламами (буддійскими монахами) счастливый часъ, ребенка моютъ въ первый разъ. Первое обмываніе ребенка должна сдѣлать обязательно бабушка, т. е. тотъ человѣкъ, который перерѣзывалъ пуповину; обязательно приглашается лама для совершенія молитвъ освященія ванны (7).

Вода для первой ванны приготавляется обязательно кипяченая; въ нее при кипяченіи кладется немного вереску, „арцѣ“, соли, семь ячменныхъ зеренъ и двѣ ножныя кости того самаго барана, который былъ заколотъ для родильницы; все это кипятить.

Кости кладутъ для того, чтобы у новорожденнаго не было ревматическихъ болѣзней, „кі ѿ бчін“; соль—для того, чтобы не было накожныхъ болѣзней; ячменные зерна—для того, чтобы у новорожденнаго было много потомковъ.

Послѣдъ „хойткі“ завертываютъ въ тряпку или коніму, по возможности чистую, кладутъ подъ сидѣніе или около родильницы и такъ хранять три дня, то-есть до обмыванія ребенка. Послѣ омыванія послѣдъ сразу закапываютъ въ землю на томъ мѣстѣ, гдѣ происходили роды (8). Сперва выкапываютъ ямку, на дно бросаютъ ячменные зерна, затѣмъ бросаютъ „дѣлцн шороб“ (9), святой землицы, сверху послѣдъ покрываютъ пятицвѣтными шелковыми лоскутками, потомъ уже засыпаютъ землей.

При перекочевкѣ на другое мѣсто, надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ засыпанъ послѣдъ, сверху сооружаютъ изъ глины миніатюрную „цацѣ“ (буддійская часовенка).

Хлѣбныя зерна кладутся для того, чтобы еще рождались дѣти у родильницы; разноцвѣтные шелка—для того, чтобы новорожденный жилъ богато; святая землица—для освященія и очищенія мѣста.

Цацѣ воздвигается для воздѣйствія на подземныхъ духовъ-драконовъ (лѣс), чтобы они не могли причинить зла новорожденному и родильницѣ.

Если у новорожденнаго долго не заживаетъ ранка пупка, то родильница чешетъ себѣ гребнемъ голову, оставшіеся въ гребнѣ вычески своихъ волосъ, „сѣб“, сжигаетъ и оставшійся отъ нихъ пепель смѣшиваетъ съ мелко истолченнымъ чаемъ; этимъ порошкомъ и присыпаетъ ранку пупка, которая, по словамъ нашего ламы, отъ такой присыпки очень скоро зарубцовывается.

Если почему-либо не выходить послѣдъ, то косу родильницы сгибаютъ вдвое и даютъ ей глотать. Если это не помогаетъ, то веревку съ верхушками аила „бркѣн бсур“ протягиваютъ снаружи въ двери аила и конецъ ея кладутъ въ ступу и толкуютъ пестомъ (10). Если и

это не помогаетъ, то бѣгутъ къ старшему ио годамъ брату или другому какому-нибудь родственнику родильницы— „на ўацхѣ“ за его уздой; удила этой узды накаливаютъ въ огнѣ и ими снаружи прожигаютъ нижнюю конопчную покрышку аила, „түрбѣ“, напротивъ родильницы (11).

Если у новорожденаго случаются запоры (нашъ лама ихъ называлъ „біці“ или „тахл“), то въ такихъ случаихъ берутъ новую иглу, вдѣваютъ въ нее красную нитку, потомъ иголку и нитку пачкаютъ сажей, прокалываютъ этой иглой переносъ ребенка промежъ глазъ и продерживаютъ нитку.

Это лѣченіе лама горячо рекомендовалъ намъ продѣлать надъ нашимъ ребенкомъ и увѣрялъ, что дѣти его легко переносятъ, и что онъ много разъ примѣнялъ его на практикѣ (12).

Конечно, я спросилъ у него, нѣтъ ли болѣе естественаго лѣченія, и онъ мнѣ сказалъ, что отмѣнно хорошо помогаетъ только что падоенное парное молоко бѣлой коровы.

Желая провѣрить разсказанное Балдынъ ламой, я обратился къ банткамъ, работающимъ у меня на шерстомойкѣ.

Онъ всѣ хошуна Түмн гүига.

Амбѣлд 49 лѣтъ, имѣла 12 дѣтей; 9 живы, изъ нихъ 6 сын.

Дакай	38	”	”	5	”	4	”	”	”	3	”
Цонай	44	”	”	1	”	1	”	”	”	1	”
Бодай	52	”	”	3	”	1	”	”	”	1	”
Цібзѣ	50	”	”	5	”	5	”	”	”	3	”
Субүд	27	”	”	1	”	1	”	”	”	1	”

Разспрашивалъ я также одну женщину йілбѣ хошуна халхасскаго Го-вана.

Примѣчанія вышенназванныхъ женщинъ:

1) Йілбѣ говорила, что у нихъ (т. е. у халхасцевъ Дзасахтухановскаго аймака) въ воду подмѣшиваютъ солопецъ „хупур“; тогда еще скорѣе отдѣляется послѣдъ:

2) Всѣ бантки, говорили, что предпочтительнѣе конскія жилы, потому что у лошадей роды бываютъ всегда легкіе.

Даже когда бываютъ тяжелые роды, то около родящей разстилаютъ конскую шкуру, чтобы родильница на нее смотрѣла; тогда роды облегчаются.

Также полезно по спинѣ родящей проводить шкуркой бѣлки и натирать спину масломъ.

3) Бантки всѣ запротестовали.

Въ первый день бульону не даютъ, а даютъ только нежирное баранье мясо (и то еще часто хорошенѣко выжимаютъ и вымываютъ въ кипяченой водѣ, чтобы не было въ мясе жирныхъ соковъ) да не-крѣпкій чай съ молокомъ, безъ соли и солонца, а бульонъ даютъ уже послѣ 3-го дня.

4) Бултä, или булгүцä байты называют „мёсүн хүцир“ ледяной или каменный солонецъ; его въ чай кладутъ наравнъ съ солью, будто бы для вкуса; съ солонцомъ чай наваривается крѣпче. Это, я думаю, объясняется просто тѣмъ, что растворившися въ водѣ солонецъ придаетъ ей красноватожелтый цвѣтъ.

Каменный солонецъ байты добываютъ изъ небольшого озерка, находящагося недалеко отъ р. Нарин, въ кочевьяхъ байтскаго князя Түдүп гүцä. Каменный солонецъ развозится далеко за кочевья байтовъ. Китайцы охотно покупаютъ его въ Улясутаѣ, Кобдо и везутъ даже до Гучена; они употребляютъ его при печеніи хлѣба (какъ поташъ), для стирки бѣлья и мытья рукъ (какъ мыло).

Это интересное миниатюрное озерко, въ окружности не болѣе одной версты, неистощимо; изъ него добываютъ массу бѣлыхъ каменныхъ глыбъ вѣсомъ въ шесть и болѣе пудовъ; словомъ, можно добывать какіе угодно цѣльные квадраты. Это озерко на нашихъ географическихъ картахъ не отмѣчено, и его едва ли посѣтилъ кто-нибудь изъ нашихъ ученыхъ путешественниковъ. Это—своего рода рѣдкость и ждѣть своего ученаго изслѣдователя.

5) Байтки протягиваютъ надъ дверями шнурокъ между двухъ палокъ, прикрепленныхъ по бокамъ дверей; на шнурѣ посрединѣ вѣшается бѣлый лоскутъ. Это—знакъ, что здѣсь родильница.

6) Байтки говорятъ что лучше накладывать на пупокъ паховую железу барана „чіцрхѣ“, продѣливая въ ней отверстіе для пупка.

7) Приглашенный лама, часто случается, даетъ имя новорожденному, но это не всегда; нареченіе имени необязательно; его могутъ произвольно дать родители и родственники ребенка сразу послѣ рожденія или же по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ. Одному и тому же ребенку до совершеннолѣтія и послѣ возмужалости перемѣняютъ нѣсколько именъ, по случаю болѣзней и т. п.¹

8) Байтки говорятъ, что если такъ и дѣлаютъ, то не всегда чаще послѣдѣй хоронятъ въ степи, на хорошемъ, указанномъ ламами, мѣстѣ и сверху сразу же устраиваютъ „цацѣ“; разноцвѣтные шелка не кладутъ, остальное же все кладутъ вышеупомянутымъ способомъ.

Послѣдѣй онѣ считаютъ наравнѣ съ покойникомъ и похоронамъ его придаютъ большое значеніе: отъ этого зависитъ будущее родильницы и потомства.

Одна изъ женщинъ—„Амбѣлн“—говорила: „Вотъ я во время

¹ Мѣня имя и одежду, монголы этимъ обманываютъ принеший недугъ. Въ этомъ вопросѣ у нихъ полный хаосъ.

Метрическихъ записей или чего-нибудь подобнаго не существуетъ; поэтому я смѣло могу утверждать, что точнаго числа монгольского народа никто не знаетъ. Это явленіе—общее для всѣхъ монголовъ, а не для однихъ байтовъ.

послѣднихъ родовъ не побереглась и не досмотрѣла сама, а послала свою маленькую дѣвчонку; она куда-то закопала въ худое мѣсто: вотъ я до сихъ поръ и маюсь. Это—все равно, что бросить покойника на плохомъ мѣстѣ. Если хорошее мѣсто, то и оставшіеся потомки будутъ жить хорошо, а если худое, то замаются въ конецъ. Такихъ примѣровъ у насъ въ хошунѣ сколько угодно“.

9) Дѣлн— освѣщается въ буддійскихъ монастыряхъ на особыхъ молебствіяхъ. По окончаніи молебствія вѣрующимъ и раздаются эту землицу.

10) Бантки говорятъ, что у нихъ въ ступѣ бсур не толкнуть, а даютъ его родильницѣ въ ротъ глотать такъ же, какъ и косу.

11) Бантки говорятъ, что у нихъ этого обычая нѣть, а есть другой: опояской старшаго родственника „наѣцхѣ“ подпоясываютъ родильницу.

12) У бантовъ этого обычая нѣть; онъ называютъ „біці“ не запоръ, а поносъ. Его лѣчать такъ: берутъ кусочекъ серебра и проводятъ имъ ребенку по переносью нѣсколько разъ,—вотъ и все лѣченіе.

Халкаска Іціб ї говоритъ, что у нихъ послѣдь закапываютъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ происходили роды, но при кочевкѣ не воздвигаютъ „цацѣ“, а просто надъ тѣмъ мѣстомъ зажигаютъ верескъ, надъ курящимся верескомъ кружатъ ребенка и восклицаютъ: „хурѣ!“, т. е. просятъ божество ниспослать всякия блага. Послѣдь завертываютъ обязательно въ чистую бѣлую тряпку.

Халхасцы новорожденныхъ моютъ бульономъ съ тѣми же приправами, какъ и у бантовъ. Это—первая и послѣдняя ванна въ жизни халхасца и халхаски.

У бантовъ же дѣтей продолжаютъ мыть до двухъ-трехлѣтняго возраста чрезъ каждые три дня обязательно кипяченой водой или же бульономъ, или сывороткой, оставшейся послѣ куренія вина изъ молока.

При первомъ признакѣ желанія новорожденного поѣсть, ему суютъ, по словамъ бантокъ, въ ротъ кусочекъ жири отъ курдюка барана. Этотъ кусочекъ жири и служить новорожденнымъ пищѣ въ теченіе первыхъ 2—3 дней до появленія въ грудяхъ матери молока.

Если у родильницы груди сильно нагрубѣютъ, то считается полезнымъ спускать ихъ въ холодную воду, но если это помогаетъ при нагрубаніи, то вредить потомъ: молоко пропадаетъ безвозвратно на всегда; поэтому бантки стараются избѣгать этого способа лѣченія, отдавая молоко или давая отсасывать чужому ребенку. Одна бантка мнѣ говорила, что въ такихъ случаяхъ лучшее дѣлать примочки чаемъ съ солью,—это не вредить молоку.

Бантъ Араси залн, онъ же и костонравъ „отѣ чї“, передавалъ мнѣ, что зимою часто задержаніе послѣда происходитъ благодаря

простудѣ родильницы. Въ такихъ случаяхъ немедленно рѣжутъ барана, тотчасъ же сдираютъ съ него шкуру, разстилаютъ ее, затѣмъ немедленно распарываютъ барану животъ, достаютъ оттуда брюшину „гүзс“, вываливаютъ изъ нея на овчину горячее содержимое, покрываютъ его сверху надбрюшинной сальной перенонкой „семцѣ“, на это сажаютъ родильницу, плотно обвертываютъ ее кругомъ овчиной и подпоясываютъ: Послѣ нѣкотораго времени сидящая въ необыкновенной ваннѣ начинаетъ сильно потѣть,—тогда послѣдъ легко отдѣляется. Рассказчикъ говорилъ, что самъ примѣнялъ это средство на практикѣ.

Кромѣ того, онъ разсказалъ о старинномъ обычай джунгаръ, который сейчасъ почти забыть; среди байтовъ его исполняютъ еще развѣ нѣкоторые князья. Для родильницы стелютъ бѣлую кошму, сверхъ кошмы посыпаютъ ячменныя зерна и немного сухого бараньяго навоза „хордѣсц“, иѣсколько корешковъ растенія „луршү“, все это сверху покрываютъ бѣлымъ полотномъ и потомъ уже вышесказанымъ способомъ сажаютъ сверху родильницу.

Во время перевязки пупка бабуника должна говорить слѣдующія слова:

јесн мүгѣ чатхў кігѣт
кўмн едтў ѿзбтѣ
хотл чўлхў болтхѣ;
зўн үл ахў бўгет
зун намрїгѣ ўзхў болтхѣ.
Амн-чїн гўр хар чолўнас батѣ
јізбўр ўндўсн чїн ўйтѣ цафан
обснас олом болтхѣ.

Рассказчикъ говоритьъ, что у него была старая книжка, написанная по-ойратски (по-калмыцки); въ ней то и заключалось это.

Когда я спросилъ, какой заголовокъ книжки, онъ мнѣ сказалъ: „Помнится, будто бы „Оточі бурхўн айден“—повѣданіе Оточи-бурханомъ—цѣлителемъ; впрочемъ, не знаю хорошо, пѣ помню, а гдѣ эта книжка сейчасъ, не знаю. Она у меня валялась и кто-то утащилъ; такъ она и затерялась“. Это—характерный примѣръ отношенія малголовъ къ памятникамъ литературы.

Байки: когда рождаются двойни, то раскалываютъ топоромъ и выбрасываютъ подпорку въ аилѣ, „бахан“—дѣлая видъ, что рѣжутъ въ длину красной ниткой въ томъ мѣстѣ, гдѣ есть раздвоеніе, „ацѣ“, ко-

Будь девять золь мгущимъ побороть, будь приносящимъ счастье людямъ и дѣлу, стань собирателемъ всего совершенного; чтобы тебѣ стоять прожить и увидѣть сто осеней. Жизнь твоя да будетъ тверже чернаго камня-валуна, а родъ твой—поколѣніе да будетъ многочисленнѣе тонкой бѣлой травы¹.

¹ Очень похожее пожеланіе произносятъ при рожденіи и обрѣзаніи пуповины Гесеръ-хана, см. Я. И. Шмидтъ. Подвиги... героя Богды Гесеръ-хана. СПБ. 1836, стр. 10 (монг. текстъ) и I. J. Schmidt. Die Thaten Bogda Gesser Chan's. Eine Ostasiatische Heldenage. St. P. 1839, p. 15 (переволь):

торое упирается въ кругъ аила, „харачи“.—Это дѣлается для того, чтобы раздѣлить жизнь близнецовыхъ. По понятію байтовъ, разъ родились вмѣстѣ, то у нихъ и жизнь одна. Послѣ этой процедуры жизнь должна разъединиться.

Байтки: отиавшую пуповину мальчика не бросаютъ; отецъ носитъ ее на шеѣ зашитою въ тряпичку, какъ талисманъ, дѣлающій его не-нобѣдимымъ на судѣ.

Байтки: дѣти, родившіяся въ сорочкѣ, считаются счастливыми. Сорочку просто не разрываютъ на ребенкѣ, а разрѣзываютъ (дѣлаютъ видъ) серебряной серыгой матери или вообще серебромъ. Сорочку завертываютъ въ чистое и хранятъ.

Если родится въ сорочкѣ дѣвочка, то ее нельзя отдавать замужъ въ другой хошуунъ, а то она можетъ унести съ собой счастье всего хошуна въ чужой.

Байтки хранять кость, которая была положена въ первую ванну, и если ребенокъ будетъ внезапно пугаться и кричать, то въ такихъ случаяхъ достаточно только положить эту кость около ребенка: пройдетъ. Если случится у ребенка болѣзнь ушей, золотуха, „булук“, то въ такихъ случаяхъ эту кость разбиваютъ и находящійся въ ней мозгъ пускаютъ въ уши ребенку. Это хороше помогаетъ.

Запись сдѣлана на р. Хангильцыкъ (С.-З. Монголія, кочевья байтовъ) въ юлѣ 1912 г.

А. Бурдуковъ.

Секта „кугу-сартъ“.

Секта „кугу-сартъ“ имѣеть распространеніе главнымъ образомъ среди черемисъ Уржумскаго уѣзда, Вятской губерніи, и, какъ мнѣ кажется, кромъ ея adeptовъ, мало кому извѣстна, а потому я считаю не безполезнымъ сообщить о ней то, что я знаю.

„Кугу-сартъ“ въ переводѣ на русскій языкъ значить „большая свѣча“ и, какъ сказано выше, обозначаетъ название секты числящихся язычниками черемисъ, религіозныя воззрѣнія которыхъ сводятся къ признанію единаго Бога, которому во время моленій приносятся безкровныя жертвы; послѣднія составляютъ коренное отличіе отъ религіознаго культа остальныхъ черемисъ, приносящихъ при моленіяхъ въ своихъ „священныхъ рощахъ“ („кереметь“) кровавыя жертвы, закалывая для того овецъ, телятъ и другихъ, преимущественно молодыхъ животныхъ и птицъ, тутъ же съѣдаемыхъ за общей трапезой. Кстати будеть сказать, что черемисы чтуть многихъ христіанскихъ святыхъ и въ особенности св. Николая чудотворца; всѣ черемисы, какъ кугу-сарты, такъ и остальные, называютъ себя послѣдователями „авраамской“ вѣры; тѣмъ не менѣе и несмотря на ихъ монотеизмъ, официально они причисляются къ язычникамъ; нѣкоторые же, и тоже по недоразумѣнію, называютъ ихъ даже идолопоклонниками, хотя идоловъ у нихъ нѣть, и имъ они, само собою разумѣется, не поклоняются.

Въ общемъ, нравственный обликъ послѣдователей „кугу-сартъ“ стоить значительно выше, чѣмъ у остальныхъ ихъ соплеменниковъ; они не пьютъ вина, не курятъ, не играютъ въ карты; растенія они относятъ къ одухотвореннымъ созданіямъ Бога, связаннымъ съ почвой; только крайняя необходимость заставляетъ ихъ, поэтому, срубать деревья, и большинство кугу-сартовъ оставляетъ на каждой своей полосѣ земли въ полѣ хотя бы по одному дереву.

Одинъ встрѣченный мною послѣдователь „кугу-сартъ“ задалъ мнѣ вопросъ, почему не только люди, но и животныя обладаютъ не-одинаковыми душевными качествами: одни добры, другіе злы; и самъ же далъ отвѣтъ, сказавъ: „по-нашему, въ воздухѣ есть два какъ бы газа (начала), которые при вдыханіи вліяютъ на мозгъ и сердце и людей и животныхъ, и оба различно: одинъ способствуетъ развитію дурныхъ наклонностей, другой—хорошихъ, добрыхъ; нѣкоторые усваиваютъ въ большей степени первый, другіе—послѣдній, и, сообразно съ этимъ, одни становятся злыми, другіе—добрными“.

Послѣдователей секты „кугу-сартъ“ около 100.000 человѣкъ.

В. Посниковъ.

Гольдекія сказки.

Предлагаемые сказки гольдовъ записаны мною лѣтомъ 1913 и 1914 гг. Дѣѣ сказки записаны со словъ гольда Баря въ стойбищѣ на р. Уссури, противъ русского казачьяго пос. Верхне-Михайловскаго. Хотя это стойбище находится па китайской территории, но гольды поддались здѣсь болѣе русскому вліянію, чѣмъ китайскому. Баря довольно бойко говорить по-русски. Онъ уже не разъ рассказывалъ русскимъ свои гольдекія сказки на русскомъ языке и среди мѣстнаго казачьяго населенія слытъ за хорошиаго сказочника. Ему 52 года. Собственныя имена какъ въ его сказкахъ, такъ и въ сказкахъ другихъ разсказчиковъ я записывалъ такъ, какъ они ихъ выговаривали. Баря, напримѣръ, говорилъ „Мэргэ“, а Павель Бельды иногда выговаривалъ „Марго“, иногда же „Мэргэ“.

Второй мой сказочникъ—Павель Бельды изъ стойбища Тауди на р. Тунгузкѣ, всего въ 25 верстахъ отъ г. Хабаровска. Ему 19 лѣтъ. Онъ также удовлетворительно говорить по-русски, и поэтому сказки записаны непосредственно съ его словъ.

Со словъ Павла Бельды.

Жилъ храбрый и удалый гольдъ Мэргэ. Никогда онъ не ходилъ на охоту съ кѣмъ-нибудь въ компаніи, а всегда одинъ. Постоянно онъ билъ множество разнаго звѣря и никогда не зналъ неудачи. Всѣ сосѣди боялись Мэргэ и уважали его. Приходитъ однажды храбрый Мэргэ съ охоты къ своей юртѣ и замѣчаетъ, что тамъ кто-то лежитъ. „Кто бы это могъ быть“, подумалъ Мэргэ и приподнялъ наддверную цыновку; видитъ онъ, что лежитъ на его постели совсѣмъ необыкновенный человѣкъ: халатъ на немъ серебряный и свѣтлый, какъ солнце, волосы на головѣ сѣдые. „Кто же это такой—Богъ или чортъ? Должно быть, чортъ“, подумалъ Мэргэ и хотѣлъ заколоть его. Но только замахнулся онъ гидою, какъ человѣкъ въ свѣтломъ халатѣ говорить ему:

— Дуракъ, я слышалъ, что ты храбрый и удалый гольдъ, полюбили тебя и хотѣлъ наградить тебя свѣтлымъ халатомъ. Онъ далъ бы тебѣ силу, никогда бы не изнашивался, и ты въ немъ никогда бы не старился, не хворалъ, и смерти тебѣ не было бы. Но ты хотѣлъ меня убить. Поэтому получишь только саблю. Но помни твердо, что когда ты потеряешь саблю, то умрешь“.

Живая Старина, 1916 г. Прилож. № 6.

Сказалъ и исчезъ, а сабля осталась. Взялъ ее Мэргэ и часто ходилъ съ нею на охоту.

Случилось быть Мэргэ однажды на „каза“ (поминкахъ). Долго хозяева угождали гостей и поили ханшиною. Напились всѣ отъ малаго мальчика до старика и стали надѣ Мэргэ смѣяться:

— Ты считаешься у насъ храбрымъ, а не сходить тебѣ на „сусу“¹. Ниже насы по Амуру есть старая деревня. Всѣ люди тамъ вымерли, такъ какъ появились тамъ „буссеу“². Трупы сейчасъ еще валяются. Если ты, дѣйствительно, храбръ, то сходи туда и принеси оттуда что-нибудь».

Не хотѣлось Мэргэ показать себя трусомъ, и онъ рѣшилъ побывать на „сусу“. Запрягъ онъ въ нарту лучшихъ собакъ и поѣхалъ. Поѣхалъ Мэргэ ночью къ старой деревнѣ, зашелъ въ крайнюю юрту и слышитъ, что она полна „буссеу“. Вынулъ Маргб изъ кисета огниво и ударилъ о кремень, но „буссеу“ во всѣхъ углахъ тоже стали бить огнivами. Зажегъ Маргб огонь и видѣть множество „буссеу“. Страшно ему стало, но все-таки онъ захотѣлъ поѣхать дальше и захватить что-нибудь въ доказательство, что онъ былъ въ „сусу“. Но какъ только сѣлъ Маргб на нарты и закричалъ собакамъ „та, та!..“—какъ кто-то ухватился сзади за нарты и затормозилъ. Вспомнилъ Мэргэ о своей саблѣ, вынулъ ее и размахнулся ею назадъ. Тамъ что-то отвалилось, и нарта быстро понеслась впередъ. Пріѣхалъ Мэргэ домой, а тамъ его уже ждутъ сосѣди. Посмотрѣли они на задки нарты и ужаснулись: на задкахъ остались какія то двѣ желѣзныя руки.

— Чьи это руки?—стали спрашивать сосѣди. И Маргб рассказалъ имъ все подробно. Долго дивились сосѣди и хвалили Мэргэ за храбрость и удальство, а желѣзныя руки повѣсили на со³. Ровно три года висѣли онъ, но какъ только въ одну ночь исчезли, такъ исчезла у него и сабля, и самъ онъ вдругъ умеръ.

Со словъ Павла Бельды.

Жилъ Маргб одинъ далеко отъ людей. Была у него большая хорошая юрта, а амбаровъ со всяkimъ добромъ было больше ста. Все время онъ охотился и билъ множество всякаго звѣря.

— Не пойду сегодня въ лѣсъ,—подумалъ Маргб и остался въ юртѣ. Долго спалъ онъ и когда проснулся, то увидалъ, что къ его юртѣ кто-то подходитъ. Пришедшій поздоровался и сталъ жаловаться, что у него кто-то укралъ жену.

¹ Старое, заброшенное жилье, на которомъ, по вѣрованію гольдовъ, живутъ черти, питаящіеся человѣческимъ мясомъ.

² Черти.

³ Сушила для юколы.

— Поѣдемъ вмѣстѣ, я тебѣ помогу найти,—сказалъ Маргбѣ пришедшему. Переиночевали они и утромъ на слѣдующій день пошли.

Долго ъхали они, и вдругъ попадается навстрѣчу имъ старуха. Стали они спрашивать ее.

— Не знаешь ли, кто похитилъ у меня жену?—спросилъ мужъ. Старуха сказала, что за болѣшимъ озеромъ живетъ могучій богатырь, который недавно проѣхалъ домой и везъ съ собою много женщинъ. Поняли Маргбѣ и потерявшій жену мужъ, что этотъ богатырь похитилъ и ту, которую они ищутъ.

Поѣхали они, куда указала имъ старуха, и черезъ три дня, дѣйствительно, выѣхали на большое озеро. На берегу этого озера они увидали большую юрту, въ которой жилъ богатырь Сагдѣ-Муха. Не успѣли они и подѣхать къ юртѣ, какъ Муха выскочилъ имъ навстрѣчу. Но мужъ испугался богатыря и сталъ прятаться за Маргбѣ. Тогда Маргбѣ схватилъ свою гиду и вступилъ въ бой съ Сагдѣ-Муха. Долго они дрались. Но какъ только сломается гида или сабля у богатыря Сагдѣ-Муха, сейчасъ же дочь его подаетъ ему новую, а Маргбѣ никто не помогаетъ. У него уже давно поломалась и гида и сабля. Вотъ, Маргбѣ подумалъ про себя: „Неужели у меня нѣть никого, кто бы мнѣ хотя немногій помогъ?“ И какъ только онъ подумалъ, сейчасъ же прилетѣла утка и человѣческимъ голосомъ проговорила:

— Тебѣ не убить богатыря Сагдѣ-Муха оружиемъ, но у него есть маленькое пятнышко на лбу, которое одно только непокрыто желѣзной кожей. Набери больше слюны и плюнь ему въ лобъ, если попадешь въ пятнышко, то онъ умретъ.

Маргбѣ сдѣлалъ такъ, какъ сказала ему утка: съ силою плюнуль онъ Сагдѣ-Муха какъ разъ въ середину лба. Закачался богатырь и упалъ мертвымъ.

Взялъ Маргбѣ дочь и всѣхъ женъ Сагдѣ-Муха, а также и ту, которую они съ мужемъ искали, самого же мужа онъ взялъ въ „няка“ (рабомъ). Хотѣлъ было Маргбѣ ъхать домой, по утка еще разъ заговорила человѣческимъ голосомъ:

— Не торопись возвращаться домой. Ты долженъ найти богатыря Алхѣ-Муханъ, который убилъ твоего отца, когда еще ты былъ маленькимъ мальчикомъ, а мать твою онъ до сихъ поръ держитъ у себя.

— Какъ я найду Алхѣ-Муханъ? спросилъ Маргбѣ утку.

— Иди по берегу этого озера три дня, а на четвертый выйдешь на рѣчку. Поднимись по этой рѣчкѣ, и первая юрта и будетъ самая, въ которой живетъ Алхѣ-Муханъ.

Посадилъ Маргбѣ на лодки весь свой народъ и поѣхалъ туда, куда указала ему утка. На четвертый день онъ, дѣйствительно, достигъ указанной рѣчки. Поѣхалъ онъ по этой рѣчкѣ и черезъ девять дней увидалъ большую юрту. Увидалъ ихъ Алхѣ-Муханъ, выбѣжалъ навстрѣчу и сталъ громко кричать:

— Зачѣмъ ты ъдешь ко мнѣ, несчастный Маргѣ? развѣ ты не знаешьъ, что сильнѣе меня нѣть никого среди гольдовъ? я убью тебя и твое мясо брошу на съѣденіе „буссеу“.

Вышелъ Маргѣ на берегъ и пошелъ навстрѣчу Алхѣ-Муханъ. Завязалась у нихъ драка. Долго дрались они, но никто не могъ осилить другого. Вдругъ прилетѣла утка, которая раньше говорила по-человѣчески съ Маргѣ, а за ней цѣлая стая воронъ. Громко закричала утка, обращаясь къ Маргѣ:

— Лови, Марго, скорѣе яйцо, которое я тебѣ брошу, но не дай упасть на землю и пугни хорошенько воронъ. Это яйцо не простое: въ немъ находится „эргэнѣ“ (душа).

Поймалъ Маргѣ яйцо и крѣпко держить его въ рукахъ, а Алхѣ-Муханъ заплакалъ горькими слезами и говорить:

— Отдай мнѣ это яйцо, а возьми всѣхъ моихъ дочерей и женъ.

— Нѣть, не дамъ я тебѣ его. Ты убилъ моего отца и мучилъ мою мать, и самъ хорошо знаешь, какъ надо съ тобою поступить,— отвѣтилъ ему Маргѣ, а самъ размахнулся и ударилъ яйцомъ ему въ лобъ. Раабилось яйцо въ дребезги, а Алхѣ-Муханъ упалъ мертвымъ.

Взялъ Маргѣ всѣхъ дочерей и женъ Алхѣ-Муханъ, отыскалъ свою мать и со всѣмъ своимъ народомъ поѣхалъ домой. Тамъ онъ зажилъ счастливо и богато.

Записана въ гольдскомъ стойбищѣ, противъ поселка Верхне-Михайловскаго, на р. Уссури, со словъ гольда Баря.

Жили два брата; родителей у нихъ не было, и оба они ихъ не помнили. Всю работу братья исполняли сами. Часто братья ходили на охоту и приносили много разныхъ звѣрей. Но однажды старшій братъ не вернулся изъ лѣсу. Долго ждалъ младшій и, прождавши напрасно три дня, рѣшилъ итти искать его. Долго ходилъ Мэргэ, младшій братъ, по лѣсу, но ничего не попадалось ему на глаза; наконецъ онъ напалъ на слѣдъ своего брата и пошелъ по нему. Долго онъ щелѣ, сворачивая то вправо, то влево, наконецъ, вышелъ на лѣсную лужайку и видѣть: его старшій братъ лежитъ мертвый, истерзанный тигромъ. Горько заилакалъ Мэргэ. Но недолго онъ плакалъ: на его слезы прилетѣлъ коршунъ и сталъ низко кружиться надъ нимъ. Взглянуль Мэргэ на коршуна, а тотъ женскимъ голосомъ заговорилъ ему чисто по человѣчески: „Что ты плачешь? Этимъ горю не поможешь. Иди лучше къ шаманкѣ,—она можетъ оживить покойника“.

Удивился Мэргэ, но коршунъ сейчасъ же исчезъ. Тогда Мэргэ наломалъ вѣтокъ, закрылъ ими покойника и отправился, куда ему указала чудная птица.

Долго онъ шелъ и все не попадалась ему юрта шаманки. Наконецъ, на третій день пути онъ увидалъ небольшую юрту. Зашелъ туда и поклонился шаманкѣ въ ноги.

— Кто ты такой?—спросила его шаманка.

— Я не знаю своихъ родителей; было нась два брата, но старшаго растерзаль тигръ; теперь я остался одинъ.

— Кто тебя послалъ ко мнѣ, и какъ ты нашелъ дорогу къ моей юртѣ.

— Коршунъ отправилъ меня къ тебѣ и указалъ дорогу.

— Теперь я знаю въ чемъ дѣло, — промолвила шаманка: Я оживлю твоего брата.

— Я принесу тебѣ покойника.

— Не ходи: мой бурханъ принесетъ его сюда.

Одѣла она свой шаманскій халать, взяла бубень и стала шаманить. Послѣ того какъ шаманка пропѣла свои молитвы и много разъ проплясала, покойникъ показался въ дверяхъ фанзы. Она еще пропѣла молитвы и еще проплясала — и покойникъ забормоталъ. Наконецъ онъ окончательно ожилъ и заговорилъ.

— Кто меня оживилъ? — спросилъ онъ Мэргѣ.

— Великая шаманка привела тебя въ жизнь, — отвѣтилъ ему Мэргѣ.

Тогда старшій братъ сталъ кланяться въ ноги шаманкѣ и благодарить ее. Шаманка подняла его и сказала братьямъ, что еще давно, когда оба они были маленькими дѣтьми, ихъ отца убилъ могучій и злой шаманъ, а мать ихъ увель къ себѣ. Кромѣ нихъ, въ живыхъ осталась еще сестра; она можетъ превращаться въ коршуна, летать и говорить по-человѣчески. Это она прилетѣла къ Мэргѣ и рассказала, какъ надо помочь старшему брату.

— Вы должны отомстить за смерть своего отца, — сказала имъ шаманка: Торопитесь, пока мать ваша еще жива.

Братья сейчасъ же стали собираться въ дорогу, но шаманка ихъ остановила.

— Ваши враги — великие шаманы, и вы не сможете съ ними бороться, если сами не будете шаманами.

Тогда старшій братъ сталъ просить ее, чтобы она сдѣлала его шаманомъ. Шаманка согласилась и сдѣлала все, что для этого нужно.

Отправились братья искать убійца своего отца. Долго они шли, но ничего не попадалось имъ па пути. Наконецъ увидали они большую юрту. Зашли туда и поздоровались, но имъ не отвѣтили и не пригласили садиться. Братья молча сѣли на край наръ и, посидѣвши немногі, хотѣли было идти, но Мэргѣ вдругъ догадался, что хозяева этой юрты и есть ихъ враги. Тогда онъ всталъ съ наръ и, подошедши къ одному изъ хозяевъ, сталъ ругать его и называть убійцемъ. Скоро у нихъ завязалась драка, но Мэргѣ черезъ самое короткое время

выбросилъ своего противника изъ юрты и убилъ его. То же онъ сдѣлалъ и со вторымъ хозяиномъ юрты, но съ третьимъ онъ не могъ справиться такъ скоро. Стрѣлы и гида отлетали отъ него, какъ отъ камня. Безуспѣшно сражался Мэргэ 10 дней и 10 ночей. Вдругъ надъ сражающимися показался коршунъ и почти надъ самымъ ухомъ Мэргэ заговорилъ по-человѣчески: „Тебѣ не убить его, сколько бы ты съ нимъ ни дрался. Подожди немножко, я принесу тебѣ яйца, въ которыхъ хранятся его „эргеній“¹.

Улетѣлъ коршунъ, а Мэргэ собралъ всѣ свои силы, чтобы продолжить схватку до тѣхъ поръ, пока прилетитъ сестра-коршунъ. Долго она не прилетала и оба противника, измученные дракой, еле держались на ногахъ. Наконецъ сестра-коршунъ прилетѣла и говорить Мэргэ: „Лови! Если не поймаешь, худо тебѣ будетъ“.

Поймалъ Мэргэ берестовую коробочку, открылъ ее и видѣть тамъ два яйца—одно черное, другое пестрое. Сталь Мэргэ смѣяться.

— Какую интересную штуку мнѣ притащила сестра. Не знаю, что надо съ этой штукой сдѣлать.

— Отдай мнѣ оба яичка,—началь богатырь просить Мэргэ и сталъ передъ нимъ на колѣни, но Мэргэ продолжалъ шутить.

— Пожалуйста, отдай мнѣ яички,—не переставая, просилъ богатырь: Я буду вездѣ помогать тебѣ; если ты съ кѣмъ-нибудь будешь драться, я полечу за тобой птицей и выклюю глаза твоему противнику.

Но Мэргэ не слушалъ богатыря. Онъ изо всей силы бросилъ оба яйца въ голову своего врага, и тотъ упалъ мертвымъ.

Пошли братья въ юрту, но тамъ не нашли ничего съѣдобнаго. Тогда говорить Мэргэ: „Ты оставайся, братъ, здѣсь, а я пойду на охоту и, когда застрѣлю утку, вернусь, и мы сваримъ ёду“.

Отправился Мэргэ на охоту. Недолго ходилъ, скоро вернулся и принесъ нѣсколько утокъ. Сварили братья ужинъ, поѣли и легли спать на нары. Старшій братъ крѣпко заснуль, но Мэргэ спалъ плохо. Въ самую полночь вдругъ онъ слышитъ, что въ юрту зашли и разговариваютъ какія-то двѣ женщины. Одна предлагаетъ съѣсть остатки ужина, но другая отказывается.

— Съѣдимъ у нихъ, а можетъ быть, завтра имъ самимъ нечего будетъ Ѣсть,—говорить одна.

— Ничего: я скажу, что мы взяли,—отвѣчаетъ другая.

Когда съѣли ужинъ, стали закуривать трубки.

— Мы выкуримъ у нихъ табакъ, а можетъ быть, завтра имъ самимъ курить будетъ нечего.

— Ничего,—опять успокаиваетъ ее другая: Я скажу, что мы выкурили.

¹ „Эргени“—душа.

Мэргэ зашевелился; тогда одна женщина говорит ему: „Если ты спишишь, то увидишь меня во сне; если не спишишь, то услышишь. Ты убилъ своихъ враговъ, отомстилъ за смерть отца. Но дядя ихъ, настоящій убійца твоего отца, живеть вверхъ по Амуру. Онъ узналь о твоемъ приближеніи и собраль сотню шамановъ и сотню богатырей. Онъ уже ждетъ тебя. Плохо тебѣ будетъ, но не бойся: я буду помагать тебѣ“. Мэргэ подумалъ: „Кто же другая?“. Тогда та же женщина сказала: „А вотъ я привела тебѣ и жену“. Мэргэ поднялся съ постели, но обѣ женщины уже исчезли.

Мэргэ снова легъ на постель и уже было заснулъ, какъ вдругъ слышитъ сквозь сонъ, что гдѣ-то звенить колокольчикъ. Онъ проснулся и сталъ прислушиваться. Колокольчикъ звенѣль все ближе и ближе и наконецъ остановился. Мэргэ открылъ дверь юрты и видить, что къ юртѣ крадется большая выдра. „Злой звѣрь хочетъ съѣсть насъ“ — подумалъ Мэргэ и сейчасъ же спрятался подъ одѣяло, захвативъ съ собою лукъ со стрѣлами. Лежить Мэргэ и черезъ дырку видить, что выдра тихонько зашла въ юрту и хочетъ прыгнуть на спящихъ. Но какъ только она прыгнула, Мэргэ вѣ-время отскочилъ и насѣкъ сквозь прострѣлилъ ее стрѣлою. Завыла выдра, побѣжала изъ юрты и говоритъ: „Сейчасъ не съѣла, послѣ сожру, если буду жива“. Понялъ Мэргэ, что выдра была не кто иная, какъ тетка трехъ убитыхъ богатырей.

Успокоились братья и снова легли спать, а выспавшись, утромъ стали собираться снова въ дорогу.

— Что намъ за прибыль идти вмѣстѣ? — сказалъ Мэргэ: Пойдемъ сегодня въ разныя стороны.

— Пойдемъ, — согласился старшій братъ. И пошли братья въ разныя стороны: старшій пошелъ на югъ, а младшій — на сѣверъ.

Долго шелъ Мэргэ. Солнце клонилось уже къ вечеру, а ему нужно еще перевалиться чрезъ высокую гору. Ползеть онъ на утесъ и вдругъ чувствуетъ, что на что-то наступилъ. Оглянулся онъ назадъ и видить, что своротилъ камень, а подъ нимъ образовалась дыра, и изъ нея пошелъ дымъ. Вдругъ изъ дыры выскочилъ безобразный уродъ маленькаго росту и сердито закричалъ:

— Зачѣмъ ты сломаль мою юрту?

— Я не съ памѣреніемъ сломалъ, — отвѣтилъ ему Мэргэ. Но уродъ продолжалъ ругаться.

— Я позову своего отца, — сказалъ онъ наконецъ, и скрылся въ дырѣ.

Вскорѣ послѣ этого вылѣзъ изъ дыры человѣкъ трехсаженного роста. Онъ тоже сталъ кричать на Мэргэ и ругать его.

— Я брошу тебя въ рѣку на съѣденіе моимъ бурханамъ, — со злостью сказалъ онъ Мэргэ и кинулся на него. Но Мэргэ приготовился къ нападенію и сталъ защищаться. Закинула у нихъ драка.

Долго Мэргэ не могъ одолѣть трехсаженного богатыря, но наконецъ выбралъ удачный моментъ и столкнулъ его съ утеса въ рѣку: богатырь упалъ и утонулъ, а Мэргэ сѣлъ на камень отдохнуть и закурилъ свою трубку. Вдругъ вода въ рѣкѣ высоко поднялась съ шумомъ къ верху и изъ брызгъ показалась старуха.

— Спасибо тебѣ, молодецъ, — сказала она: покормилъ ты меня. Давно я собиралась его сѣсть, но никакъ не могла этого сдѣлать. Это былъ страшный людоѣдъ. Я никогда тебя не забуду, и гдѣ бы ты ни былъ, я всегда буду помогать тебѣ.

Старуха опустилась въ воду, а Мэргэ, выкуривъ трубку, пошелъ дальше. Идетъ онъ, смотрить, гдѣ-бы почевать, и видить, что па горѣ катается баба. Подошелъ онъ къ ней—она предлагаетъ ему скатиться съ горы.

— Скатись сначала ты, — отвѣчаетъ ей Мэргэ.

Баба скатилась, взошла на гору и снова предлагаетъ ему скатиться. Согласился Мэргэ и скатился, какъ показала ему баба. Только взошелъ онъ на гору, а баба снова просить его скатиться. Но, только что онъ сѣлъ, какъ она начала его связывать веревками. Веревки становились все толще и толще, а баба схватила большой каменный молотъ и давай бить имъ Мэргэ по головѣ. Рванулся Мэргэ изо всей силы и разорвалъ веревки.

— Зачѣмъ ты меня бѣшь? — спросилъ Мэргэ бабу.

— Ты убилъ моего отца, — отвѣчаетъ она ему: но я больше не буду тебя бить. Пойдемъ ко мнѣ въ юрту.

Пошелъ Мэргэ съ бабою въ юрту. Баба быстро сварила ужинъ, накормила Мэргэ и оба они легли спать. Но не успѣлъ Мэргэ лечь на постель, какъ на него напалъ крѣпкій сонъ, и онъ уснуль и спаль очень долго. Когда-же проснулся, то слышитъ, что вся юрта скрипѣтъ. Осмотрѣлся онъ и замѣтилъ, что бабы въ юртѣ нѣть. Зажегъ огонь и сталъ открывать дверь, но какъ онъ ни толкалъ, дверь не двигалась. Вдругъ онъ слышитъ голосъ своей сестры-коршуна.

— Плохо ты сдѣлалъ, братъ, что послушался злой вѣдьмы. Вѣдьма начертила на скалѣ юрту,—стала у нея настоящая юрта; посадила она тебя туда, а сама ушла. Юрта каменѣтъ, и ты скоро очутишься внутри скалы. Я попробую сейчасъ сломать юрту и ударюсь обѣ нее изо всей силы“.

Ударилась она обѣ юрту изо всей силы, но не могла расколоть каменной стѣны.

— Я полечу на небо: тамъ у меня есть знакомый могучій шаманъ; попрошу я его помочь нашей бѣдѣ, — сказала сестра-коршунъ и улетѣла.

Долго ждалъ Мэргэ своей сестры-коршуна. Наконецъ прилетѣли оба: она и тотъ шаманъ, за которымъ она летала на небо. Ударился шаманъ о каменную стѣну—раскололась стѣна. Мэргэ вылезъ чрезъ трещину и сталъ благодарить шамана.

— Плохо, что ты самъ не шаманъ, — говорить сестра-коршунъ: ты не знаешь, гдѣ надо останавливаться. Надо научить тебя шаманству. Иди вверхъ по рѣкѣ, увидишь омутъ — прыгай въ него: тамъ живетъ великая шаманка. Дойди до ея юрты — поклонись; войди въ юрту — опять поклонись; подойди къ ея нарамъ — еще поклонись и проси. Пока она не скажеть: „вставай“, ты не поднимайся съ колѣнъ.

Пошелъ Мэргэ вверхъ по рѣкѣ, какъ указала ему сестра-коршунъ. Долго онъ шелъ и наконецъ видить на рѣкѣ омутъ. Прыгнуль въ него и увидаль на днѣ рѣки подъ водою большую юрту. Подошелъ онъ къ юртѣ, поклонился до земли; вошелъ въ юрту, опять поклонился до земли; подошелъ къ нарамъ, на которыхъ сидѣла шаманка, и еще разъ поклонился до земли.

— Кто ты такой, и кто тебя послалъ ко мнѣ? — спросила его шаманка.

— Я сирота; отца моего убили злые люди, а послала меня къ тебѣ моя сестра-коршунъ, — отвѣтиль ей Мэргэ.

— Вставай, удалой молодецъ. Знаю я, зачѣмъ ты пришелъ ко мнѣ.

Позвала шаманка девять человѣкъ, своихъ помощниковъ, и заставила ихъ кипятить большой котель. Сама же взяла большой ножъ и стала рубить руки и ноги Мэргэ. Разрубила она его на части и побросала все въ котель. Девять своихъ помощниковъ шаманка заставила дуть изъ девяти мѣховъ. Когда вскипѣль котель, шаманка громко крикнула: „га“! и въ это время изъ котла вышелъ Мэргэ — ростомъ выше прежняго и силой больше прежняго. Подала ему шаманка бубенъ и говорить:

— Ты теперь сталъ великимъ шаманомъ, даже сильнѣе меня: можешь летать и на небо и за небо. Но сначала будь остороженъ. Встрѣтится тебѣ женщина, дастъ трубку, но ты не кури, а сломай и брось; дастъ тебѣ Ѣды — ты не Ѣши, а все разбей и брось.

Пошелъ Мэргэ, куда указала ему шаманка. Долго онъ шелъ и видить наконецъ, что на самомъ берегу стоить юрта. Зашелъ онъ туда и видить, что въ юртѣ только одна женщина. Сѣлъ онъ около нея. Она вытащила откуда-то трубку и подаетъ ему. Вспомнилъ Мэргэ, что наказывала ему шаманка, схватилъ эту трубку, сломалъ и бросиль на полъ, — изъ трубки образовалась змѣя и съ шипѣніемъ поползла изъ юрты. Тогда онъ схватилъ и сломалъ столикъ и все, что поставила на него женщина, и все это бросиль на полъ, — вмѣсто стола и разныхъ кушаний по полу поползли черепахи, ящерицы и змѣи.

— Не бей меня, — стала просить его женщина: я сварю тебѣ хорошей Ѣды.

Онъ сталъ слѣдить за ея работой. Скоро женщина приготовила хороший ужинъ. Наѣлся Мэргэ и легъ спать. Вдругъ слышить онъ

ночью около юрты два голоса. Одинъ говорить: „Иди ты впередъ“; другой говорить: „Нѣтъ, ты иди“.

Мэргэ приготовился защищаться, но притворился спящимъ. Задохнуть въ юрту старикъ и та самая женщина, которая вечеромъ кормила его ужиномъ.

— Гдѣ онъ лежитъ? — спрашиваетъ старикъ. Женщина указала ему. Старикъ подошелъ къ постели, на которой лежалъ Мэргэ, и замахнулся болынимъ топоромъ, но Мэргэ ловко увернулся.

— Какая досада,—проворчалъ старикъ.

Мэргэ тѣмъ временемъ схватилъ его и бросилъ; старикъ удалился о землю и поднялся молодымъ богатыремъ. Долго дрался съ нимъ Мэргэ, но не могъ одолѣть его. Утромъ богатырь дерется въ видѣ молодого человѣка, въ полдень становится мужчиной среднихъ лѣтъ, а вечеромъ превращается въ старика.

Прилетѣла сестра-коршуни и говорить: „Хоть гдѣ дерись, не убить его. Не могла я пайти его „эргэній“ и не знаю, въ чемъ она находится—въ яйцѣ ли, въ чемъ ли другомъ. Испробуй, толкни его на колоду, гдѣ находятся наши бурханы; ударъ его хорошенъко обѣнне, можетъ быть убьешь“. Послушался Мэргэ своей сестры-коршуна и изо всей силы толкнулъ старика на колоду. Упалъ богатырь и расшибся на смерть, а изъ подъ колоды вылѣзла старуха-людоѣдка, та самая, которую Мэргэ видѣлъ въ водѣ, и говорить: „Спасибо тебѣ, могучій богатырь, ты опять угостила меня человѣческимъ мясомъ. Иди дальше, я вездѣ буду около тебя“.

Пошелъ Мэргэ дальше. Шелъ, шелъ онъ и видѣть юрту и слышитъ, что въ ней шаманять. Подошелъ Мэргэ къ юртѣ и узналъ, что здѣсь живеть братъ убійца его отца, и что шаманять для того, чтобы узнать, гдѣ опъ (Мэргэ) находится. Но никто не можетъ точно узнать. Тогда дали бубень бабѣ, и она скоро узнала, что Мэргэ недалеко и скоро будетъ въ юртѣ, но ей не повѣрили. Тогда Мэргэ ударилъ себя пальцемъ по лбу и сдѣлался старикомъ. Вошелъ онъ въ юрту и сѣлъ. Стали его потчевать, но баба скоро узнала его и закричала. Хозяинъ юрты бросился на Мэргэ, и завязалась у нихъ драка. Но Мэргэ скоро убилъ его.

Пошелъ Мэргэ той же дорогой. Долго шелъ онъ и наконецъ видѣть юрту. Онъ сразу узналъ, что здѣсь живеть убійца его отца, и сталъ осторожно подходить къ юртѣ. Видѣть, что сидитъ на берегу старуха и чистить рыбу. Подошелъ онъ къ ней и ударилъ ее палкой. Заплакала старуха и сквозь слезы говорить: „Всѣ меня бьютъ. Никто за меня не заступится; были у меня два сына и дочь, но гдѣ они, живы ли, мертвы ли — не знаю“.

Тутъ только догадался Мэргэ, что это—его мать. Онъ утѣшилъ старуху и пошелъ въ юрту. Въ юртѣ было много народа: сто шамановъ и сто богатырей,—все это были родственники убійцы. Всѣ они

уже давно готовились выступить въ бой съ Мэргэ и давно его ждали. Мэргэ зашелъ въ юрту, но ему ничего не сказали. Тогда онъ подходитъ къ самому хозяину и самъ вступаетъ съ нимъ въ драку. Сейчасъ-же за хозяина вступились сто шамановъ и сто богатырей, но Мэргэ не испугался. Онъ то обращался въ коршуна, то въ медвѣдя, то въ тигра и быстро истреблялъ своихъ враговъ. Наконецъ, прилетѣла его сестра-коршунъ и говорить: „Вотъ я притащила „эргэній“ нашего врага. Долго я ее искала и нашла въ желудкѣ морской рыбы. Лови!“

Мэргэ поймалъ яйцо, которое бросила ему сестра-коршунъ, размахнулся и ударилъ имъ убийцу своего отца. Тотъ упалъ мертвымъ. Тогда Мэргэ спросилъ свою мать, гдѣ находится гробъ отца. Она сказала, что гробъ находится въ морѣ и придавленъ на днѣ тяжелыми камнями. Мэргэ началъ шаманить, и бурханы его вытащили гробъ изъ моря. Долго онъ шаманилъ и наконецъ его мертвый отецъ ожилъ и заговорилъ.

Послѣ этого Мэргэ собралъ все имущество въ юртѣ убийцы своего отца, взялъ всѣхъ женъ его и отправился домой той же дорожей, какою шелъ въ передній путь. По пути онъ заходилъ во всѣ юрты, въ которыхъ рапыше останавливался, и забиралъ съ собой все имущество и всѣхъ женщинъ. Такъ, наконецъ, возвратился онъ въ свою юрту и сталъ здѣсь жить счастливо и богато.

Со словъ Баря, въ стойбищѣ противъ поселка Верхне-Михайловскаго, на р. Уссури.

Жилъ молодой гольдъ одинъ въ лѣсу; ходилъ онъ на охоту, бывъ всякаго звѣря, но людей никогда не видалъ. Приходитъ однажды къ нему сѣдой старикъ и говорить:

— Мэргэ! Что ты живешь одинъ въ глухомъ лѣсу? Иди къ людямъ, посмотри, какъ они живутъ, возьми себѣ жену и живи такъ, какъ слѣдуетъ гольду.

Захотѣлось Мэргэ посмотретьъ людей и говорить онъ старику:

— Возьми меня съ собой, и пойдемъ вмѣстѣ къ людямъ.

Согласился старикъ, и пошли они съ Мэргэ вмѣстѣ. Шли, шли они и видятъ, что на рѣкѣ утки плаваютъ. Обрадовался Мэргэ и говорить: „Надо застрѣлить штуки двѣ—три“.

— Это не простыя утки, — остановилъ его старики: „это—сеоны (бурханы); ихъ рѣдко кто видитъ; нѣкоторымъ во всю свою жизнь ни разу не удается увидѣть ихъ“.

Но охотникъ не утерпѣлъ и пустилъ стрѣлу. Однако онъ очень удивился, что стрѣла его пролетѣла надъ спиною утки. Разсердился Мэргэ; никогда онъ не промахивался, и стыдно ему стало посторонняго человѣка. Нацѣлился онъ и еще разъ выстрѣлилъ, но и на этотъ разъ не попалъ: стрѣла пролетѣла подъ брюхомъ утки.

— Никогда этого со мною не случалось, — съ досадою сказалъ Мэргэ.

— Какъ ты смѣешь меня стрѣлять?—заговорила одна утка по-человѣчески: За то, что ты хотѣлъ меня убить, я буду тебя долго мучить.

И бурханъ-утка напустилъ на Мэргэ сумасшествіе. Побѣжалъ сумасшедшій Мэргэ по берегу и набрасывался и убивалъ всѣхъ, кто попадалъ ему на пути. Много перебилъ онъ народу. Наконецъ встрѣтился ему на дорогѣ тотъ самый сѣдой старикъ, съ которымъ они вмѣстѣ вышли изъ дома.

— Если останется онъ сумасшедшімъ, то погубить зря много народу,—подумалъ старикъ: Надо его вылѣчить.

Забѣжалъ онъ впередъ и, когда сумасшедшій Мэргэ кинулся на него, ударилъ его большимъ ножомъ по головѣ. Кожа на Мэргэ лопнула на двѣ части,—одна половина ушла въ землю, другая улетѣла на небо, а самъ Мэргэ сталъ здоровымъ, какъ прежде. Упалъ Мэргэ передъ старикомъ на колѣни и сталъ благодарить его, но старикъ поднялъ его съ колѣней и говорить:

— Я хочу сѣдѣтъ тебя шаманомъ,—пойдемъ въ мою юрту.

Пошли они въ старикову юрту. Старикъ развелъ большой огонь, вскипятилъ котелъ, разрубилъ Мэргэ на части, побросалъ все въ котелъ и сталъ варить. Пока-же Мэргэ кипѣлъ въ котлѣ, старикъ разогрѣлъ свой бубенъ и сталъ пѣть и плясать. Наконецъ онъ громко крикнулъ: „га!“—и Мэргэ вышелъ изъ котла здоровымъ и невредимымъ.

— Теперь ты могучій шаманъ,—обратился старикъ къ Мэргэ: Можешь летать птицей и обращаться во всякаго звѣря.

Пошелъ Мэргэ отъ старика. Долго онъ шелъ и вдругъ видѣлъ предъ собою безобразнаго ушастаго урода.

— Ты убилъ моего брата,—сердито заговорилъ уродъ.

— Я въ этомъ не виноватъ,—отвѣтилъ ему Мэргэ: Я тогда былъ сумасшедшімъ.

Но уродъ продолжалъ ругаться. Тогда Мэргэ схватился за свою гиду и завязалась у нихъ драка. Не долго дрались; скоро Мэргэ уронилъ урода па землю и убилъ его.

Пошелъ Мэргэ дальше. Но не прошелъ онъ и полдня, какъ увидалъ юрту. Зашелъ онъ въ нее и видѣлъ, что здѣсь живетъ сильный шаманъ, братъ убитаго урода.

— Ты убилъ моихъ двухъ братьевъ и поэтому, самому тебѣ не быть живому,—сказалъ хозяинъ юрты.

Завязалась у нихъ драка. Долго дрались два могучихъ шамана, но ни тотъ, ни другой не осиливалъ. Вдругъ прилетѣлъ коршунъ и по-человѣчески заговорилъ:

— Мэргэ! Тебѣ не убить врага, если ты не одѣнешь рубахи изъ кожи лося.

— Гдѣ мнѣ достать такую рубаху?

— Я сейчасъ принесу ее тебѣ,—сказалъ коршунъ и улетѣлъ.

Скоро онъ прилетѣлъ снова и бросилъ Мэргэ рубаху. Мэргэ быстро одѣлъ ее и почувствовалъ себя въ десять разъ сильнѣе. Уда-рилъ онъ изо всей силы своего противника и убилъ его.

Отдохнулъ немногого Мэргэ, выкурилъ трубку и отправился дальше. Долго шелъ опь и вдругъ видитъ, что ему на дорогу выбѣжалъ ежъ. Мэргэ хотѣлъ было убить его, но ежъ по-человѣчески заговорилъ:

— Не бей меня, а выслушай!

— Что ты хочешь сказать?

— Скоро ты подойдешь къ юртѣ, гдѣ живеть твой дядя,—будь къ нему почтительнѣе.

— Почему ты бѣгаешь ежомъ, а не ходишь человѣкомъ?

— Меня хотѣлъ украсть безобразный уродъ и жениться на мнѣ, но я выбѣжала въ лѣсъ и стала ежемъ.

Пошелъ Мэргэ, какъ указалъ ему ежъ-дѣвица. Скоро онъ увидѣлъ юрту. Вошелъ онъ въ юрту и поклонился дядѣ до земли.

— Кто ты такой?—спросилъ его дядя.

— Я твой племянникъ; жилъ въ лѣсу и теперь иду къ людямъ.

Обрадовался дядя своему племяннику. Сталъ онъ его разспрашиватъ, какъ онъ жилъ. Мэргэ рассказалъ ему обо всемъ, какъ было.

— Куда ты теперь пойдешь,—спрашиваетъ дядя племянника: дальше или вернешься домой?

— Я пойду дальше.

— И я пойду съ тобой.

— Нѣтъ, я пойду одинъ,—сказалъ Мэргэ.

Пошелъ Мэргэ такъ же, какъ шелъ раньше. Шелъ онъ много дней и наконецъ видитъ юрту. Зашелъ онъ туда. Сидѣть тамъ молодая дѣвушка. Быстро она сварила ему ужинъ. Вмѣстѣ поѣли они и легли спать. Ночью просыпается Мэргэ и слышитъ, что кто-то крадется къ его постели. Опь схватилъ свою гиду и закололъ ею того, кто крался. Когда же онъ зажегъ огонь, то увидѣлъ, что закололъ трехсаженаго богатыря. Дѣвушки не было; вмѣсто нея была безобразная старуха. Она стала на колѣни передъ Мэргэ и сказала:

— Не убивай меня; я не буду дѣлать тебѣ ничего худого, вездѣ буду за тобою и буду во всемъ помогать тебѣ.

Мэргэ не сталъ убивать ее. Легъ спать и проспалъ до утра. Утромъ Мэргэ увидѣлъ въ юртѣ вмѣсто безобразной старухи опять молодую дѣвушку, ту же самую, что видѣлъ вчера вечеромъ.

— Откуда ты пришла, и куда дѣвалась безобразная старуха, которую я видѣлъ ночью?—спросилъ Мэргэ дѣвушку.

— Днемъ я бываю молодою, а ночью дѣлаюсь старою.

— Почему ты такъ мѣняешься?

— Мой бурханъ помогаетъ мнѣ въ этомъ,

Оставилъ Мэргэ женщину въ юртѣ, а самъ пошелъ дальше. Прошелъ онъ не мало дней и наконецъ дошелъ до большого стойбища. Здѣсь идутъ большія поминки; шаманъ поетъ, и идетъ угощеніе водкою.

Поминки справляются по умершемъ гольдѣ, у котораго осталась молодая жена. Очень понравилась вдова Мэргэ, и онъ захотѣлъ жениться на ней, но всѣ родственники были противъ этого. Долго уговаривалъ Мэргэ ихъ, но такъ какъ они все-таки не хотѣли выдать за него женщину, то онъ вступилъ съ ними въ бой. Хотя много было противниковъ у Мэргэ, но онъ скоро перебилъ ихъ почти всѣхъ, а потомъ взялъ вдову, всѣхъ работниковъ и поплылъ по рѣкѣ.

Остановился Мэргэ около берега и черезъ иѣкоторое время видѣть, что ихъ лодку догоняетъ большой баркасъ. Мэргэ сталъ кричать, чтобы плывущіе остановились, но хозяинъ этого баркаса не захотѣлъ остановиться. Тогда Мэргэ подѣхалъ къ нему въ своей лодкѣ, и у нихъ завязалась схватка. Скоро Мэргэ убилъ хозяина, а его баркасъ, гдѣ были жена его и няка (рабы) взялъ съ собой.

Плылъ Мэргэ иѣкоторое время и захотѣлъ остановиться, чтобы сварить ёду. Вышелъ онъ на берегъ и пошелъ въ гору. Скоро увидалъ онъ въ лѣсу небольшую юрту, и навстрѣчу ему выбѣжалъ старикъ. Онъ сталъ ругать Мэргэ и грозился убить его. Завязалась у нихъ драка. Но никакъ Мэргэ не могъ убить старика. Если онъ отрубить ему руку, то она снова прирастала къ туловищу; то же происходило и съ ногами и даже съ головой. Но потомъ Мэргэ догадался, какъ убить страшнаго богатыря: онъ перерубилъ его пополамъ и, не давъ половинамъ срастись, толкнулъ одну половину въ воду, а другую подбросилъ кверху. Упавшая въ воду утонула, а упавшая сверху до смерти зашиблась о землю. Но сейчасъ же изъ юрты выскочилъ молодой парень и закричалъ: „Если убилъ отца, такъ убей и сына“. Опять сталъ сражаться Мэргэ. Силенъ былъ молодой богатырь, стариковъ сыпъ, и долго длилась у нихъ битва. Но въ концѣ концовъ Мэргэ убилъ и этого богатыря.

Поплылъ Мэргэ дальше. Долго онъ плылъ, не встрѣчая никого, но наконецъ подѣхали они къ богатой юртѣ. Здѣсь было много народу. Всѣ были въ нарядныхъ одеждахъ и пьяны. Хозяинъ юрты собралъ лучшихъ стрѣлковъ и обѣщалъ выдать свою дочь за того, чья стрѣла пролетитъ черезъ ушки девяти иголокъ, поставленныхъ одна за другою. Никто изъ стрѣлковъ не могъ этого сдѣлать. Нѣкоторые не попадали вовсе, а нѣкоторые прострѣливали лишь черезъ ушко одной или двухъ иголокъ.

Натянула Мэргэ свой лукъ и спустила стрѣлу. Съ влагомъ пролетѣла стрѣла черезъ ушки всѣхъ девяти, не задѣвъ ни за одно. Взялъ Мэргэ дочь хозяина юрты и поѣхалъ обратно. Дорогой онъ заѣжалъ па тѣ же самыя мѣста, гдѣ останавливался раньше и забиралъ съ собою всѣхъ женщинъ, на которыхъ онъ женился, а также всѣхъ ихъ рабовъ (няка) и все имущество. Доѣхалъ онъ до дому и зажилъ счастливо и богато.

Записалъ Ив. Лопатинъ.

Нѣсколько указаний для собиранія дѣтскихъ народныхъ игръ.

- 1) Записать мѣстное название игры, сохраняя по возможности произношеніе, хотя бы это и противорѣчило правиламъ русскаго правописанія. Название должно быть обязательно мѣстное, если оно имѣется, а не то, которое существуетъ въ литературѣ по вопросу о дѣтскихъ играхъ. Если игра имѣетъ нѣсколько названій, то слѣдуетъ привести ихъ всѣ.
- 2) Возрастъ участниковъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ игрѣ принимаютъ участіе дѣти различныхъ возрастовъ, слѣдуетъ указать предѣлы.
- 3) Полъ. Замѣчается ли вообще группировка дѣтей по полу. Въ играхъ, въ которыхъ принимаютъ участіе и дѣвочки и мальчики, слѣдуетъ отмѣтить положеніе играющихъ, въ зависимости отъ пола и ихъ роли въ игрѣ, если таковыя отличаются.
- 4) Записать число участниковъ, если оно ограничено условіями игры.
- 5) Время. И на игры есть сезонъ, который часто зависитъ отъ религіозныхъ воззрѣній, существующихъ и существовавшихъ, а не отъ времени года. Для примѣра можно назвать катаніе яицъ, происходящее на пасхальной недѣлѣ, игры подъ Ивана Купала, Кострому (смотри приложеніе первое) и т. д. Послѣднія двѣ носятъ на себѣ отпечатокъ прежнихъ религіозныхъ воззрѣній.
- 6) Мѣсто игры. Для игръ, имѣющихъ религіозное значеніе или носящихъ слѣды прежнихъ вѣрованій, часто выбираютъ особое мѣсто за деревней, въ лѣсу и т. д., а потому слѣдуетъ обозначать и описывать мѣсто игры.
- 7) Описаніе игры и всего, что употребляется въ ней, а также чертежи, фотографіи и т. д. Фотографировать слѣдуетъ приспособленія для игры, если эти приспособленія неудобно переслать, и участниковъ игры въ отдельныхъ моментахъ, наиболѣе характерныхъ для данной игры.
- 8) Кто и когда научилъ игрѣ. Игры часто бываютъ не мѣстнаго происхожденія, а заносятся (благодаря школамъ, пришлому элементу) со стороны.

9) Способъ выбора вожака. Способовъ, которыми дѣти опредѣляютъ, кому изъ нихъ начинать игру, быть водящимъ, очень много; но самымъ интереснымъ мнѣ кажется „Конаніе“ (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно называется „Счетомъ“, „Вѣданіемъ“, „Шаланда-ніемъ“ и т. д.). „Конаніе“ состоитъ въ томъ, что кто-нибудь изъ участниковъ произносить дѣтское произведение стихотворной формы, при чёмъ послѣ каждого слова слегка ударяетъ дѣтей поочереди. Счетъ продолжается до тѣхъ поръ, пока останется одинъ, который и считается водящимъ. Иногда водящимъ считаются выигравшаго первымъ.

Образцы Счета должны записываться самими дѣтьми, ибо это дастъ возможность познакомиться съ произношениемъ въ данной мѣстности. Ошибокъ не исправляйте, а присылайте подлинныя записи со своими объясненіями. Но будетъ хорошо, если вы и сами запишете сказанное дѣтьми, но только фонетически.

10) Играютъ ли взрослые въ дѣтскую игру и наоборотъ.

11) Если игра съ пѣснями, то и ихъ слѣдуетъ записать. Запись вѣдалокъ и пѣсень должна производиться самими дѣтьми и вами безъ соблюденія правилъ правописанія. Лучше записывать отъ неграмотныхъ, ибо у нихъ ярче сохраняется произношеніе.

12) Районъ распространенія игры, если его можно установить. Бываютъ случаи, и частые, когда та или другая игра является достояніемъ только данной деревни и не распространяется на сосѣднія. Особенно это замѣтно тамъ, гдѣ соприкасаются различныя народности.

Такъ какъ игры тѣсно связаны съ игрушками и наоборотъ, то слѣдуетъ собирать и игрушки. При собраніи игрушекъ необходимо отмѣтить слѣдующее:

1) Мѣстное название игрушки.

2) Кто сдѣлалъ: имя, фамилія, лѣта, грамотный или нѣть; если грамотный, то гдѣ и сколько времени обучался; какой губерніи, уѣзда, волости, деревни. (Такія же свѣдѣнія нужно записывать и о сообщившемъ игру).

3) При какихъ играхъ употребляется данная игрушка.

Слѣдуетъ собирать игрушки, сдѣланыя самими дѣтьми, хотя бы они и казались грубыми и некрасивыми.

Приложение 1-е.

Кострома.

Мною записаны три варианта этой игры въ Рождественской волости, Курского уѣзда и губерніи, въ трехъ деревняхъ (дд. Пузановка, Богдановка и Сорочинъ верхъ), отстоящихъ недалеко (до 3-хъ верстъ) одна отъ другой. Играютъ дѣти въ возрастѣ отъ 7 до 12—13 лѣтъ. Въ деревнѣ Богдановкѣ и Пузановкѣ мальчики въ Кострому не играютъ, а если играютъ, то очень рѣдко. Никто изъ нихъ не зналъ, какъ нужно играть въ Кострому, и, чтобы продемонстрировать ее, пришлось пригласить дѣвочекъ. Въ дер. Сорочинъ верхъ играютъ и мальчики. Костромой и кумой (бабка, мать Костромы) мальчиковъ не выбираютъ. Число играющихъ не ограничивается.

Играютъ весной, лѣтомъ и осенью, если достаточно тепло, такъ какъ по значительности числа участниковъ играть въ закрытомъ помѣщеніи нельзя. Мѣстомъ игры обычно служить лужайка за деревней. Кто занесъ игру—выяснить не удалось, такъ какъ она, повидимому, переходитъ отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Кума и Кострома выбираются соглашеніемъ. Взрослые не играютъ въ Кострому. Игра состоить въ слѣдующемъ: Дѣти окружаютъ несомкнутымъ кольцомъ куму (бабка, мать Костромы), сидящую на землѣ, и Кострому, лежащую у кумы на колѣняхъ.

Такъ располагаются дѣти д. Сорочинъ верхъ. Въ деревнѣ же Пузановкѣ дѣти располагаются сомкнутымъ кольцомъ, а Кострома и Кума стоять на колѣняхъ одна противъ другой.

Въ деревнѣ Богдановкѣ ($\frac{1}{4}$ вер. отъ Пузановки) Кострома въ началѣ игры не бываетъ въ кругѣ. Она входить въ кругъ только послѣ первого (см. ниже) отвѣта кумы и ложится къ ней на колѣни. Расположившись, какъ указано выше, дѣти ходятъ кругомъ, взявшись за руки, и поютъ:

„Кастромушка, ты моя Кастромушка,
Три года балѣла,
На четвертый акалѣла,
А на пятый састарилась,
Никаму не понравилась“.

По окончаніи пѣсни дѣти спрашиваютъ у кумы (бабки):

— „Жива Кастрама?“

Кума даетъ цѣлый рядъ отвѣтовъ, и послѣ каждого отвѣта дѣти начинаютъ ходить и пѣть: „Кастромушка, ты моя Кастромушка“ и т. д. и задаютъ предыдущій вопросъ (жива Кастрама?).

Живая Старина, 1916 г. Прилож. № 6.

Вотъ отвѣты кумы:

- 1) „Ногу накалола“.
- 2) „На печи супъ ъесть“.
- 3) „Умерла“.
- 4) „Купають“.
- 5) „У горатъ паѣхали за чулочками“.
- 6) „У гропъ палажили“.
- 7) „Паѣхали за папомъ“.
- 8) „Службу служить“ (настоящее время).

Среди дѣтей раздаются голоса: „харанить надыть“, послѣ чего Кострому несутъ хоронить куда-либо неподалеку. Похоронивъ (положивъ на землю), кума хлопаетъ каждого по плечу и говорить: „Абѣдѣть иди“.

Пока кума перезоветъ всѣхъ, Кострома оживаетъ и начинаетъ ловить участниковъ игры.

Въ деревняхъ Богдановкѣ и Пузановкѣ послѣ похоронъ Костромы дѣти „голосятъ“, но что произносятъ—мнѣ не удалось записать.

Алек. Мѣлковъ.

Посылки вѣсомъ не болѣе 1 пуда и закрытыя письма вѣсомъ до одного фунта, адресованныя на имя Русскаго Географическаго Общества, принимаются на почту безъ оплаты вѣсовымъ сборомъ. (Собраніе Узаконеній и распоряженій Правительства, 9 Іюня 1906 г. № 138. Отдѣль первый).

Содержаніе № 6: П. Богатыревъ. Нѣсколько легендъ Шенкурскаго у. Архангельской губ.—Трофимъ Мендіяровъ. Мелкія замѣтки о черемисахъ.—А. Бурдуковъ. Роды у байтовъ. (Обычаи и знахарство во время родовъ).—В. Постниковъ. Секта „кугусартъ“.—Ив. Лопатинъ. Гольдскія сказки.—Алек. Мѣлковъ. Нѣсколько указаній для собиранія дѣтскихъ народныхъ игръ.

Настоящій нумеръ „Приложенія“ печатался подъ наблюденіемъ Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи Р. Г. О-ва С. Ф. Ольденбурга и Секретаря Отдѣленія Э. К. Пекарскаго, при ближайшемъ участіи М. К. Азадовскаго и В. М. Іонова, и выпущенъ въ свѣтъ въ іюль 1917 г.

Журналъ
засѣданія Отдѣленія Этнографіи И. Р. Г. О.
20 мая 1916 г.

Засѣданіе состоялось подъ предсѣдательствомъ С. О. Ольденбурга, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ Членовъ и Членовъ-сотрудниковъ: В. В. Бартольда, Б. Я. Владимицова, Н. А. Виташевскаго, И. П. Мурзина, С. И. Руденко и А. Д. Руднева, а также стороннихъ посѣтителей, при Секретарѣ Э. К. Пекарскомъ.

1. Прочитаны и утверждены журналы предыдущихъ Засѣданій: 1 и 22 апрѣля и 13 мая с. г.

2. **Доложена** благодарность, полученная отъ проф. Н. Ф. Сумцова за присужденіе ему большой золотой медали по Отдѣленію Этнографіи, съ приложеніемъ оттисковъ его трудовъ.

Постановлено: принять къ свѣтлѣнію и благодарить проф. Сумцова за присланые оттиски.

3. **Доложенъ** списокъ книгъ и изданій, поступившихъ въ библіотеку Этнографического отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III.

. **Доложено** о выходѣ въ свѣтъ IV выпуска „Живой Старинѣ“ за 1915 г.

5. **Доложено** о поступившихъ въ Отдѣленіе Этнографіи и въ редакцію „Живой Старинѣ“ изданіяхъ:

1) Пегасъ. Журналъ искусствъ. № 4. Апрѣль. 1916.

2) Русскій Экскурсантъ. Журналъ родниковѣдѣнія и экскурсіоннаго дѣла. 1916, № 3-й.

3) Русское Библіологич. Общество. Доклады и отчеты (Новая Серія). Вып. III. 1913—1914 гг. Петр. 1915.

4) Библіологический Сборникъ. Т. I, вып. 3 и 4 и т. II, вып. 1. Петр. 1916.

5) Вечеръ народной русской пѣсни, устраиваемый Народно-Пѣвческимъ Отдѣленіемъ Общества „Здоровье и Просвѣщеніе“. Въ Военномъ Собрании. Вѣрный. 1916.

6) Э. К. Пекарскій. Краткій русско-якутскій словарь. 2-ое изданіе, испр. и дополн. Съ предисловіемъ прив.-доцента А. Н. Самойловича. Петр. 1916.

6. **Доложено** о поступившихъ въ Отдѣленіе Этнографіи и въ редакцію „Живой Старинѣ“ рукописяхъ:

1) Б. Барадайнъ. Изъ устной „ламской“ литературы бурятъ. Изъ быта тибетцевъ, тангутовъ и монголовъ. Переводъ съ бурятскаго.

2) И. В. Костоловскій. „Весеннія повѣрія изъ Рыбинскаго уѣзда“ и „Частушки“.

3) В. Мансикка. Изъ финской этнографической литературы.

4) М. М. Вукичевичъ. II. А. Ровинскій и сербы.

5) А. Д. Рудневъ. Заслуги II. А. Ровинскаго передъ востоковѣдѣніемъ.

7. Согласно предложенію нѣкоторыхъ членовъ Отдѣленія Этнографіи, **постановлено** просить А. А. Шахматова дать для „Живой Старинѣ“ статью объ извѣстной собирательницѣ и составительницѣ сборниковъ народныхъ пѣсенъ Зинаидѣ Феодоровнѣ Радченко, скончавшейся 5-го марта сего года, а также просить С. И. Руденко переговорить о томъ же съ О. К. Волковымъ.

8. Согласно предложенію Предсѣдательствующаго, **постановлено** присыпать бюро приложенийъ къ „Живой Старинѣ“ представить въ Отдѣленіе о всѣхъ поступающихъ въ бюро рукописяхъ для доклада Редакціонной Комиссіи.

9. Предсѣдательствующій доложилъ Отдѣленію о результатахъ работы комиссіи по вопросу объ учрежденіи при университетахъ кафедръ антропологии, этнографіи и исторіи культуры. Комиссія пришла къ заключенію о необходимости учрежденія кафедры антропологии при физико-математическомъ факультетѣ, съ тѣмъ, чтобы эта кафедра была самостоятельна отъ кафедры географіи на томъ же факультетѣ, и кафедры этнографіи при историко-филологическомъ факультетѣ. Вопросъ же объ учрежденіи особой кафедры исторіи культуры рѣшенъ отрицательно. Согласно постановленію комиссіи, члены ея О. К. Волковъ, Н. М. Могилевскій и Л. Я. Штернбергъ представили свои записки по данному вопросу.

Постановлено: Принять заключеніе комиссіи, записки трехъ ея членовъ напечатать въ приложении къ настоящему журналу и представить заключеніе комиссіи и записки въ Совѣтъ, съ просьбою дать имъ дальнѣйшій ходъ.

10. Доложены: Просьбы Редакціонной Комиссіи: ходатайствовать предъ Совѣтомъ 1) о пожертвованіи въ библіотеку этнограф. Музея Историко-филологич. Общества при И. Харьковскомъ Университетѣ недостающаго комплекта журнала „Живая Старина“ за 1904 г. и 2) о предоставлении Русскому Библіографическому Обществу: а) „Библіографического указателя“ Д. К. Зеленина и б) „Указателя къ изданіямъ И. Р. Г. О.“

Постановлено: ходатайствовать предъ Совѣтомъ О—ва объ удовлетвореніи просьбы Редакціонной Комиссіи.

11. Доложены: Просьбы: 1) Н. Н. Дурново о выдачѣ ему комплекта „Живой Старины“, 2) Савченко о выдачѣ II—IV вып. „Ж. Ст.“ за 1912 г. и, если возможно, обоихъ томовъ сказокъ Д. М. Зеленина.

Постановлено: ходатайствовать предъ Совѣтомъ О—ва о выдачѣ гг. Дурново и Савченко просимыхъ ими изданій.

12. Доложена просьба учителя Турдайского Земскаго Училища Н. И. Кудрявцева принять его въ число членовъ-сотрудниковъ, такъ какъ онъ „глубоко заинтересованъ дѣятельностью Общества и желаетъ доставлять постоянно Обществу нужные ему свѣдѣнія“.

Постановлено: просить г. Кудрявцева прислать образцы своихъ трудовъ изъ области этнографіи, дабы Отдѣленіе могло судить о ихъ достоинствахъ.

13. д. чл. С. Ф. Ольденбургъ и д. чл. Д. К. Зеленинъ предлагають избрать въ члены-сотрудники пр.-доц. И. Московскаго университета Николая Николаевича Дурново, специалиста по русской діалектологии, члена Московской Діалектологической Комиссіи, одного изъ трехъ составителей изданной Географическимъ Обществомъ діалектологической карты.

Постановлено: избрать Н. Н. Дурново членомъ-сотрудникомъ Отдѣленія Этнографіи, о чемъ доложить Совѣту Общества.

Журналъ

засѣданія Отдѣленія Этнографіи Р. Г. О. 11 ноября 1916 г.

Засѣданіе состоялось подъ предсѣдательствомъ Помощника Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи А. А. Шахматова, въ присутствии гг. дѣйствительныхъ членовъ и членовъ-сотрудниковъ: Б. Б. Барадайна, В. В. Бартольда, Б. Я. Владимірова, В. Ф. Гетце, К. К. Гильзена, Н. П. Евстиф'ева, Д. А. Золотарева, В. М. Іонова, В. И. Іохельсона, А. А. Макаренко, С. Е. Малова, Н. Н. Михайловскаго, А. А. Петерса, Б. Э. Петри, Р. Д. Семенова-Тянъ-Шан-

скаго, К. И. Чабурина, И. Ф. Щербатского и стороннихъ постти-
телей, при Секретарѣ Э. К. Некарскомъ.

1. Прочитанъ и утвержденъ журналъ предыдущаго заѣданія.

2. Секретарь Отдѣленія доложилъ о смерти д. чл. Н. Н. Лебедева, много работавшаго въ области родиновѣдѣнія въ естественно историческомъ, антропологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Покойный Н. Н., въ качествѣ подпоручика, погибъ 30 мая с. г. отъ германскихъ удушливыхъ газовъ, выполняя отвѣтственное порученіе.

По предложению Предсѣдательствующаго память Н. Н. Лебедева была почтена вставаніемъ.

3. Доложено о поступлениі отъ Библіотеки Этнографического Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III списка книгъ, полученныхъ Библіотекою въ апрѣль—сентябрѣ с. г.

4. Доложена просьба Александра Николаевича Красильникова о присылкѣ ему въ Выборгъ извѣщеній о публичныхъ сообщеніяхъ и до-
кладахъ въ Этнографическомъ Отдѣленіи.

Постановлено: посыпать.

5. Доложенъ отчетъ Д. А. Золотарева по командировкѣ въ Яро-
славскую губ. для антропометрическихъ изслѣдований великорусского
населенія.

Постановлено: передать Секретарю Общества.

6. Доложено о поступившихъ въ Отдѣленіе и редакцію „Живой Ст-
рины“ изданіяхъ:

1) Ученые Записки Императ. Юрьевскаго Университета. 1915 г., № 12
и 1916 г., №№ 1—6. Юрьевъ.

2) Русскій Архивъ 1916, №№ 4, 5—6. Москва.

3) Political Science quarterly. Volume XXXI, June 6, 1916 (Number 2).

4) Труды Костромскаго Научнаго Общества по изученію мѣстнаго
края, вып. V. Крестьянская деревня въ первое время войны. Кострома.
1916.

5) Татары на Кавказѣ (по легендамъ кабардинцевъ). С. Фарфаров-
скаго.

6) Ученые Записки Московскаго Университета. Отдѣлъ естественно-
историческій. Вып. 39. М. 1916.

7) Этнографическое Обозрѣніе 1915, № 3—4 (кн. CVII—CVIII). М.
1916.

8) Вѣстникъ психологии, криминальной антропологии и педологии.
1916. Т. XII. Вып. II—III. II. 1916.

9) Труды Саратовской ученой архивной комиссіи. Вып. 33-й 1916 г.
Саратовъ. 1916.

10) В. Шалимпестовъ, свящ. Потѣзда на Тверскіе церковно-архео-
логическіе курсы (съ 28 мая по 8 июня 1912 г.). Саратовъ. 1916.

11) В. Ф. Невзоровъ. Происхожденіе обрядового алкоголизма. Опытъ
въ области этнографіи и исторіи права. Ненза. 1916 г.

12) Волховской Листокъ отъ 15 октября 1904 г. № 338.

13) Журналъ „Спасаніе на водахъ“, сентябрь 1907 г. № 9.

14) „Угличанинъ“ 3 октября 1907 г. № 77.

15) „Рыбинскій Вѣстникъ“ 16 сентября 1910 г. № 208.

16) „Сѣверный Край“ 3 декабря 1910 г. № 1.

17) Рыбинская газета „Копѣйка“ 17 февраля и 23 мая 1912 г. №№
45 и 133.

18) М. В. Муратовъ. Цѣсніи Людей Божіихъ. Отдѣльный оттискъ
изъ журнала „Этнографическое Обозрѣніе“ 1915 г., № 3—4 (кн. CVII—
CVIII). Москва. 1916.

19) Вѣстникъ Рыбинской Биржи 1916, № 213.

20) Д. А. Золотаревъ. 1) Изъ исторіи родиновѣдѣнія. Памяти Н. Н.
Лебедева. Отд. отт. изъ журнала „Русскій Экскурсантъ“ № 6, 1916 г.
2) Антропологическая данная о великоруссахъ побережья рр. Сухоны
и Сѣв. Двины. II. 1916. Отд. отт. изъ VI т. Ежегодника Р. Антропологич.
О-ва при Петрогр. Университетѣ.

21) Русский Экскурсантъ 1916 г., № 6.

7. Деложено о поступившихъ въ Отдѣлениѣ и въ редакцію „Живой Старинѣ“ рукописяхъ:

1) Е. Ромасъ. Будущая жизнь въ пониманіи Ѳговистовъ, какъ показатель ихъ соціальныхъ идеаловъ.

2) И. Е. Евсенинъ. Къ этнографіи бурятъ. Программа этнографич. изслѣдованія аршановъ у бурятъ Иркутской губ.

3) Вл. Тростянянскій. Солдатская пѣсни, записанныя въ г. Ельцѣ, Орловской губ.

4) И. В. Костоловскій. Повѣрья: 1) на безголовье, 2) о половомъ сношении, 3) обѣ убавкѣ удоя у коровъ молока, 4) о характерѣ мужчинъ, 5) о домовомъ, 6) сердце сердца вѣсть подаетъ, 7) о венцахъ послѣ умершаго, 8) на ночь голову не чешутъ.

5) В. И. Крутиковъ. Частушки Тамбовской губ., Спасскаго у., Славимской вол., с. Слаимъ.

6) А. Шютровскій. Рецензія на томъ III Сборника Музея Антропологии и Этнографіи имени Императора Петра Великаго при Академіи Наукъ (II. 1916).

7) В. Соловьевъ. Изъ области этнографіи якутовъ. I. Варіантъ преданія о жизни Тыгына, якутскаго богатыря, до прихода русскихъ. II. Варіантъ преданія о Верхолинскомъ хребтѣ. III. Изъ разсказовъ о тунгусахъ. IV. Разсказъ о рыболовѣ-якутѣ. V. Изъ разсказовъ о медвѣдѣ. VI. Изъ повѣрій о плотоядныхъ птицахъ.

8) Гр. Дмитріевъ-Садовниковъ. Замѣръ.

9) Свѣдѣнія о великорусскихъ народныхъ говорахъ въ уу. Бѣлозерскомъ, Кирилловскомъ, Боровичскомъ, Тихвинскомъ, Валдайскомъ, Череповецкомъ и Устюженскомъ — Новгородской губ. и въ Оханскомъ у. — Пермской губ. отъ разныхъ лицъ (преимущественно священниковъ и народныхъ учителей и учительницъ).

10) В. Эрніцъ. „Эстонский Национальный Музей“ въ г. Юрьевѣ (Лифляндской г.), съ приложеніемъ 21 открытаго письма съ видами данного музея.

11) И. Каллиниковъ. Народныя примѣты (записано въ Миценскомъ уѣзда въ 1915 году).

12) А. Бурдуковъ. Роды у байтовъ (обычаи и знахарство во время родовъ).

13) М. Муратовъ. Пѣсни, полученные отъ новоизраильянъ.

8. Деложены слѣдующія постановленія Редакціонной Комиссіи: 1) удовлетворить просьбу Тотемскаго Отдѣла Вологодскаго Общества Изученія Сѣверного Края о высылкѣ комилекта „Живой Старинѣ“ и дальнѣйшихъ выпусковъ въ порядкѣ обмѣна. 2) Постыдѣть изданія Отдѣлениѣ Этнографіи, какъ вновь выходящія, такъ и прежде вышедшия, въ Дашковскій Этнографический Музей при Московскому и Румянцовскому музеѣ. 3) Въ виду значительного спроса на отдельные оттиски статей въ изданіяхъ Географіч. Общества, въ особенности статей по этнографіи, увеличить число печатаемыхъ для продажи оттисковъ статей изъ „Живой Старинѣ“ до ста экземпляровъ.

Постановлено: утвердить, о чёмъ доложить Совѣту Общества.

9. Заслушанъ протоколъ засѣданія Правленія Туркестанскаго Отдѣла Р. Г. О., посвященный вопросу обѣ этнографическомъ и историко-географическомъ изученіи Туркестана.

10. Д. чл. Л. Я. Штернбергъ сдѣлалъ сообщеніе на тему: „Идея избранничества въ шаманствѣ у гольдовъ“ по слѣдующей программѣ:

1) Идея избранничества — основная идея шаманства вообще. Идея избранничества и идея приобрѣтенія духовъ-покровителей. Духи-покровители и духи-помощники шамана. — Избранничество родовое и избранничество индивидуальное. — Наслѣдственность и избранничество. — Мотивы избранничества.

2) Идея избранничества у гольдовъ. — Ясное дифференцированіе ду-

ховъ-покровителей (ajamī) и духовъ-помощниковъ. — Значеніе термина — ajamī. — Сексуальный мотивъ избранничества.

3) Свидѣтельства гольдскихъ шамановъ объ ихъ духахъ-покровителяхъ.

4) Сексуальные мотивы избранничества у другихъ сибирскихъ народовъ.

5) Ajamī у гольдскихъ божествъ и ученіе о Сакт въ Индії.

6) Сексуальный мотивъ, какъ одинъ изъ общихъ мотивовъ религіознаго избранничества у первобытныхъ народовъ. (Были показаны діапозитивы).

По поводу сообщенія были сдѣланы замѣчанія В. М. Іоновымъ, В. И. Іохельсономъ и А. А. Макаренко, которымъ докладчикъ давалъ съ своей стороны разъясненія.

В. И. Іохельсонъ указалъ на разницу между приведенными докладчикомъ сексуальными мотивами избранничества у шамановъ нѣкоторыхъ сибирскихъ народностей и аналогичными явлениями религіозной жизни культурныхъ народовъ древности. Такъ, жрицы, посвященные вавилонскому Белу, ассирийскому Набу, египетскому Аммону или греческому Аполлону, принадлежали только своимъ божественнымъ супругамъ и должны были воздержаться отъ половыхъ сношеній со смертными. Въ приведенныхъ данныхъ о сибирскихъ шаманахъ послѣдніе имѣютъ также и земныхъ женъ, не возбуждая при этомъ ревности своихъ женъ-духовъ.

Всѣ факты, сообщенные Л. Я. относительно сексуального элемента въ шаманскомъ избранничествѣ у гольдовъ, бурятъ и телеутовъ, высоко интересны и бросаютъ новый свѣтъ на взаимоотношенія шамановъ и ихъ духовъ. Вообще половая любовь играла видную роль во всѣхъ религіозныхъ культурахъ. Но трудно все-таки сказать, насколько сексуальный элементъ оказывается въ шаманствѣ всеобщимъ явленіемъ, въ особенности такимъ преобладающимъ, какъ у гольдовъ. Такъ, одинъ якутскій шаманъ считалъ своимъ главнымъ духомъ-покровителемъ душу шамана-предка. Такое же объясненіе далъ В. И. одинъ тунгускій шаманъ относительно человѣческой фигуры на его кафтанѣ. Въ этихъ двухъ случаѣахъ сексуальный элементъ не имѣлъ мѣста. Дальнѣйшее изслѣдованіе этого вопроса является весьма желательнымъ.

В. М. Іоновъ прежде всего спросилъ докладчика, какіе именно духи — „добрѣе“ или „злѣе“, какъ принято ихъ называть, — избираются того или другого человѣка, предназначая его въ шаманы. Когда докладчикъ пояснилъ, что избираются цухи благожелательные человѣку, В. М. Іоновъ указалъ, что у якутовъ существуютъ черные шаманы, данные духами, питающимися человѣческими душами, и шаманы, данные такъ называемыми „добрѣмы“ духами. И только первые шаманы могутъ совершать дѣйствія, ведущія къ исцѣленію, къ возвращенію души. Говорить здѣсь объ участіи духовъ, „благожелательныхъ“ человѣку, нельзя. Что касается сексуального мотива, то, по мнѣнію В. М. Іонова, его можно принять какъ *одинъ* изъ мотивовъ. Такъ, напр., якуты строго-послѣдовательно провели родовой строй въ своихъ религіозныхъ представленіяхъ. При замкнутости и изолированности родовъ, брачные связи — при экзогаміи, конечно — могли бы обусловить пригодность брачущагося или брачущейся къ роли посредника и то только по отношенію къ одному роду. Сексуальный мотивъ, слѣдовательно, не можетъ быть общей основой избранничества.

На замѣчанія В. И. Іохельсона Л. Я. Штернбергъ отвѣтилъ:

„И въ античныхъ культурахъ жрицы-земные жены боговъ могли вступать въ половое общеніе съ посторонними, не нарушая этимъ „святости“ супружескихъ отношеній къ богамъ. Такъ, во времена Страбона конкурбины бога Амона, красивыя дѣвушки благороднаго происхожденія, въ періодъ своей службы въ храмѣ свободно проституировали себѣ всякому желающему. Еще раньше земная жена Амона, почевавшая постоянно въ его храмѣ, обычно была въ то же время женою царя. Мало того. Все

говорить за то, что такъ называемая „священная проституція“ была лишь формой сексуального служенія божеству.

„Что касается того факта, что „одинъ якутскій шаманъ считалъ своимъ главнымъ духомъ-покровителемъ душу шамана—предка“, то это никакъ не противорѣчить положеніямъ доклада: духи предковъ въ роли покровителей шамановъ, какъ это много разъ было указано мною въ докладѣ, фигурируютъ и у тѣхъ народовъ, у которыхъ сексуальный мотивъ констатированъ—у бурятъ, у гольдовъ и т. д., но это представление, какъ я говорилъ, позднѣйшаго происхожденія и вызвано идеей наследственности шаманскаго дара; духъ-предокъ, какъ это явственno видно у бурятъ, является посредникомъ между неофитомъ-шаманомъ и его небесными жenами.

„Наконецъ, охотно допускаю, что, эволюціонируя, идея послѣдственности можетъ привести къ тому, что фигура предка-шамана совершенно затемнитъ и даже совсѣмъ вытѣснитъ мотивъ сексуальный“.

На замѣчанія В. М. Іонова:

„Считаю утвержденіе оппонента, будто шаманы-пѣлити болѣзней у якутовъ покровительствуются *исключительно злыми духами, питающими душами*“, но менѣшей мѣрѣ слишкомъ категорическимъ. Выходило бы, что якуты въ возврѣніяхъ на шамана являются какимъ-то исключениемъ среди всѣхъ народовъ. Но даже и такое возврѣніе не исключаетъ наличности сексуального мотива, тѣмъ болѣе что г. Іоновъ не знаетъ другого мотива, почему духъ, питающійся душами, вдругъ начинаетъ покровительствовать шаману и помогаетъ ему лѣчить тѣхъ самыхъ людей, душами которыхъ онъ питается. Что касается второго замѣчанія г. Іонова, то, признаюсь, не совсѣмъ понимаю, почему экзогамность и строгой родовой строй стоять въ противорѣчіи съ сексуальнымъ мотивомъ. Вѣдь, какъ я указывалъ, небесный супругъ или супруга шамана именно принадлежатъ къ кругу духовъ-сородичей. Каждый родъ имѣтъ своихъ духовъ-покровителей, небесныхъ супруговъ своихъ родовыхъ шамановъ. Наконецъ, и я признаю, что, кромѣ сексуального, могутъ быть и другіе мотивы избранничества“.

11. Е. Д. Поливановъ сдѣлалъ сообщеніе на тему: „Изъ встрѣчъ съ японскими шаманами“ по слѣдующей программѣ:

- 1) Оговорка о незначительности и случайности наблюденій.
- 2) Наименование шамановъ и шаманокъ въ Японіи.
- 3) Связь шаманства съ культомъ Лисицы.
- 4) Описаніе камланія синтоистской шаманки.
- 5) Шаманъ культа Лисицы (отказался отъ камланія въ моемъ присутствіи).
- 6) Разсказъ о вызываніи мертвыхъ.

7) Шаманство въ буддійской окраскѣ (секты Нитирэн). Школа шамановъ въ Токіо—описаніе камланія.

По поводу доклада Е. Д. Поливанова Б. В. Барадійнъ указалъ, что японское шаманство мало похоже на первобытное шаманство; скорѣе оно есть полубуддійскій или полусинтоистскій культъ, возникшій изъ нѣдръ древнѣ-японскаго шаманства. Въ этомъ отношеніи культъ этотъ имѣтъ полную аналогію съ ламайскимъ культомъ „чойджоновъ“—гений-хранителей, боговъ національно-тибетской міоологии; чойджоны могутъ войти въ душу особыхъ людей—„гургеновъ“, прорицателей, которые, прежде чѣмъ выступать въ роли прорицателей, должны пройти суровую школу „гургеновъ“.

Журналъ

засѣданія Отдѣленія Этнографіи И. Р. Г. О. 26 ноября
1916 г.

Засѣданіе состоялось подъ предсѣдательствомъ Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи С. ѡ. Ольденбурга, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ и членовъ-сотрудниковъ: В. В. Бартольда, Б. Я. Владимірцова, ѡ. К. Волкова, В. А. Егорова, Д. К. Зеленина, Д. А. Золотарева, С. П. Руденко, А. Д. Руднева, Л. Я. Штериберга и стороннихъ посѣтителей, при секретарѣ ѡ. К. Пекарскомъ.

1. Прочитанъ и утвержденъ журналъ предыдущаго засѣданія.

2. Доложено постановленіе Редакціонной Комиссіи Отдѣленія Этнографіи объ удовлетвореніи просьбы Пермской Городской Общественной Библіотеки—выслать журналъ „Живую Старицу“ по возможности за всѣ годы изданія и указатели къ нему, за исключеніемъ имѣющихся въ Библіотекѣ вып. 1 и 2 за 1905 г., вып. 1—4 за 1906 г. и вып. 1 за 1916 г.

Постановлено: просить Совѣтъ Общества объ удовлетвореніи ходатайства Пермской Городской Общественной Библіотеки.

3. Предсѣдательствующій доложилъ о намѣреніи Юрьевскаго Университета упразднить имѣющуюся въ немъ кафедру этнографіи.

Постановлено: обратиться въ Юрьевскій Университетъ черезъ Совѣтъ Общества съ просьбою не упразднять кафедры этнографіи, въ случаѣ же если въ Университетѣ не будетъ лица, которое могло бы занимать эту кафедру; то засѣданіе Этнографіи съ своей стороны предлагаетъ прискать и рекомендовать такое лицо.

4. Доложенъ отчетъ С. П. Рудеко по командировкѣ лѣтомъ 1916 г. въ Оренбургскую губ. для антропометрическихъ изслѣдований.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію и передать Секретарю Общества.

5. Члены Отдѣленія А. Д. Рудневъ и Б. Я. Владимірцовъ внесли предложеніе объ избраниіи въ члены-сотрудники переводчика при Росс. Консультатѣ въ Кобдо Алексея Васильевича Бурдукова.

Постановлено: избрать А. В. Бурдукова въ члены-сотрудники Отдѣленія, о чемъ сообщить Совѣтъ Общества.

6. ѡ. К. Волковъ предложилъ Отдѣленію обратиться въ Совѣтъ Общества съ ходатайствомъ объ избраниіи въ члены-корреспонденты Отдѣленія Этнографіи профессора Ecole d'Anthropologie Adrien de Mortillet, а Л. Я. Штерибергъ обратился съ такимъ же предложеніемъ относительно извѣстнаго ученаго Фрэзера.

Постановлено: на основаніи §§ 41 и 39 войти въ Совѣтъ Общества съ ходатайствомъ объ избраниіи проф. Mortillet и Фрэзера въ члены-корреспонденты Отдѣленія Этнографіи и просить ѡ. К. Волкова и Л. Я. Штериберга составить соотвѣтственные записи.

7. Доложено о выходѣ въ свѣтъ I вып. „Живой Старины“ за 1916 г. и „Приложенія“ № 5, имѣющаго войти въ составъ печатающагося двойного выпуска II—III „Живой Старины“ за текущій годъ.

8. Доложено о поступившемъ въ Отдѣленіе Этнографіи изданіи: „Отчетъ о дѣятельности Ставропольской Ученой Архивной Комиссіи за 1915 г. Труды Ставропольской Учен. Арх. Комиссіи“ (Ставрополь. 1916 г.).

9. Доложено о поступившихъ въ Отдѣленіе Этнографіи рукописяхъ:

- 1) Рецензія В. Н. Харузиной на книгу Д. К. Зеленина: „Очерки русской миѳологии“, вып. I. И. 1916.

- 2) М. К. Струмѣнскій: „Изъ церковно-приходской лѣтописи Воскресенскаго прихода м. Чуднова, Волынской губ., Житомир. у.

3) К. И. Цвѣтковъ: Старое народное творчество. (Изъ личныхъ наблюдений и записей въ Костромской губ.).

4) И. В. Костоловскій: 1) Звукоподражаніе птицамъ. 2) Пословицы и поговорки о хвастовствѣ и похвалѣ.

10. Л. Я. Штернбергъ внесъ предложеніе просить Совѣтъ Общества отъ имени Комиссіи по составленію этнографическихъ картъ Россіи изыскать какія-либо средства для увеличенія бюджета Общества.

Д. А. Золотаревъ указалъ, что разсылаемые Комиссіей опросные листы заключаютъ въ себѣ настолько важный материалъ, касающійся хозяйственного быта, жилищъ, одежды и пр. населения, что было бы необходимо изыскать средства для скорѣйшаго окончанія сбора материала и обработки его.

С. И. Руденко возбудилъ вопросъ объ антропометрическомъ изслѣдованіи инородцевъ, находящихся въ тылу, на что, вѣроятно, правительство не отказалось бы дать средства.

Постановлено: просить Предсѣдательствующаго войти въ Совѣтъ Общества съ соотвѣтственнымъ ходатайствомъ, а Комиссію по составленію этнографическихъ картъ Россіи—представить мотивированную записку по возбужденному вопросу.

11. Доложена смета расходовъ по Отдѣленію Этнографіи на 1917 годъ:

на изданіе „Записокъ по Отдѣленію Этнографіи“	5.500 р.
” изданіе журнала „Живая Старина“	5.000 ”
” Комиссію по составленію этнографическихъ картъ Россіи	4.145 ”
” Комиссію русскихъ сказокъ	500 ”
” Комиссію по орнаменту народовъ Россіи	350 ”

Постановлено: Смету утвѣрдить и съ согласіемъ МОКУСА отдать свои сметы къ 1-му ноября въ засѣданіе Общества и заблаговременно разослать въ засѣданіе Общества съ согласіемъ МОКУСА для ознакомленія.

Отдѣльный оттискъ изъ „Извѣстій Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“, томъ LII, вып. X, 1916 г.

Типографія М. М. Стасюлевича, Петроградъ. Вас. остр., 5 лин., 28.

Поступили въ продажу отдельные отиски статей, помещенныхъ въ „Живой Старинѣ“ за 1915 и 1916 гг.:

844. **Н. И. Веселовский.** Деятельность В. И. Ламанского въ Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ. 8 стр. Ц. 10 коп.

845. **В. П. Семеновъ-Тянъ-Шанскій.** Владимиръ Ивановичъ Ламанскій, какъ антропогеографъ и политико-географъ. Съ картой антропогеографическихъ областей Российской Имперіи по В. И. Ламанскому. 12 стр. Ц. 25 к.

846. **И. В. Колобовъ.** Русская свадьба Олонецкой губерніи, Пудожского уѣзда, Коробозерской волости. 70 стр. Ц. 60 коп.

847. **А. Андреевъ.** Купчакъ. Русская плясовая нація. 10 стр. Ц. 15 коп.

848. **Э. А. Вольтеръ и М. М. Вуничевичъ.** Сербская легенда о двухъ царствахъ—Божиемъ и Дьявола. 14 стр. Ц. 20 коп.

849. **Н. В. Никольский.** Распространеніе христианства среди нижегородскихъ чуваши до 1764 г. 46 стр. Ц. 50 коп.

850. **А. Н. Самойловичъ.** Запретные слова въ языке казакъ-киргизской замужней женщины. 8 стр. Ц. 10 коп.

851. **С. Ф. Ольденбургъ.** Дмитрій Александровичъ и Елизавета Николаевна Клеменцы. 4 стр. Ц. 10 коп.

852. **Н. Ф. Познанский.** Обзоръ русской этнографической литературы за 1914 г. Великороссы. 44 стр. Ц. 50 коп.

863. **С. Н. Паткановъ.** Проектъ составленія племенной карты Россіи. Стр. 28. Ц. 30 коп.

864. **І. Ф. Каллиниковъ.** Сказчики и ихъ сказки. (Дѣтняя поѣздка въ Болховской, Сѣверской и Трубчевской уу. Орловской губ. въ 1914 г.). Стр. 28. Ц. 30 коп.

865. **С. Д. Майнагашевъ.** Загробная жизнь по представлениямъ турецкихъ племенъ Минусинского края. Съ 4 таблицами рисунковъ. Стр. 16. Ц. 30 коп.

866. **В. И. Іохельсонъ.** Образцы материаловъ по алеутской живой старинѣ, собранныхъ на Алеутскихъ островахъ въ экспедиціи Ф. Н. Рябушинского. Стр. 16. Ц. 20 коп.

880. **Н. М. Могилянскій.** Предметъ и задачи этнографіи. Стр. 22. Ц. 30 к.

882. **Г. С. Виноградовъ.** Самоврачаніе и скотолѣчение у русского старожилаго населения Сибири. (Материалы по народной медицине и ветеринарии). Стр. 108. Ц. 1 р. 25 к.

902. **Г. Н. Потанинъ.** Казакъ-киргизская и алтайская преданія, легенды и сказки съ примѣчаніями автора и указателемъ собственныхъ имёнъ, составленными А. Н. Самойловичемъ. Стр. 152. Ц. 1 р. 75 к.

903. **В. П. Мансикка.** Изъ финской этнографической литературы. Стр. 33. Ц. 40 к.

904. **Ив. Максимовъ.** Свадебные обряды крестьянъ Лужского у. Петроградской губ. Стр. 20. Ц. 30 коп.

905. **А. К. Сержпутовскій.** Поѣздка въ нагорный Дагестанъ. Со вступлениемъ акад. И. Я. Марра. Стр. 30. Ц. 50 к.

906. **Н. М. Могилянскій.** Областной или мѣстный музей, какъ типъ культурнаго учрежденія. Стр. 24. Ц. 40 к. .

Примѣчаніе. При заказахъ просить, ссылаясь на №№ отисковъ, обращаться въ магазинъ Русского Географического Общества (Петроградъ. Демидовъ пер. 8а. Тел. 19—72. Отъ 1 ч. до 5 ч. попол.). Для членовъ Общества дѣлается скидка въ размѣрѣ 20%.

ЖИВАЯ СТАРИНА

XXV

ГОДЪ ИЗДАНИЯ

1916

Основана В. И. Ламанскимъ.

XXV

ГОДЪ ИЗДАНИЯ

1916

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи Русскаго Географическаго Общества, С. О. Ольденбурга, при содѣйствіи Секретаря Отдѣленія Э. К. Пекарскаго и Редакціонной Комиссіи, выходитъ **четырьмя** выпусками, по 8—ю листовъ въ каждомъ, въ мартѣ, маѣ, октябрѣ и декабрѣ.

Программа журнала: Изученіе виѣшнихъ и внутреннихъ особенностей народностей Россіи и сопредѣльныхъ съ нею странъ; ихъ взаимодѣйствія въ прошломъ и въ настоящемъ; изученіе народныхъ языковъ, нарѣчій и говоровъ, народной словесности, быта,—вообще живой народной старины; критическій и библиографическій обзоръ литературы народовѣдѣнія.

Подписная цѣна: съ доставкою для городскихъ подиписчиковъ—5 р., для иногороднихъ—5 р. 50 к. и за границу—6 р., для книжныхъ магазиновъ—скидка по соглашенію, соразмѣрно количеству требуемыхъ экземпляровъ, для **сельскаго духовенства, учителей и учащихся**—2 р. 75 к. Для членовъ Отдѣленія Этнографіи, по особому каждый разъ заявлению въ Отдѣленіи—1 р. въ Петроградѣ и 1 р. 50 к. для иногороднихъ. Подписка принимается въ редакціи „Живой Старины“ (Петроградъ, Демидовъ пер., 8-а).

Редакція.

